

Об Хортневский
250 " Лунагёвичи-
Т92 помещ. 4
Росси
М. 1930г

25

250

T 92

С. И. ТХОРЖЕВСКИЙ

ПУГАЧЕВЩИНА
В
ПОМЕЩИЧЬЕЙ
РОССИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТКАТОРЖАН
1930

16/6/5

110989

ЖНА

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО ПОЛИТИЧЕСКИХ
КАТОРЖАН И ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВ

ИСТОРИКО - РЕВОЛЮЦИОННАЯ БИБЛИОТЕКА

ВОСПОМИНАНИЯ, ИССЛЕДОВАНИЯ,
ДОКУМЕНТЫ И ДР. МАТЕРИАЛЫ
ИЗ ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО
ПРОШЛОГО РОССИИ

1 9 3 0 г.

№ 1 (L)

МОСКВА

55
250
T 92

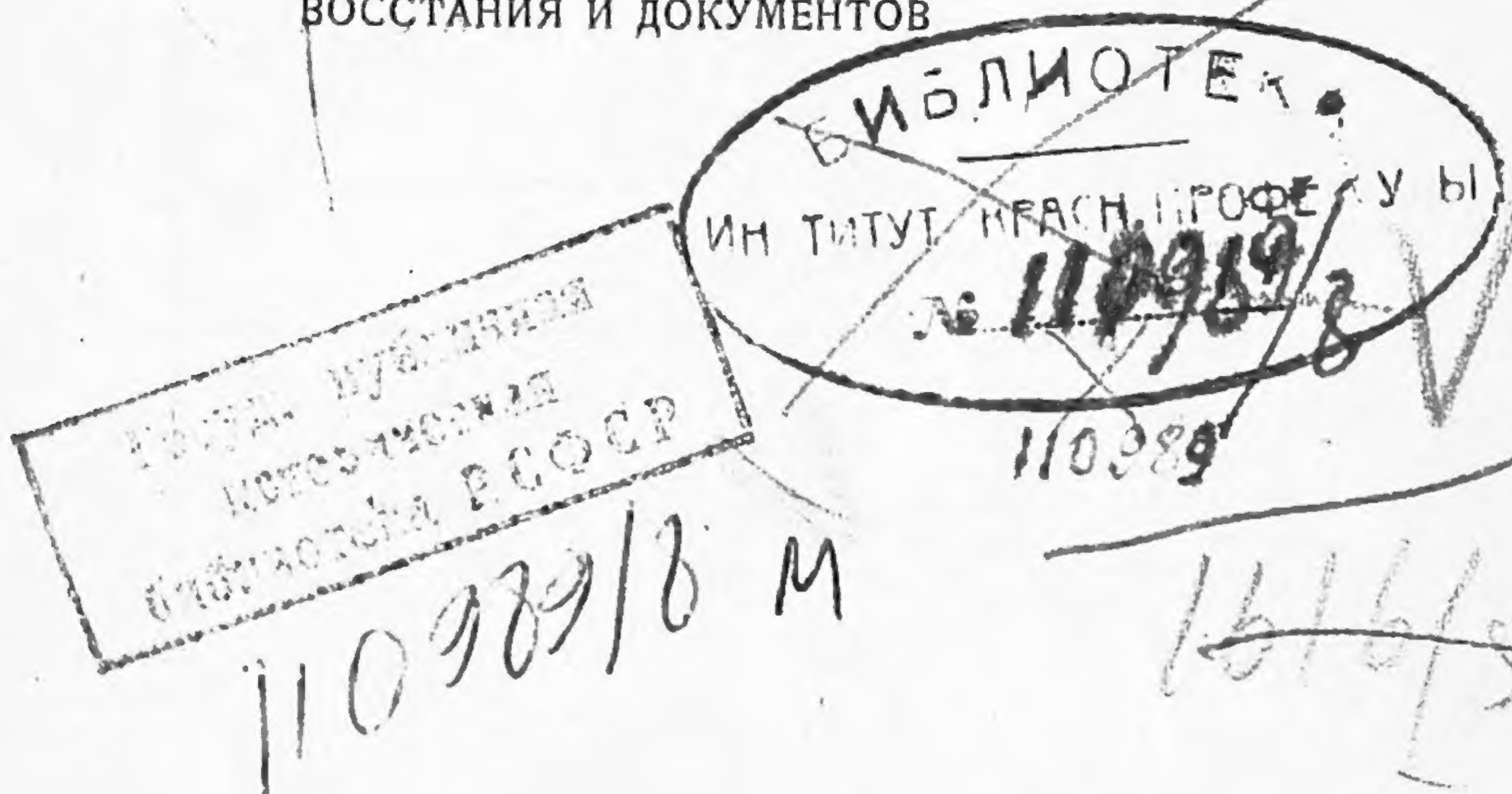
С. И. ТХОРЖЕВСКИЙ

91023.26

ПУГАЧЕВЩИНА В ПОМЕЩИЧЬЕЙ РОССИИ

ВОССТАНИЕ
НА ПРАВОЙ СТОРОНЕ ВОЛГИ
В ИЮНЕ—ОКТАБРЕ 1774 ГОДА

ПО НЕИЗДАННЫМ МАТЕРИАЛАМ
С ПРИЛОЖЕНИЕМ КАРТЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ
ВОССТАНИЯ И ДОКУМЕНТОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА
ПОЛИТКАТОРЖАН и СС.-ПОСЕЛЕНЦЕВ

~~0.3.~~
~~6135~~

Главлит № А 58810

Заказ 1730

Тираж 4000

Книжная ф-ка Центриздата Народов СССР. Москва,
Шлюзовая набережная, 10.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая работа посвящена заключительной фазе знаменитого восстания 1773—1774 гг., — последнему акту той исторической трагедии, которая была впоследствии названа пугачевщиной. Это — момент наибольшего подъема революционной волны, когда сам Пугачев и его штаб отходят далеко на задний план, заслоненные грандиозным стихийным движением массы; главная роль в этом массовом движении принадлежит помещичьим крестьянам; место действия — широкая полоса по правой стороне Волги, за сто лет до того уже бывшая ареной другого крупнейшего потрясения крепостной России — разинщины.

Известно, что пугачевщина, вспыхнув в сентябре 1773 года на отдаленной окраине России, среди яицкого казачества, стала затем распространяться по направлению к центру. Захватив сначала воинственный пастушеский народ башкир, уральских заводских крестьян и редкое земледельческое население огромных пространств всего Заволожья, в июле 1774 года она перекинулась на правый берег Волги — в помещичью Россию. Именно здесь, в этот последний момент восста-

ния, социальная сущность его как протеста против крепостного права достигла полного своего развития и отчетливого выражения. По словам одного старого исследователя, «тут-то собственно и началась пугачевщина»...¹

Действительно, общее представление о пугачевщине, жившее в среде господствующих классов, как самое страшное воспоминание (а может быть, и предчувствие), сложилось именно под впечатлением ее потрясающего финала, когда в течение каких-нибудь двух месяцев восстание всколыхнуло вдвое большие массы населения, а российское дворянство понесло неизмеримо большие жертвы, чем за все предыдущие десять месяцев пугачевщины. Это была, правда, агония, но вместе с тем и апогей восстания.

А между тем в исторической науке эта фаза пугачевщины остается до сих пор наименее исследованной. У первого историка пугачевского бунта, А. С. Пушкина, ей посвящена одна только последняя (восьмая) глава его «Истории»; у Н. Ф. Дубровина, сочинение которого остается самым полным исследованием (или, лучше сказать, самым полным собранием сырого материала) о пугачевщине, восстанию на правом берегу Волги уделена лишь часть последнего, третьего, тома. Наконец, в последнее время, уже после Октябрьской революции, в вышедшем сборнике Централхива о пугачевщине, где собрано все, что выходило из лагеря восставших, количество документов, относящихся к интересующему нас периоду, совершенно ничтожно. Очевидно, их и нет в архивах г. Москвы².

¹ Д. Анучин. „Граф Панин, усмиритель пугачевщины“, в „Русск. Вестнике“ за 1869 г., ч. 2-я, стр. 30.

² Настоящая работа была уже сдана издательству, когда появился 2-й том этого сборника:—„Пугачевщина. Т. II. Из следственных материалов и официальной переписки“. Однако в нем почти

Этот пробел — не случайный. Историки, работавшие по документам центральных архивов (Петербурга и Москвы), имели под руками тот материал о восстании 1773—1774 гг., который был в свое время собран правительством, руководившимся при этом чисто военной, а также полицейской точкой зрения. Следственные органы старались выяснить происхождение самозванства Пугачева, отыскать его вдохновителей и сообщников, и подвергали допросам множество лиц, так или иначе лично соприкасавшихся с самозванцем. Но огромное большинство активнейших участников восстания на правом берегу Волги никогда в глаза не видело того «императора Петра Федоровича», от имени которого оно действовало. Тут не-зачем было отыскивать виновных, — ибо «все бунтовали»; не-зачем было также исследовать причины восстания, — ибо они были и без того ясны. Задачей правительства сначала был беспощадный террор — «устрашение впавшей в остервенение черни» — при помощи виселицы и кнута, распределявшихся командирами частей правительственных войск без особого углубления в вопрос о степени виновности, просто по жребию; а затем, когда «возмущенная чернь» уже была вышеуказанным способом «возвращена в безмолвственное всеподданническое повиновение», правительство решило принять все меры к тому, чтобы пугачевщина была предана «забвению и глубокому молчанию».

Но то, что неинтересно и неважно с полицейско-практической точки зрения, может быть очень интересно и важно с точки зрения научно-исторической.

ничего нет для интересующей нас темы; лишь в 3-м томе редакция обещает посвятить один отдел (из пяти!) документам о роли крестьянства в пугачевщине. В тексте данной работы никаких изменений делать не понадобилось; некоторые добавления я сделал на основании этого сборника в примечаниях.

И то подавляющее господство стихии над началом организации, которое характеризует заключительную фазу пугачевщины, заставляет историка отнестись к ней с особым вниманием.

Конечно, и раньше в Заволожьи в пугачевском движении было много стихийного (как во всякой революции), не подчинявшегося организующему и контролирующему центру. Но там все-таки был некоторое время такой устойчивый центр — пугачевская «государственная военная коллегия» — с постоянным местопребыванием в столице самозванца, Бердской слободе; сюда обращались отдельные «полковники» и «атаманы» за директивами и помощью. Напротив, после того, как Пугачев, разбитый несколько раз на Урале, потерпел сокрушающий удар под Казанью и бежал на правый берег Волги, — он уже больше не мог оставаться на одном месте больше 2—3 дней; его государственная военная коллегия потеряла прежнее значение. Он перешел Волгу 17 июля с горстью приверженцев в 400—500 чел.; 20 июля достиг г. Курмыша, откуда круто повернул на юг, захватывая по дороге города — Алагырь 23 июля, Саранск 27-го, Пензу 1 августа, Саратов 6 августа. 21 августа Пугачев был уже под Царицыном, которого взять не мог, а 24-го окончательно был разбит Михельсоном под Черным Яром и, спасаясь, бежал обратно за Волгу по направлению к первоначальному очагу восстания — Яицкому городку. 15 сентября 1774 года, почти ровно через год после появления первого его манифеста от имени Петра III, он был схвачен своими ближайшими сообщниками и выдан правительству.

Стремительно уходя на юг, кидая по дороге заморенных лошадей и забирая свежих, Пугачев и его штаб, естественно, не были в состоянии руководить теми

многочисленными отрядами («партиями») своих сторонников, которые рассыпались во все стороны от пройденного ими пути Алатырь-Саранск-Пенза-Петровск-Саратов³. Действия этих партий не прекращались и после окончательного поражения «главной злодейской толпы» под Черным Яром, когда, следовательно, главный штаб восстания перестал существовать. Они продолжались даже тогда, когда самозванец был уже схвачен и выдан правительству... Но и до этого момента, в силу поспешности своего марша, Пугачев не имел возможности — хотя и делал попытки — поддерживать связь с «партиями», отделившимися от его толпы, не говоря уже о самостоятельно образовавшихся, численностью иногда в 3—4 человека. Поэтому их действия отражали в себе не общий план восстания, а весь сложный переклет чисто местных условий и порожденных ими мотивов поведения. И поэтому же изучение пугачевщины на правом берегу Волги может быть темой особого очерка.

В настоящей работе даны результаты изучения именно этого стихийного движения, в котором сам Пугачев не участвовал, — пугачевщины без Пугачева.

В I главе дается очерк хозяйственного быта указанного района, которому необходимо было предпослать краткое изложение хода колонизации края. Глава II рисует распространение и общий характер пугачевщины, а глава III посвящена специальному анализу: кто участвовал в движении, и против кого оно направлялось. В заключении даны некоторые выводы.

---

³ До Алатыря (где был первый продолжительный отдых 2 дня) Пугачев шел почти без остановок; после Саратова театр действий пугачевских партий значительно сужался, так как близки были границы Донского Войска, кое-как сумевшего отразить их попытки проникнуть на его территорию.

Материал для нижеследующего изложения дали преимущественно провинциальные архивы. В Воронежском Гос. Музее мною были изучены две объемистые книги (№№ 126 и 127, в 863 и 689 листов), представляющие собою поездные ведомости о ггах «разорениях», которые были причинены восстанием местным владельцам, а также челобитные этих последних; книги эти дают богатый материал не только для истории пугачевщины, но и для общей экономической истории России. В Тамбовском Историческом Архиве — драгоценнейшем собрании для всех историков XVIII века! — ряд дел, касающихся пугачевщины, оказался отправленным в Москву; их я мог использовать только по описанию (впрочем, иногда довольно подробному, с выдержками из документов), печатавшемуся в «Известиях Тамбовской Ученой Архивной Комиссии» за разные годы. Но, кроме них, в этом архиве осталось значительное количество документов, освещающих с разных сторон пугачевщину; здесь я упомяну, для примера, только о тех ежемесячных «ведомостях колодникам», которые посылались воеводскими канцеляриями: в этих ведомостях большая часть арестантов в конце 1774 года и начале 1775 года принадлежала к участникам восстания, при чем о каждом указывалось не только имя, местожительство, сословие, возраст, но и содержание обвинения, — за что он содержится под караулом. Гораздо менее успешны были мои поиски в Пензенском Губархиве: здесь мне оказались полезны только окладные книги (списки владельцев по уездам с указанием числа душ). Наконец, нужно указать, что в Ленинграде я изучил некоторые рукописи, хранящиеся в Российской Публичной Библиотеке, из которых наибольший интерес представляет большое дело об участии в пугачев-

щине крестьян вотчины князей Куракиных⁴. Некоторые из наиболее интересных, на мой взгляд, документов помещены в конце книжки, в приложениях.

Среди печатного материала, кроме упомянутых «Известий Тамбовской Архивной Комиссии», существенный материал дают «Труды» Саратовской Архивной Комиссии. Что касается историков-исследователей пугачевщины, то, по справедливости, я должен упомянуть здесь одно забытое имя — Д. Л. Мордовцева. Будучи по преимуществу беллетристом, он занимался также и историческими исследованиями по части всяких «разбойников» и «бунтов». Критики справедливо указывали на несолидность этих работ, на то, что автор не цитирует, а по большей части пересказывает своими словами прочитанные им документы, при этом, повидимому, по памяти; поэтому в них трудно подчас различить, что взято из подлинных материалов и что, вольно или невольно, прибавлено пылкой фантазией автора. Но, как ни как, Мордовцев самостоятельно работал в архивах нижнего Поволжья, в которых многое, быть может, ныне уже утрачено; и такие его статьи, как «Пугачевский полковник Иванов», до сих пор являются единственным конкретным описанием того, что творилось на правом берегу Волги летом 1774 года.

Если бы я захотел перечислить всех тех, кому я обязан благодарностью за ту или иную помощь в моей работе, то список вышел бы довольно длинным. Сокращая его до минимума, я считаю своим долгом в настоящем предисловии поблагодарить тех работников провинциальных архивов, которые видели меня в пер-

---

⁴ „Собрание Тиханова“ № 75. — Его уже раньше использовал проф. А. И. Заозерский (в статье „Бунтовщики“, в сборнике „Века“. П. 1924); однако из него можно извлечь еще многое для изучения пугачевщины.

вый раз и тем не менее проявили исключительное внимание и предупредительность к товарищу по научной работе: Н. В. Валукинского, С. Н. Введенского и В. В. Литвинова — в Воронеже, С. И. Соколова — в Тамбове и А. Е. Любимова — в Пензе. Нельзя также не упомянуть о том, сколько я обязан работникам ленинградских библиотек—Университета, Российской Публичной и Академии Наук.

А в т о р.

ГЛАВА I

Колонизация и экономический быт восточной части Центрально-черноземной области в XVIII столетии.

1

Все пространство на правой стороне Волги, ставшее летом 1774 года ареной пугачевщины, в административном отношении составляло тогда следующие провинции: Арзамасскую и Алатырскую — Нижегородской губернии; Свияжскую, Симбирскую и Пензенскую — Казанской; Шацкую и Тамбовскую — Воронежской. По современному административному делению сюда входят Чувашская область и губернии Ульяновская (Симбирская), Пензенская и Саратовская, а также южная часть Нижегородской и восточная часть Тамбовской губернии.

На всем этом пространстве числилось по 3-й ревизии (производившейся в 60-х годах XVIII века) около 1.200.000 душ мужского пола, плативших подушную подать. Считая столько же женщин и принимая во внимание естественный прирост населения и прирост вслед-

ствие переселений после ревизии, а также небольшое сравнительно количество «благородных» (во всей империи, по исчислению современника, кн. Щербатова, дворян было около 50.000 душ м. п. и 100.000 д. обоего пола), можно принять все население равным приблизительно от 2½ до 3 млн. душ обоего пола. Эта цифра вдвое превышает численность населения Заволжского района восстания, от Казани до Челябинска и от Перми до Яицкого Городка.

Таким образом, наибольшие массы населения были вовлечены в восстание лишь в последний момент. Общая численность населения всех районов, захваченных пугачевщиной, была около 4½ миллионов человек. Принимая цифру населения всей Российской империи в 1774 году, по Щербатову, в 22½ миллиона, приходим к выводу, что восстание охватило одну пятую всего населения империи; и две трети пятой части приходится на правый берег Волги¹.

Население в 2½ миллиона для такого обширного района — это, конечно, немного. Но, несмотря на свою редкость, это население было довольно пестро как по своему племенному составу, так и по юридическому и экономическому положению. В этой пестроте отражался весь последовательный ход колонизации края.

Прежде всего надо выделить группу нерусского происхождения, бывшую первоначальным населением северной, лесистой, части края, — черемис, чувашей,

---

¹ Кн. Щербатов. „Статистика в рассуждении России.“ Собрание сочинений, т. I, стр. 533—541. К. Арсеньев. „Статистические очерки России“. СПб, 1848 г., стр. 93—102.—До реформы по учреждению о губерниях 1775 г. вся Россия делилась на 20 губерний, которые по своим размерам были гораздо крупнее современных (так, в Казанской губ. считалось 1.200 верст в длину и 900 верст в ширину) и делились на провинции, а провинции уже на уезды. См. в приложении А составленную мною таблицу численности населения изучаемого края по 3-й ревизии.

мордву и явившихся позднее татар. В Свияжской провинции еще по 3-й ревизии большинство населения состояло из крещеных черемис и чувашей, записанных государственными или ясашными крестьянами. Западнее и южнее их, в районе между реками Волгой, Окой, Сурой и притоками Мокши, жила мордва, записанная или ясашными или дворцовыми крестьянами (главным образом Краснослободский, Темниковский и Инсарский уезды).

Когда-то эти народы располагали огромными угодьями, дававшими им обильную дань природными произведениями лесистой страны — медом и мехами. Но шаг за шагом они должны были уступать их русским переселенцам, потесниться и перейти к земледелию: по своему хозяйственному быту они почти не отличались ко второй половине XVIII века от русских дворцовых или экономических крестьян. Прилив русских колонистов дал, в свою очередь, толчок к переселению первоначальных жителей — отчасти на восток, за Волгу, отчасти на юг, в степь. Этот последний колонизационный поток шел весьма интенсивно и в XVII, и в XVIII веках; по 2-й ревизии (40-е годы XVIII века) в Узинском стане Пензенского уезда (ныне северная часть Саратовской губ.) половину населения составляли мордва и татары. По 3-й ревизии, число их возросло, — но не так сильно, как численность русского населения, — и в Пензенском уезде числилось новокрещен около 23.000 душ м. п. да татар, плативших подушный оклад, 10.000, — что вместе составляло приблизительно 20% всего населения уезда. В Темниковском уезде «мурзы и татары» составляли также около 20% населения; примерно столько же было «черносошных крестьян», которые если не все, то, вероятно, в значительной части были мордовского происхождения. В Крас-

нослободском уезде все население состояло из дворцовых крестьян, среди которых наши статистические данные не выделяют русских и мордву; но мы знаем по другим источникам (см. ниже гл. II), что едва ли не большая часть дворцовых сел и деревень этого уезда была заселена новокрещенами из мордвы. В Инсарском уезде новокрещены из мордвы вместе с татарами и ясашными крестьянами составляли больше половины населения².

Вера и язык — вот что выделяло их из среды населения в неблагоприятную сторону. «Иноверцы» были всегда пасынками русского правительства. Государственная власть видела в православной церкви свою необходимейшую и надежнейшую опору и принимала все меры для развития и поддержки миссионерской деятельности среди иноверцев. В XVII веке последняя усиленно развивалась в Заокском крае, несмотря на упорное сопротивление обращаемых, против которых принимались самые решительные меры, вплоть до военных действий. Процесс «обращения» язычников в христианство был столь же медленным, сколько болезненным, — он не закончился и во второй половине XVIII века. Для того чтобы побудить иноверцев к переходу в православие, правительство давало им на три года после крещения льготу от подушной подати и рекрутского набора — средство очень действительное при том напряжении всех средств государства, которого требовала завоевательная политика России в

---

² См. таблицу в приложении А. Об участии дворцовых крестьян-мордвы Краснослободского уезда в пугачевщине — см. гл. II. По данным 1925 г. в Пензенской губернии мордва составляла 16% населения, татары — 4%, в Симбирской губ. по переписи 1897 г. было мордвы 12,2% всего населения, в Саратовской — 6,6%, в Тамбовской — 3,3%.

XVIII веке. По 3-й ревизии, огромное большинство бывших иноверцев оказалось уже «новокрещенами», из-за которых отягчалось податное бремя их бывших единоверцев; отсюда — вражда и рознь между ними.

Но принятие православия фактически не ставило еще новообращенных в равное положение с русскими государственными (не помещичьими) крестьянами, так как оставалось еще одно условие, очень облегчавшее администрации всякие притеснения и незаконные поборы: незнание русского языка. Конечно, и русские крестьяне испытывали то же самое, но все-таки не в такой степени. Для XVIII века сохранилось достаточно документальных данных о почти невероятных вымогательствах у «безгласных» некрещеных иноверцев и новокрещен со стороны местной администрации, — начиная с воевод, продолжая канцеляристами и подьячими и кончая солдатами и рассыльными. В 1763 году производилось следствие по делу темниковских подьячих Алексея и его двоюродных братьев Семена и Михаила Корольковых, которые сажали под арест зажиточных татар, чтобы получить взятку за освобождение; новокрещеная мордва ряда деревень Пичиполонгского, Подгорного и Аксельского станов Темниковского уезда уплатила одному Алексею Королькову свыше 8.000 рублей за прописку и утайку душ при ревизии. Но Корольковым этого было мало: видя новокрещеных, «безгласных и неимущих от таковых несносных их обид защищения», они велели жителям всех новокрещенских сел и деревень явиться для присяги; когда же после присяги они вышли из церкви в ограду, Корольковы, «приставя караул из темниковских однодворцев, с великим дреколием и необычайным порядком тех присяжных новокрещен, яко злодеев, загнали в тюремный острог и брали с них за

те присяги лихоимственные взятки, вменяя, что будто те взятки брали за долг»³.

Экономическое положение иноверцев и новокрещен — или, по крайней мере, части их — было, повидимому, сравнительно не плохо: именно поэтому на них обращали такое внимание Корольковы и компания! Будучи по своему сословному положению государственными крестьянами (разных разрядов), они не имели над собой помещиков и платили только в казну по 2 р. 70 к. в год с души. Сколько сверх того приставало к рукам администрации, — мы не знаем, но, во всяком случае, не мало. И естественно, что восстание должно было поднять их прежде всего против их управителей, к числу которых они совершенно правильно относили и своих священников, бывших послушным орудием администрации и тоже использовавших свое положение для личного обогащения, путем всевозможных «прицепок» к новокрещенам: за несоблюдение поста, незнание молитв по-русски и т. д.⁴.

---

³ Тамбов. Историч. Архив, № 1441 (по опис. Пискарева). Это дело не помешало Корольковым продолжать свою административную карьеру. Во время пугачевщины Семен Корольков правил секретарскую должность в г. Наровчате и был убит собственными крестьянами (двое из них были за это повешены), а дома его в Наровчате, Темникове, в с. Акселе и других селах Темниковского уезда, где он накапливал указанными способами свое состояние, были разграблены (убыток на 1.595 рублей). Регистратор Михаил Корольков отделался разграблением его дома в г. Темникове. Алексей Корольков был секретарем в г. Керенске и участвовал в обороне городской крепости „от нападения злодейского“; здесь у него сожгли дом со всем имуществом, взяли 6 лошадей (убытку на 3.826 рублей). Кроме того, у него был дом в Темникове, который тоже был разграблен. *Воронежский Музей*. кн. 127, листы 331—334, 329—330, 286—287.

⁴ Очень красочную характеристику обращения духовенства с новокрещенами дает официальный „экстракт“ о причинах пугачевского бунта, большие выдержки из которого приводит М. Н. Покровский в статье в „Вестнике Коммунистической Академии“, № 12, М. 1925, стр. 230—231. См. также сборник Центрархива „Пугачевщина“, т. II, стр. 3 и след.

Переходя затем к русскому населению, приходится опять-таки обратить внимание на его пестроту. Отдельные группы его являются при этом результатом напластования последовательных этапов русской колонизации края. Наиболее архаичной и вместе с тем наиболее характерной местной фигурой был здесь один дворец, продукт переживания самой старой эпохи русской колонизации — эпохи военно-служилой колонизации окраин Московского государства.

Волга стала русской рекой еще в XVI веке, при Грозном, когда вслед за Казанью была завоевана Астрахань и был расчищен таким образом важнейший торговый путь в азиатские страны. Но, овладев этим путем и построив для защиты его ряд крепостей по берегам (Самара, Саратов, Царицын), Московское государство еще очень долго не могло освоить земли, лежащие по обеим сторонам реки — не только к востоку, но и к западу. И не только в XVII, но и в XVIII веке страна за Окой, между Доном и Волгой, подвергалась набегам калмыков и кубанских татар, которые разоряли и уводили в плен земледельцев, привлеченных сюда обилием и плодородием земли. Для защиты от этих набегов в половине XVII века была сооружена оборонительная линия, шедшая от Тамбова через вновь построенные города Керенск, Верхний и Нижний Ломовы, Инсар, Саранск и Корсунь на Симбирск; в 80-х годах того же века линия вала от Нижн. Ломова была выдвинута на юг через Пензу (построена в 1666 г.) и от Пензы на восток к Сызрани.

По этим линиям правительство селило служилых людей, освобожденных от податей: детей боярских, стрельцов, казаков и т. п., которые вознаграждались за службу обычным порядком — поместьями. Но в момент их поселения здесь не было (или почти не

было) крестьян, — и новые помещики, чтобы прокормить себя, должны были взяться за соху сами. Количество дававшейся им земли было незначительно (больше они и не могли использовать), а с течением времени, благодаря разделам между наследниками, землевладение их все мельчало и приближалось к крестьянскому.

Вместе с тем, укрепленные линии, служившие для обороны от татарских и калмыцких набегов, подвигались все дальше к югу, и надобность в старых линиях и их гарнизонах отпадала. При Петре I были основаны крепости на притоках Дона: Петровск на р. Медведице, и на Хопре, на месте разоренных по царскому приказу после булавинского бунта донских казачьих городков («для опасения казачьей бездельной претензии воровских казаков и от набегов внутрь России татар и калмыков») — Новохоперск (Хоперская крепость). Затем была сооружена Царицынская линия — между Царицыном и донскими казачьими городками — и исчезло всякое основание для освобождения населения старых оборонительных линий от податей. В 1724 году оно было положено в подушный оклад и стало с тех пор называться «однодворцами». Правда, некоторые однодворцы во второй половине XVIII века имели крепостных; но огромное большинство их владело, действительно, только одним своим двором.

Главная масса однодворцев жила в Воронежской губернии: в ней числилось по 3-й ревизии 270 тысяч душ м. п. из 510 тыс. во всей империи. В пределах той части Воронежской губ., которая была охвачена пугачевщиной, их было больше всего в уездах Тамбовском, Верхнеломовском, Нижнеломовском и Борисоглебском; в последних двух они составляли большин-

ство населения; к общей массе населения губернии они составляли около 18%. Южнее линии Тамбов-Сибирск массовых поселений однодворцев не было. В г. Пензе и на Петровской линии (Петровск и села Сердоба и Эткара — будущий Аткарск) большинство населения составляли «пахотные солдаты» — тоже продукт военной колонизации; от однодворцев они отличались тем, что земли их не переходили по наследству, и они не имели права владеть собственными людьми и крестьянами и таким образом стояли еще ближе к крестьянам⁵.

Жили однодворцы как в городах (в Тамбове, Козлове, Борисоглебске, Шацке, Керенске, Наровчате, Верхн. Ломове и Нижн. Ломове, Саранске они составляли большинство населения), так и в селах, обычно довольно крупных, часто в одном селе с помещиками и их крестьянами. По своему быту они почти сливались с последними, занимаясь тоже главным образом земледелием и скотоводством. Платили они в казну по 1 рублю 70 копеек с души, то-есть на целый рубль меньше, чем государственные крестьяне; но зато наборы рекрут для комплектования особых «ландмилицких» полков были с них чаще, чем с других податных сословий. Это чувствительное напоминание об их военно-служилом происхождении поддерживало сословное чувство однодворцев, которые очень заботились, чтобы их не смешивали с крестьянами. Наказ, данный свияжскими однодворцами своему депутату в «Комиссию для составления нового уложения» 1767 года, прежде всего говорит об этом и предлагает повысить штраф за причиненное им «бесчестье», чтобы они были «от той под-

---

⁵ См таблицу в приложении А. Материалы по истории заселения Петровской линии (с картой Петровского уезда 1723—1747 гг.) — в *„Трудах Саратовской Уч. Арх. Комиссии“*, т. I и II.

лости (то-есть крестьянства) отделены». Депутат однопалатов Тамбовской провинции предлагал скромное название однопалатов заменить более почетным и старинным именем «детей боярских».

Был, однако, другой фактор, разрушавший сословное единство однопалатческой массы. Это — процесс имущественного расслоения, который делал в этой среде быстрые успехи, более быстрые, чем у крестьян, благодаря тому, что у однопалатов не было уравни-тельных земельных переделов, земли переходили по наследству, давались в приданое, делились и продавались. Точно так же и однопалатческие люди и крестьяне делились, продавались, — притом и без земли. Во-вторых, военная служба открывала им дорогу к дворянству; достигая офицерских чинов, они, естественно, отрывались от своей братии. Многие однопалаты, владея крепостными, походили по образу жизни на мелких дворян или, по крайней мере, стремились походить. Некоторые пристраивались к богатым помещикам, являясь как бы их постоянной свитой или просто шутами. Другие занимались торговлей и, нажив капитал, записывались в купечество...

Но основная масса однопалатов оставалась трудовыми земледельцами. Однако и в этой массе существовало значительное экономическое неравенство: многие были весьма зажиточны, особенно в Тамбовском уезде, где было широко развито однопалатческое скотоводство на хуторах; а, с другой стороны, не мало оказывалось таких, которые стояли на самом низу социальной лестницы и шли в батраки к своей братии — однопалатам, а нередко — и к помещичьим крестьянам. Тот самый наказ однопалатов Свияжской провинции, который так заботился, чтобы они были отделены «от подлости», отметил расслоение в собственной среде: те

из них, «кто повозможнее», говорит наказ, за перепашку своей земли отнимают у бедных лошадей и сверх того «бьют немилостиво»; лошади остаются в руках сильного, а бедные «в явном разорении бывают»; мало того, наказ указывает, что они претерпевают даже «от крестьян богатых гонение»⁶.

Этот наказ чрезвычайно любопытен по своему содержанию и тону: здесь и мечты о прошлом, когда они были «от подлости отделены», и зависть к разбогатевшим «чумазым», от которых приходится теперь испытывать «гонение». Это — по существу глубоко-реакционная идеология «дворян в лохмотьях»... Обломок прошлого, однодворцы не находили себе места в социальной иерархии дворянской России XVIII века и быстро разлагались. И в пугачевщину мы находим однодворцев в значительном количестве как среди жертв, так еще больше — среди активных участников восстания.

Оснований для недовольства существующим строем у однодворцев было достаточно. На ряду с инородцами, они были излюбленным объектом эксплуатации со стороны местной администрации. У них не было

---

⁶ „Наказ свияжск. однодворцев“ в „Сборнике Русск. Истор. О-ва“, т. 115, стр. 193 и 196. Живое изображение быта однодворцев и взаимоотношений их с дворянством в южной (степной) части Шацкого уезда находим в мемуарах современника — А. Болотова. „Жизнь и приключения Андрея Болотова“, т. II, стр. 726 — 729, т. III, стр. 79—80 и др.

Отношения между бедными однодворцами и богатыми помещичьими крестьянами характеризуются следующим эпизодом во время пугачевщины. В августе 1774 г. в Карандеев Поселок (Шацкого уезда) приехала пугачевская „партия“ в 10 человек; однодворец этого поселка Стерлигов, „подозвав бных злодеев, привел в дом к крестьянину господина Богданова Ивану Тимофееву и просил, чтоб они того крестьянина повесили, а дом его разорили; притом оным злодеям на одного крестьянина прин. сил жалобу, якобы он его по соседству обижает“. Тимофеев успел скрыться, но сын его был бит плетью „весьма немилосердно“ и ограблен на 35 рублей 50 коп. Тамбовский Истор. Архив № 1666.

сильных защитников, какими были для владельческих крестьян их помещики, ревниво оберегавшие за собой право эксплуатировать своих крепостных; кроме того, с них чаще производились рекрутские наборы — настоящее золотое дно для умелых взяточпринимателей. Уже в 1743 году правительству пришлось констатировать, что из Воронежской и Белгородской губерний бежало 10.245 однодворцев, «не стерпя бывших на них нападков от находящихся при делах начальников». За десять лет до пугачевщины в Воронежскую губернию был послан гвардии Преображенского полка капитан-поручик Бахметьев с указом, чтобы обиженные однодворцы и «подобные им люди» являлись к нему с жалобами на своих обидчиков, начальников и приказных людей — «в вынужденных взятках при наборе рекрут, лошадей, при платеже подушных денег, при приходе о верности к присяге» и т. д. В результате расследования Бахметьева один воевода был смещен и один подьячий высечен батогами на рынке при барабанном бое и в присутствии всех подьячих Воронежской губернской канцелярии⁷.

Но притеснения администрации не были единственными; не менее тяжки для однодворцев были притеснения сильных соседей, руководителей позднейшего этапа русской колонизации — помещиков-дворян.

По мере того как границы государства подвигались к югу и уменьшалась опасность татарских набегов, в роли колонизатора все энергичнее стало выступать

---

⁷ Тамбов. Истор. Архив. № 1441. Способов извлечения взяток было много: например, по рассказу современника пугачевщины А. Болотова, тамбовский воевода Бабкин был известен как охотник ездить по богатым однодворцам „христа славить“, за что получал от них в подарок жеребят. „Жизнь и приключения Андрея Болотова“, т. II, стр. 728.

поместное дворянство, экономическое значение которого в XVIII веке росло одновременно с усилением его политического влияния. Государственная колонизация служилыми людьми сменилась помещичьей колонизацией крепостными крестьянами. Депутат однодворцев Тамбовской провинции в Комиссии 1767 года заявил, что до 1724 года в Козловском уезде жили одни однодворцы с их людьми, не было никого из помещиков и их крестьян; но с тех пор перевод господских крестьян из разных мест умножался с каждой переписью. Но в Козловском уезде еще в 80-х годах XVIII столетия однодворцы составляли абсолютное большинство населения; зато южнее, в районе более поздней колонизации, абсолютное большинство составляли уже по 3-й ревизии помещичьи крестьяне. Так было в крупных уездах Воронежской губернии — Шацком и Керенском, пределы которых были вытянуты далеко на юг, захватывая часть нынешней Саратовской губернии, а также в огромном Пензенском уезде, доходившем на юге до г. Петровска (см. приложение А).

Как отражалось на хозяйстве однодворцев и прочих мелких земледельцев (главным образом дворцовых и экономических крестьян) появление в степи помещика-дворянина, окруженного многочисленной дворней, показывает следующий характерный пример, рассказанный А. Болотовым.

«Огромная нетронутая степь в Залесском стане Шацкого уезда, по рекам Ржаксе и Панде (в нынешнем Кирсановском уезде), считалась дикой, и ее пахали все, сколько кто мог; косили же ковыль свободно не только местные жители, но и приезжие за 20—30 верст, где кто хотел, «безданно-беспошлинно». Но вот посреди этой степи появился хуторок для скота предприимчивого господина Пащикова из с. Гагарщины (за 100

верст оттуда). Когда настало покосное время, он снарядил множество людей «казаками» и, снабдив их оружием, выслал в степь с предписанием гнать всех косцов, говоря, что степь его, и кто хочет косить, пусть платит ему четверть рубля с косы. Косари помялись и, так как никто не имел права на эту степь и многие приехали издалека, — согласились. На следующий год Пашков потребовал полтинник, на третий — по рублю с косы, при чем для подкрепления этого требования «вывезены были у него даже и пушки». Другой сосед Болотова, Рахманов, «будучи богат и людьми силен, отнимал земли у всех, где бы какая ему ни понадобилась, и никто не мог найти на него ни суда, ни расправы»⁸.

Захват и покупка у казны «дикой» степи вокруг старых однодворческих гнезд, скупка участков у обедневших однодворцев — все это подрывало хозяйственное благополучие последних и, естественно, вызывало отпор. Наказы воронежского и козловского дворянства 1767 года жалуются на «замерзелонравие», «озорничество» однодворцев, которые в постоянных спорах о земле прибегают к силе и у некоторых помещиков деревни разорили: «крестьян били и мучили, святые иконы кололи, скот весь и хлеб по себе разобрали» и т. д. Своеобразной формой борьбы однодворцев с

---

⁸ *Записки Болотова*, т. III, стр. 205—210; т. II, стр. 691—692. Пугачевские партии не доходили, повидимому, до с. Гагарщины; но Пашков не избег участия многих. В декабре 1774 г. среди колодников, содержащихся в Темникове, сидели 2 крестьянина, обвинявшиеся в зарезании гв. капитан-поручика Петра Пашкова в с. Гагарщине. *Тамб. Истор. Архив*, № 3419, л. 96 (№ 1317).

Записки А. Болотова приобретают особый интерес благодаря тому, что они дают ряд живых характеристик тех помещиков, которые во время пугачевщины бежали из своих поместий, а дома их были разграблены. Таковы: Тараковский, Дуров, Сабуров и др. См. *Воронежск. Музей*, кн. 127, листы 220—231 (ведомость Шацкого уезда).

дворянским землевладением было укрывательство беглых помещичьих крестьян как отдельными домохозяйствами, так и целыми обществами. Это явление было настолько распространенным, что воронежский губернатор Потапов в 1777 году предлагал сенату ввести для однодворцев круговую поруку: иск за укрывательство беглых взыскивать со всего селения⁹.

Самоуправство было, повидимому, главным способом решения земельных споров. Помещики нападали друг на друга, разоряли усадьбы, грабили и убивали крестьян — вот содержание множества челобитных, сохранившихся в Тамбовском Историческом Архиве. Поэтому многочисленная дворянства была следствием не только расточительности дворянства, но и необходимости иметь вооруженную силу для оборонительных и наступательных действий. Волей-неволей в эти столкновения втягивались и владельческие крестьяне. Депутат однодворцев Белгородской провинции в 1767 году указывал, что в этих случаях положение крепостного крестьянина безвыходно: «не послушает — господин бьет, а послушает — так в судебных местах бьют».

Так было не только в Белгородской провинции — так было во всей черноземной области. И чем дальше на юг, тем слабее была местная администрация (которая, как мы увидим ниже, иногда была фактически на таком расстоянии, которое исключало возможность постоянного контроля), и тем пышнее расцветало самоуправство, которое уже нельзя было отличить от самого настоящего разбоя. Среди множества дел подобного рода одним из наиболее ярких является многолетняя тяжба (1771—1779 гг.) между помещиками Алферьевыми и Зиновьевым.

---

⁹ „Сборник Русск. Ист. О-ва“, т. 68, стр. 358 и 419. „Воронежск. Губ. Ведомости“ за 1848 г., № 9.

Суть дела в следующем. В селе Столыпине Пензенского уезда (ныне Саратовской губ.) вдова Алферьева разделила крестьян между своими детьми, и одна седьмая часть досталась Ирине Алферьевой, которая продала свою долю Пр. Зиновьевой. По 3-й ревизии эти крестьяне были записаны за мужем последней, — «и от одного господина посажены были они на оброк». Но в 1768 году Алферьевы прислали в Столыпино своего приказчика с дворовыми людьми, который собрал еще местных крестьян своих господ и, опираясь на такую внушительную силу, заставил зинovieвских крестьян, «чтоб они госпоже их послушны не были, а работали бы на помещиков их Алферьевых». Те подчинились и, вместо оброка Зиновьевым, стали нести барщину для Алферьевых. Но этого было мало. Борьба затем перенеслась в Саранский уезд, где у соперников были, повидимому, главные вотчины. Алексей Алферьев собрал своих крестьян на двор и поехал «ночным временем» с ними в вотчину Зиновьева, село Болотниково. Толпа была «с ружьи и с сайдаки, и с бердаши, и с палашами, и с дубьем»; Алферьевы наказывали, «чтоб как можно господина Зиновьева убить до смерти». Это не удалось, но во время нападения был убит один крестьянин Зиновьева и освобождены семь сидевших в цепях колодников из его же крестьян, «возмущенные означенными Алферьевыми и пойманные им, Зиновьевым, для отдачи в рекруты». Когда же из свияжской провинциальной канцелярии за Алферьевыми приехал сержант Иванов с командой солдат, то Алферьевы, «собрав многолюдством крестьян своих с дреколием», не допустили его в село, и Гаврила Алферьев заявил, «что он свияжской провинциальной канцелярии не слушает и для взятых людей и крестьян

своих... не допустит, устрашивая, если де он будет усиливаться, то его и с командою прибьет дубьем»¹⁰.

Дело это началось до пугачевщины, продолжалось после нее. Чем оно кончилось, — мы не знаем. Но несомненно, что, приучая своих крестьян и дворовых действовать с оружием в руках против своих соседей, местное дворянство действовало очень недальновидно с точки зрения интересов своего класса в целом. Получив оружие и привычку действовать им, крестьяне могли обратить его — и действительно обращали — против своих же господ. В 1767 году наказ нижнеломовских дворян просил восстановить для разбойников смертную казнь вместо ссылки, так как они из ссылки убегают «и нам великое злодеяние чинят пожаром, грабежом, денным разбоем и лишением нас жизни, от чего не только претерпеваем страх великий в проезде, но и в домах своих с великою опасностью живем». Пензенское дворянство в своем наказе ставило все точки над «и», подчеркивая социальный характер этого явления:

...«и при тех разбсах, более по предводительствам беглых от помещиков людей и крестьян, кого из тех помещиков в домах своих застанут, мучат злодейски, пытаются, жгут огнем, режут и на части разрубают и прочими бесчеловечными мучениями людей, а особливо дворянство, умерщвляют; а наконец дома их и с жительства выжигают, что почти ежегодно в здешней провинции происходит. То же чинится и от собственных помещиков крестьян, как то в

---

¹⁰ Пензенский Губархив. Дела Архивной Комиссии, № 594, — обширное дело на 138 листах.

нынешнем году над капитаном Тоузаковым произошло, отчего помещики и прочие разного звания люди бедственные страхи претерпевают, и многие, а особливо в ночное время, в домах своих не бывають, а укрывают себя в неизвестных никому местах ¹¹.

В этом заявлении пензенского дворянства предводителями шаек называются беглые помещичьи крестьяне. Надо отметить, что количество беглых было здесь очень велико. Всех их привлекала к себе земля Донского Войска, где всегда можно было найти пристанище и работу. Левые притоки Дона — Хопер с Вороной и Медведица — были старинными «воровскими» столбовыми дорогами для беглецов от помещичьего ига. Донские казаки постоянно получали строгие предписания выслать всех беглых их владельцам; но укрывательство продолжалось так же, как и бегство, ибо на Дону всегда была потребность в рабочих руках. Бежали дворовые и крестьяне как крупных, так и мелких помещиков. У верхнеломовского канцеляриста Смирнова из 26 душ мужского пола бежало в разные годы 23 д., которые захватили с собой еще жен и детей 26 чел. В керенской вотчине Д. Мерлина в 1746 году явился из бегов «собою» бывший в донских казачьих городках один его крестьянин, но затем бежал снова, и за ним последовали трое дворовых людей: Яков Макаров, «который читать и писать умеет», и два конюха, захватившие с собой 2 кобылы и поехавшие «по Хоперской дороге». В 1748 году ряжская воеводская канцелярия доносила, что в Ряжском уезде бежало в этом году у разных помещиков людей и крестьян 270 чел.,

---

¹¹ Сборник Русск. Истор. О-ва, т. 68, стр. 427—428 и 13.

«в том числе с женами, с детьми и с пожитками» — «на житье в казачьи городки».

Очень яркой иллюстрацией положения вещей было тянувшееся свыше полутора десятков лет дело о высылке из Донского Войска беглых помещика Ярцева. В 1746 году ему были присланы 24 души мужского и женского пола, бежавшие из его вотчины Шацкого уезда, Залесского стана, с. Вердеревщины; на допросе они показали, что на Дону в разных городках осталось еще его беглых крестьян 13 человек, но донская войсковая канцелярия под разными предлогами их не выслала. В следующем 1747 году из высланных беглых крестьян семь человек (двое — с женами), «согласясь и подговоря других его крестьян, паки бежали»; четверо из них были пойманы и показали, что казаки, высылавшие их, обещали опять принять их после окончания ревизии (в то время шла 2-я ревизия). В 1749 году из тех же высланных бежали снова один крестьянин и две «женки», «оставя мужей своих». Через 9 лет, в 1758 г., Ярцев опять жаловался, что из его шацких вотчин «бежало крестьян не малое число», притом не только из с. Вердеревщины, но и из дер. Амосовой, Ценского стана.

Ту же картину повального бегства помещичьих крестьян, но с другой стороны, рисует нам жалоба 1760 г., казаков Хоперской крепости, обязанных конвоировать «в прежние жилища» высылаемых из Донского Войска беглых, а также держать караулы при «тюремных избах», куда предварительно сажали арестантов. Просители заявляли, что «ежели те колодники и впредь в присылке будут, то в тюремных избах за теснотою уместить будет негде и отсылать на прежние жилища, кто откуда бежал, не с кем»; по их словам, малороссийские казаки, служащие в Хоперской крепости, «видя такую

тягость», сами подумывают о бегстве в слободы разных помещиков¹².

Это явление имело важные последствия. Во-первых, экономические: близость донских казачьих городков, облегчавшая побег, наряду с недостатком рабочих рук, не позволяла помещикам усиливать эксплоатацию своих крестьян до такой степени, как в более северных районах. Во-вторых, благодаря постоянному притоку беглых, у границ Донского Войска на пустынных берегах Хопра и Медведицы скоплялось много отчаянных людей, готовых на все те действия против класса своих угнетателей, о которых говорил цитированный выше наказ пензенского дворянства. Пользуясь сочувствием местного населения (на юг от Пензы, как мы знаем, состоявшего в подавляющем большинстве из помещичьих крестьян) и слабостью администрации, эти шайки еще до пугачевщины причиняли много беспокойства местному дворянству. Поэтому и крестьяне здесь были менее послушны и более смелы. Подобные шайки были многочисленны и в северной части края, по Оке и Мокше; но здесь элемент социальный был гораздо слабее элемента «профессионального»; это были прежде всего разбойники, промысел которых имел очень благоприятные объективные условия: оживленное торговое судоходство по названным рекам в качестве объекта, и густые леса для приюта¹³.

---

¹² „Акты, относ. к истории Войска Донского“, собраны А. А. *Лихиным*; тут и другие примеры—см. т. II, №№ 236, 427, 462, 372, 426, 441, 483, 575, 580, 616, 634. „Все помещичьи крестьяне, несмотря на доброту земли, к побегам склонны“, констатирует статья о Борисоглебском уезде „Географического Словаря“ *Максимовича и Щекатова* (изд. 1801 года).

¹³ 30 января 1774 года (то-есть когда главные силы Пугачева еще стояли под Оренбургом) вернувшийся из Саратова курьер *Полубояринов* показал, что по дороге от Саратова до Пензы все крестьяне, как государевы, так и помещичьи, говорят о Пугачеве как

Подводя итоги, мы можем сказать, что ход колонизации изучаемого района создал напластование различных элементов населения, между которыми шла постоянная борьба. Эта борьба сплошь и рядом велась вооруженной силой; в помещичьих усадьбах стояли пушки, дворня их была вооружена и привыкла действовать оружием. Та же привычка была у их противников, особенно однодворцев. Шайки беглых разбойников наводили на местных помещиков страх, нашедший выпуклое выражение в цитированном выше наказе пензенского дворянства...

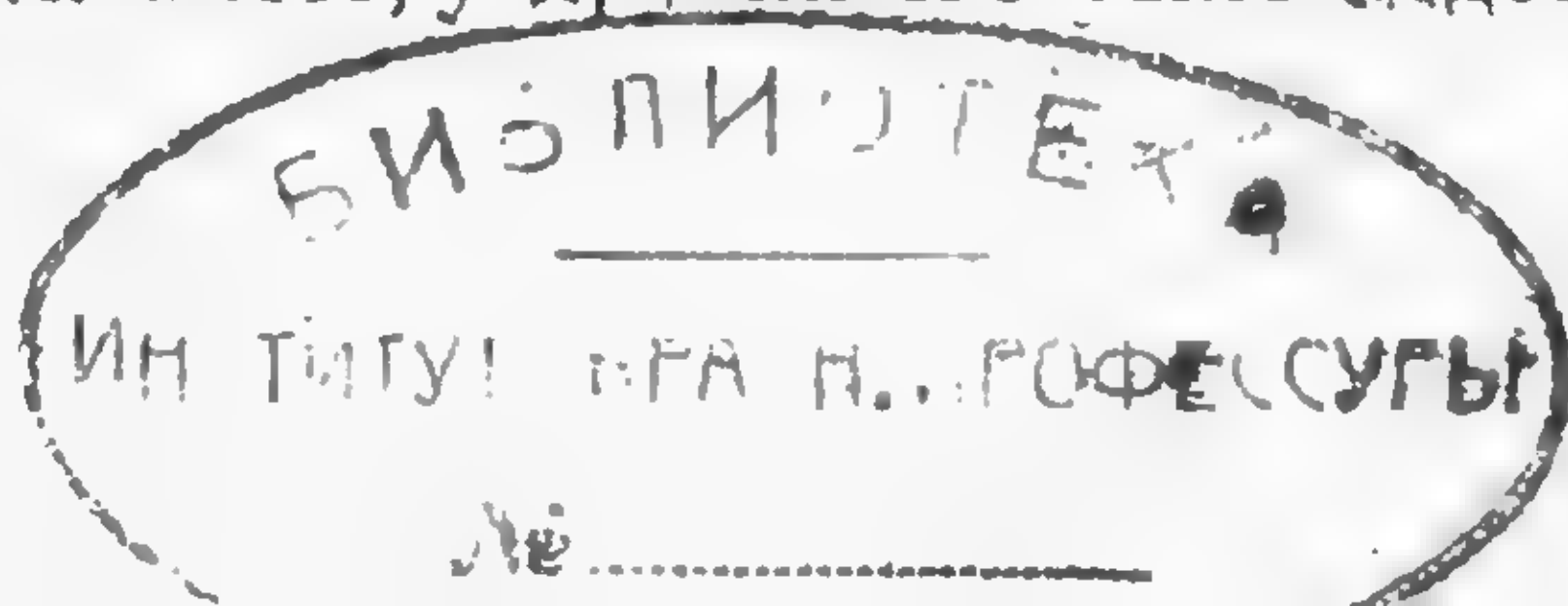
В такой стране очень легко зажечь восстание. Но неизмеримо труднее — организовать его, ввести в планомерное русло. Это станет еще яснее, когда мы познакомимся с экономикой края к моменту пугачевщины.

2

При изучении экономического быта восточной половины центрально-черноземной области во второй половине XVIII века необходимо в первую голову выяснить, что представляло собой хозяйство господствующего класса помещиков, а также их крестьян, составлявших большинство населения края в целом.

о Петре III и уверены, что будут „вольны и независимы ни от кого“. „В Пензенском уезде в каждом селе учреждены от правительства заставы и спрашивают, кто куда едет. Но в самых оных селениях вышеозначенные и происходят слухи“. Наоборот „от Пензы до Москвы хотя крестьяне и говорят об Оренбургских обстоятельствах, но не иначе отзываются о Пугачеве, как о разбойнике“. (Цитирую по копии, находящейся в *Архиве Дубровина* в рукописном отделении Академии Наук, папка № 182—2). Мы увидим ниже, что через полгода крестьяне, жившие севернее Пензы до самого Арзамаса, радикально изменили свои „отзывы“ о Пугачеве. Очевидно, что разница в речах крестьян к северу и к югу от Пензы определялась исключительно разными степенями страха перед начальством: у одних страх заглушал ненависть, у других его было недостаточно для этого.

И тут первое, что бросается в глаза при ознакомлении с хозяйствами местных помещиков-дворян-владельцев, это их крайне незначительные, для подавляющего большинства, размеры. В Пензенской губернии, образованной в 1781 году, подавляющее большинство владельцев, согласно «окладным книгам» (по которым производился сбор подушной подати и рекрут), оказалось имеющими менее 20 душ мужского пола, то-есть менее того количества, которое освобождало владельцев в качестве «самых малопоместных» от поставки рекрут натурой (они участвовали только в сборе «рекрутских складочных денег»); таким образом, закон признавал такие хозяйства слишком маломощными, чтобы у них можно было отнять хотя бы одну пару рабочих рук. В Чембарском уезде Пензенской губернии таких владельцев было 154 из 277, то есть 56%; в Пензенской — 82 из 133 (62%), в Наровчатском — 116 из 178 (65%), в Нижнеломовском — 194 из 274 (71%), в Керенском — 174 из 236 (74%). А рядом с этой мелкотой были некоторые крупные помещики из высших сановников империи: в Чембарском уезде граф Шереметьев имел 2.190 душ, граф К. Г. Разумовский — 1.249 душ, а его сын А. К. Разумовский — 1.911 душ; в Нижнеломовском уезде князь Голицын имел около 4.000 душ, у генерала Мерлина было 1.172 души, у княжны Долгорукой — 723: этим трем лицам вместе принадлежала почти половина владельческих крестьян уезда (которых было всего 13.484 душ мужского пола), а один князь Голицын имел больше душ, чем все 194 мелкопоместных владельца, составлявшие 71% общего числа уездных помещиков¹⁴.

---

¹⁴ „Книга окладная Пензенского наместничества владельческим крестьянам“ с 1785 года. *Пензенский Губархив*, архив Дворянск. Депутат. Собранин. № 1050 (на 406 листах).

Что касается «мелкоты», то тут были многочисленные татарские князья (главным образом в Керенском и Темниковском уездах), а также однодворцы. Последние называются в окладных книгах или просто однодворцами, или «из дворян однодворцами», «дворянами, положенными в подушный оклад», «из дворян в однодворческом окладе». Кроме того, здесь названо много однофамильцев указанных однодворцев, которые имели офицерские чины и в силу этого становились (в силу известного указа Петра I, на который так нападали дворянские представители в Комиссии 1767 г.) дворянами.

Но положение этих душевладельцев на ступенях социальной лестницы определялось не столько их происхождением (конечно, не очень доброкачественным с сословно-дворянской точки зрения, — но Разумовские были не лучше их!), сколько размерами их хозяйства. А они были очень незначительны. И эта незначительность должна была ставить остро вопрос о наиболее выгодном использовании имевшихся рабочих рук.

Известно, что экономика крепостного хозяйства выработала два основных способа эксплуатации крепостного труда: б а р щ и н у и о б р о к. В северных, нечерноземных губерниях успехи денежного обращения, в связи с развитием обмена, вызвали широкое применение оброка, как наиболее рационального способа извлечения максимального дохода из своих крепостных. В частности в непосредственно прилегавшей к изучаемому району северной части Нижегородской губернии, у слияния Оки и Волги, развитие крестьянской торговли обеспечило крупным помещикам при оброчной системе огромные доходы, а крестьянам — значительную хозяйственную автономию. Но чем дальше к югу, тем слабее была торговля и денежное хозяйство,

а в связи с этим — все реже попадались случаи применения оброка.

Мы имеем точные сведения о применении той и другой системы крепостного хозяйства для 393 вотчин Воронежской губернии, так или иначе пострадавших от пугачевщины. Из этого числа в 384 была барщина, и лишь в 9 (то есть в 2%) — оброк. По уездам: в Инсарском, Верхнеломовском, Нижнеломовском и Тамбовском крестьяне всюду оказались на барщине (собственно термин «барщина» не был в употреблении; писали: «на издельях», «на пашне», «на пашне и прочих издельях»); в Темниковском, Шацком и Борисоглебском уездах оказалось всего по одной оброчной вотчине в каждом (не считая поселенных в Борисоглебском у. малороссиян, которые все были на оброке); только в Керенском уезде было целых 6 оброчных вотчин (на 72 барщинах).

Оброчные барщины были обыкновенно крупных размеров (Кошелева — 1.218 душ, кн. Белосельской — 1.025, кн. Загряжской — 582, камергера Талызина — 277, кн. Трубецкой — 223 д.). Были среди них и мелкие, но в этих случаях владельцы жили далеко: сержант Ильин имел 24 души в Керенском уезде, живя в г. Кашире, куда крестьяне и доставляли ему оброк; у надворного советника Татищева было в том же уезде 19 душ, а крестьяне возили оброк в Москву, где он жил ¹⁵.

Нельзя сказать, что барщина была только в мелких владениях: из числа 392 разоренных пугачевцами в Воронежской губернии были и крупные вотчины с крестьянами «на пашне и прочих издельях»; 18 имело от

---

¹⁵ *Ворон. Музей*, кн. 127, листы 55—61, 313—314, 309—310, 304—305, 290—291, 348—349. В общем, в 9 вотчинах числилось 3.544 души на оброке, а в 383 вотчинах — 29.231 д. на барщине, т.-е. оброчные крестьяне составляли 10.8%, а барщинные — 89,2%.

300 до 500 душ, 3 — от 500 до 1.000 и одна, кн. Черкасского, в селах Ельниках и Богородском, Шацкого у., Замокшенского стана, — с 1.010 душами. Но, во всяком случае, преобладающим типом крепостного хозяйства было мелкое, основанное на барщинном труде. Оброчная же система была исключением, вызванным или неудобством управления издали, через приказчиков, или привычкой именно этим способом эксплуатировать свои вотчины, лежавшие на севере, в нечерноземной полосе.

Как тяжела была барщина? Прямого ответа на этот вопрос в имеющемся в нашем распоряжении материале нет; но есть некоторые косвенные указания. Это, во-первых, ведомости об урожае хлебов в 1764 году, поданные от старост и выборных 21 вотчины Шацкого у., в которых показывалась площадь посева господского и крестьянского хлеба отдельно. Это все сравнительно крупные вотчины, преимущественно из северных станов Шацкого уезда, не затронутых (кроме Замокшенского стана) пугачевщиной; из южного, Залесского стана (население которого очень активно участвовало в восстании 1774 г.) поданы были ведомости лишь от пяти вотчин. Последние все были на барщине; напротив, из остальных 16 большинство (9) имело в посеве только крестьянский хлеб (т.-е., очевидно, состояли на оброке). В общем, из 12 вотчин, имевших барщинное хозяйство, в четырех крестьянского и господского хлеба было поровну; в трех случаях было больше господского, чем крестьянского (а именно: 688 десятин против 520, 460 против 330, 700 против 325, т.-е. на 32%, 39% и 115%) и в пяти случаях крестьянского больше господского — примерно вдвое (548 десятин против 1.050, 75—110, 280—560, 330—800, 47—87, т.-е. в среднем — крестьянского больше на 104%)¹⁶.

---

¹⁶ Тамбов. Истор. Архив, № 1917 (на 31 листе).

Другой источник для разрешения того же вопроса — те сведения о пропавшем господском и крестьянском хлебе, которые сообщались в прошениях пострадавших от пугачевщины владельцев. Но эти сведения обычно отрывочны; только для четырех вотчин мы имеем достаточные данные, которые могут быть сведены в следующую таблицу ¹⁷ (см. стр. 39).

Конечно, следует считаться с тем, что в этих случаях мог быть хлеб и не пропавший, а во-время убранный. Но ясно, что если крестьяне и убирали хлеб во время «замешательства», то прежде всего свой, а не господский; так что в действительности превышение площади посевов крестьянских над господскими могло быть еще большее, чем выходит из приведенной таблички.

Суммируя вышеприведенные данные ведомостей об урожае хлебов 1764 года и о пропавшем и непосеянном хлебе 1774 г., можно сделать вывод, что господствующим правилом в барщинных хозяйствах было превышение крестьянской запашки над господской (примерно вдвое), реже было равенство той и другой, и еще реже — превышение господской пашни над крестьянской.

Что касается оброчных вотчин, то тут следует отметить прежде всего большую разницу между малороссиянами, признававшимися людьми «вольными», которые «к вечному укреплению не принадлежат, а единственно состоят в полном подданстве», и крепостными великороссами. Первые селились по призыву землевладельцев в самых малонаселенных районах, где была острая нужда в рабочих руках, — главным образом в пограничных с Донским Войском уездах Бори-

---

¹⁷ *Ворон. Музей*, кн. 127, листы 656, 660, 257—258; кн. 126, л. 139.

Владелец и место- нахождение вотчины	Душ м. п. налицо	Десятин хлеба		Запашка на душу м. п.	
		господ.	крест.	господ- ская	кресть- янская
1. Жены камер-юнкера Валуева в с. Дмитриев- ском, Щербедино тож, Керенского у. (ныне в Саратовской губ.), оста- лось неубранным хлеба:	169				
ржи . . .		60	120	} 0,71 д.	1,42 д.
овса . .		60	120		
осталось паханой зем- ли без посеvu на 1775 г.		60	120		
2. Ген.-майора Н. Смир- нова в с. Хилкове, Ке- ренского у. (ныне в Пензенской губ.), про- пало хлеба: ржи . . .	234	25	120	} 0,28 д.	1,15 д.
овса . . .		40	225		
3. Того же владельца в селах Сергиевском и Волохонщине, Шацко- го у. (н. Кирсановский у., Там. губ.), пропало хлеба: озимого	124	43	около 200	} 0,95 д.	1,6 д.
ярового		75	„точно- сти по- казать не можно“.		
4. У титулярной совет- ницы А. Посниковой в с. Колычеве, Шац- кого у., не посеяно озимого хлеба (ржи) на 1775 г.	200			(только озимого) 0,5	1,25
		100	250		

сотлебском и Хоперском¹⁸. Они, естественно, находились в сравнительно льготных условиях: в 1774 г. оброк с них в слободах Борисоглебского уезда был ст 50 коп. до 1 рубля с души мужского пола.

Оброк с крепостных крестьян был тяжелее. В указанных выше немногих оброчных вотчинах из числа разоренных в пугачевщину он равнялся в трех случаях — 2 рублям, в одном — 3 рублям с ревизской души; в остальных единицей обложения было «тягло» (супружеская пара), платившее 5, 6 и 8 рублей каждое.

Что было тяжелее, барщина или оброк? По своей денежной ценности для помещика они были, повидимому, равны. Это видно из ведомости об убытках помещиков от пугачевщины по Борисоглебскому у., — в ней нет указания, какова была барщина крестьян, а определяется тот денежный доход, который можно получить от нее. Вот примеры: у прапорщика Третьякова годовой доход от 12 душ м. п., которые «состоят на пашне», определен в 30 рублей, у него же в селе Новоспасском с 11 душами — тоже 30 руб.; у капитана Андреева в с. Воскресенском 66 душ дают годового дохода «до 100 рублей», а 28 душ в селе Третьяках — «до 50 рублей». Затем, в Верхнеломовском уезде после убитого майора Иванчина осталось 12 душ, состоявших «на издельи и на пашне», «от коих в году приходу получается по 24 рубли»; у убитого надворного советника Хомякова с 87 душ «доходу в год получить можно 150 рублей»¹⁹.

Таким образом, доход от барщинных крестьян исчислялся от 1 руб. 50 коп. до 2 руб. 50 коп., в среднем в 2 рубля — т.-е. как раз та сумма, которую платили государственные крестьяне в казну сверх «семи

¹⁸ Все малороссийские слободы, состоявшие в ведомстве Хоперской крепости, находились не в нынешнем Новохоперском уезде, а в пределах нынешней Саратовской губернии.

¹⁹ *Ворон. Музей*, кн. 127, листы 55—58, 203—205, 215—217.

привенных денег», которые платились и помещичьим (подушная подать с помещичьих крестьян равнялась 70 коп., с государственных — 2 р. 70 коп.). Это приблизительно равно и тем оброкам, которые приведены выше, даже в некоторых случаях меньше.

Но с точки зрения крестьянского хозяйства результаты сравнения были иные. Для крестьянина барщина могла быть тяжелее оброка и в том случае, когда господину она давала меньше меновой ценности, чем оброк, ибо она стесняла его хозяйственную автономию. Ему было не легче от сознания, что и барин получает мало, иногда так мало, что дело ограничивалось удовлетворением его потребительских нужд, без возможности что-либо продать и обратить в деньги. В упомянутом селе Третьяках проживал секунд-майор Зот Бунин, который во время пугачевщины, «спасая живот свой, в разные места скрывался». У него было по ревизии 3 души, а налицо состояло 7. Борисоглебская воеводская канцелярия затруднилась определить его доход (как это она сделала для других), так как «означенные его люди и крестьяне жительствоваали и ныне живут при доме на хлебопашестве, и никаких доходов он от них не получает, а имеет одно только от того хлебопашества пропитание». То же было написано относительно выслужившегося из однодворцев секунд-майора Мантурова (умерщвленного вместе с женой); за ним было 12 душ, которые «жительство имели при доме его на хлебопашестве, и никаких доходов от них не получал, а только от хлебопашества имел одно пропитание»²⁰.

---

²⁰ Воронежск. Музей, кн. № 127, листы 61—63. У вышеназванного верхнеломовского канцеляриста Смирнова, у которого (в первой половине XVIII века) почти все люди и крестьяне сбежали на Дон, большинство их названо „деловыми дворовыми людьми“; так в XVII веке назывались люди, не имевшие своего хозяйства и жившие в качестве работников у господина. См. выше, прим. 12.

Но мы знаем, что большинство местных владельцев имело приблизительно столько же душ, сколько Бунин и Мантуров. Очевидно, что их хозяйства были по преимуществу потребительскими; и их крестьяне тоже едва ли имели много излишков на продажу, — у Бунина и Мантурова они даже, повидимому, не имели собственных хозяйств, живя «при доме» господина. Товарный хлеб производился главным образом крупными вотчинами, а также однодворцами и различными разрядами государственных крестьян. Впрочем, в северной части Шацкого у., например, хлеба и в крупных вотчинах только-только хватало на продовольствие самих крестьян. Если тем не менее хлебные ресурсы края в целом были весьма значительны и в урожайные годы масса хлеба вывозилась по Цне и Мокше на Оку и дальше на север, — то это объяснялось обилием плодородной земли на юге, в степной полосе, допускавшим самое экстенсивное (залежное) земледелие. Крестьяне обрабатывали (без всякого удобрения) один участок в течение 2—3 лет, а затем выбирали себе другой, часто в 10—15 верстах от первого. Хлеб оставался в копнах на поле немолоченным по 2—3 года²¹.

Такое экстенсивное земледелие всегда связано с дальнотемелием и предполагает большое количество рабочего скота на сравнительно небольшое количество пашни. Действительно, из приведенной выше таблицы о количестве господского и крестьянского хлеба в двух селах Керенского и двух селах Шацкого у. видно, что на мужскую душу приходилось крестьянского хлеба от

---

²¹ См статью „Примечания на лежащие около Саратова места в рассуждении сельского домостроительства“ в *Трудах Вольн. Экономич. О-ва*. Ч. VII, 1767 г., стр. 26—44.

1,15 до 1,6 десятины (а господского — от 0,28 до 0,95 дес.). По сельскохозяйственной переписи 1916 г. средняя крестьянская запашка в этих же местах равнялась 1,5 дес. на мужскую душу. Таким образом, крестьянское земледелие в XVIII веке было не крупнее, чем в XX веке.

Зато количество лошадей и вообще скота было гораздо больше нынешнего. Об этом говорит уже значительное количество крестьянских лошадей, отогнанных во время пугачевщины. В с. Ольшанке, например, Керенского у., на Хопре (ныне Саратов. губ.), у крестьян подпоручика Вышеславцева, которых было по ревизии всего 21 душа м. п., «собственных их крестьянских лошадей захватя отогнали» 75, на сумму 1.000 рублей. Правда, этот случай не убедителен: наличное население могло значительно превышать записанное по ревизии. Но мы имеем и гораздо более доброкачественный источник о количестве крестьянского скота — в виде подробнейших подворных описей пензенских вотчин (оброчных) князей Куракиных, — составленных в декабре 1774 г. Куракинские селения Пензенского у. были сгруппированы, во-первых, в верховьях Хопра и, во-вторых, северо-восточнее, в верховьях Суры. Данные описей могут быть сведены в следующей таблице (для сравнения в ней приведены и соответствующие цифры по Городищенскому и Сердобскому уездам, где расположены эти селения, — по сельскохозяйственной переписи 1916 г.²²

---

²² Данные о положении крестьянского хозяйства взяты мною из рукописной книги, хранящейся в *Росс. Публ. Библиотеке* (Собрание Тихонова, № 75). Так как итоги в подлинниках сосчитаны с ошибками, я произвел по всем селениям самостоятельный подсчет. Данные 1916 г. рассчитаны мною на основании издания особого совещания по продовольственному делу — *„Предварит. итоги Всеросс. сельскохозяйственной переписи 1916 г.“*, П. 1916.

Количество скота (в 1774 г.) и хлеба	Хоперская группа— 5 поселений— 303 двора и 937 душ м. п. в 1774 г.		Сурская группа— 4 поселения— 297 дворов и 957 душ м. п. в 1774 г.		В Городищен- ском у. Пенз. губ. в 1916 г.	
	В Сердобск. у. Сарат. губ. в 1916 г.		В Сердобск. у. Сарат. губ. в 1916 г.			
	Всего	На двор	На двор	Всего	На двор	На двор
Лошадей „езжалых“	661	2,18	0,94	607	2,04	0,80
„ „ „молодых“	543	1,79	0,35	149	0,50	0,16
Коров	432	1,42	0,77	581	1,96	0,81
Подтелков	298	0,98	0,76	348	1,17	0,76
Овец	3.435	11,33	4,73	1.728	5,82	4,28
Свиней	577	1,90	0,23	—	—	0,84
Всего скота	5.948	19,60	7,78	3.413	11,43	7,65
Хлеба всякого налицо:	839	2,77		3.039	10,23	
	четв. 4 чк.	четв.		четв. 6 чк.	четв.	

Из этой таблицы видно, что, в среднем, крестьянское хозяйство куракинских вотчин в 1774 г. было обеспечено скотом более чем вдвое выше крестьянских хозяйств тех же районов через 150 лет. Кроме того, к XX столетию под влиянием развития обмена и путей сообщения стерлась разница в характере крестьянского скотоводства в двух соседних уездах, резко выраженная в 1774 г.: в южной хоперской группе поселений скотоводство было не только обширнее, но и носило определенно выраженный степной, более экстенсивный характер (преобладающее значение коневодства и овцеводства, сравнительно малое количество коров). Бросается также в глаза значительно меньшее количество хлеба в хоперской группе.

Конечно, одни только средние цифры не достаточны для характеристики крестьянского хозяйства. Но в данном случае это арифметическое среднее отвечает

и господствующему типу. Имущественная дифференциация слаба: в общей массе всех дворов куракинских вотчин безлошадные составляли всего 2,33%—это, главным образом, те дворы, где нет взрослых мужчин. Верхушка — дворы с 4, 5 и 6 лошадьми — составляет 10,52% общего числа дворов (т.-е. значительно больший процент, чем безлошадных); «середняки» — с 1, 2 и 3 лошадьми — 87,15% (точнее: с 1 лошадью 27,83%, с двумя—40,16%, с тремя—19,16% дворов).

Что касается земледелия куракинских крестьян, то небольшое количество хлеба, оказавшегося у них в наличности к декабрю 1774 года, само по себе не доказывает его незначительных размеров, так как в этом году был неурожай во всей черноземной области, за которым последовал страшный голод. Но мы знаем, что крестьян хоперской группы заставили пахать и сеять к весне 1775 года по 3 десятины на тягло; считая по 2 души мужского пола на тягло, получим те же 1,5 дес. посева на душу м. п., которые мы уже признали выше средним размером запашки барщинных крестьян.

Слабое развитие земледелия сравнительно со скотоводством объясняется не только редкостью населения, но и условиями сбыта. Местного рынка для хлеба не было, так как жители городов занимались также главным образом земледелием. Сохранилась ведомость 1782 года об урожае хлеба в Тамбовской губернии ²³, из которой видно, что не только в уездах, но и у жителей городов ее было значительное земледелие: в г. Тамбове было посеяно 2.050 дес., в Борисоглебске 3.350 дес., в Шацке 4.306 дес. и т. д.; только в трех северных и сравнительно старых городах — Кадоме, Елатье и Темникове — «хлеба жителями в посеве ника-

---

²³ Тамбов. Историч. Архив, № 4700. Она напечатана в „Известиях Тамбов. Архив. Комиссии“, в. 45, стр. 75—89.

кого не имелось». Такие города Пензенской губернии, как Инсар, В. Ломов, Керенск, Мокшан, Наровчат, Троицк, сохранили земледельческий характер до наших дней, когда наконец (в 1925 г.) они были отнесены к «поселениям сельского типа». Таким образом, для продуктов земледелия надо было искать более отдаленных рынков. И тут со всей силой выступал вопрос о путях сообщения. Главными путями были реки: Мокша и ее притоки — на север; Ворона, Хопер и Медведица — на юг, в земли Донского казачества. Наибольшее торговое значение имели первые, так как они через р. Оку связывали черноземный район с северными потребляющими губерниями. Но реки эти были не слишком велики и в значительной части своего течения — несудоходны; до пристаней приходилось везти товары за сотни верст гужом. Хлеб свозился к Мокше и ее притокам Цне и Выше из пределов не только нын. Тамбовской и Пензенской губ., но и с верховьев Хопра и Медведицы (нын. Саратов. губ.), ибо сбыт хлеба в Донском Войске в связи с развитием казачьего земледелия в XVIII веке скорее сокращался, чем расширялся.²⁴

Крестьянин, не имевший лошадей, должен был платить за провоз, что отнимало всякую выгоду от продажи хлеба. Напротив, скот мог передвигаться сам, а продукт скотоводства — шерсть — представлял уже достаточно высокую ценность, чтобы оправдывать расходы по перевозке. В керенской вотчине жены ген.-м. князя Волконского, с. Перевесейкая на р. Хопре (нын. Саратов. губ.), с 500 д. м. п. хотя и было «немалое число десятинной (господской) пашни», но более выгодным предметом сбыта были другие товары и особенно

---

²⁴ См. об этом в моей статье «Рабочие и крестьяне на Дону в XVIII веке», в сборнике «Труд в России», 1924 г., № 2,

шерсть: приказчику «вдобавок к тамошним доходам» посылались из Москвы и других вотчин владельцы собираемые с крестьян оброчные деньги «немалое число на покупку в тамошних местах для привозу в Москву шерсти, меду, воску, рыбы, рогатого скота и лошадей, что частию известно и керенской воеводской канцелярии о количестве отправляемой ко мне от него, Тинякова (приказчика — С. Т.), повсягодно покупной шерсти, на которую для привозу до Москвы получаемы были от оной канцелярии указанные билеты»²⁵.

Самым крупным центром отпуска хлеба было дворцовое село Морша (после губернской реформы Екатерины II — город Моршанск), лежавшее на р. Цне в том месте, где она становилась судоходной, — впрочем, только в полоую воду. По описанию гор. Моршанска, составленному в 1782 году, годовой торговый оборот его был свыше 875.000 рублей. Предметами отпуска были скотопригоняемый с р. Хопра «и около одного из степных мест», мясо, топленое сало, кожи и главным образом — хлеб. Хлеб закупали и отвозили летом водяным путем «в Петербург и прочие, состоящие при реках Оке и Волге места» купцы и разночинцы разных городов — «по примеру, более 200.000 четвертей, на закупку коего, также на делание судов и на наем работников и на прочие потребные к отвозу того хлеба вещи употребляют от 500 до 600 тысяч рублей в год». Покупатели приезжают и зимой «из разных же малоземельных губерний» — и закупают и вывозят

---

²⁵ Ворон. Музей, кн. 126, листы 222—223. У повешенного приказчика Тинякова пугачевцы забрали денег, бывших у него от продажи хлеба и пересланных на разные покупки, 3.000 рублей. В Шацкую вотчину Кошелева (Залесского стана) переводились собираемые с крестьян оброчные деньги из Москвы на покупку хлеба для поставки его „водяною коммуникацією“ в крепость св. Димитрия (нынешн. Ростов-на-Дону). Там же, л. 27 об. и 152—154.

зимним сухим путём 150 тыс. четвертей на 250 тыс. рублей. Зимой хлеб привозили в Моршанск не только из Тамбовской, но и Пензенской и Саратовской губерний сами обыватели: купцы покупали хлеб здесь на месте. Что касается жителей Моршанска, в большинстве дворцовых крестьян, то, по словам того же описания, они «все нужное для пропитания получают от хлебопашества».

Таким образом, торговля хлебом находилась в руках пришлых купцов и разночинцев малоземельных губерний. То же можно сказать о торговле скотом: жители степного Борисоглебского уезда (в большинстве — однодворцы) хлеб, остающийся за собственным продовольствием, отвозили для продажи в станции донских казаков, «а скот продают на торгах и на ярмарках прасолам, приезжающим в великом числе из внутренних городов, паче из Коломны и Москвы, которые, по закупке скота, особливо молодого, держат оный целое лето для откормления в здешних степях, осень же гоняют в Москву и Санкт-Петербург»²⁶.

Тот факт, что торговля находилась в руках главным образом пришлых купцов и разночинцев, а не местных жителей, находил себе отражение в том, что и города края оставались по преимуществу земледельческими поселениями. Это уже приходилось отмечать в длинном ряде городов, населенных однодворцами. Но и купечество этого района (к тому же очень немногочисленное) занималось по преимуществу не торговлей, а земледелием и работой по найму. По

---

²⁶ Ведомость о гор. Моршанске, сочиненная в 1782 году, напечатана в „Известиях Тамбовской Архивной Комиссии“, в. 45, стр. 42—52. Словарь Максимовича и Щекатова, т. I, о Борисоглебском уезде.

словам современника, в г. Курмыше «малое число купечества содержит себя работою и наймом»; в Алатыре купечество «не весьма зажиточное, торгует мелочными товарами, а наиболее всего питаются от хлебопашества». Даже в Саратове большая часть жителей «содержит себя хлебопашеством и скотоводством, живущее в хуторах, состоящих на землях г. Саратова»; местное же купечество, «будучи и прежде неимущее, и вскоре после того 1774-го последовавшего возмущения не может из бедности довести себя к цветущему состоянию». Обязательная служба по казенному управлению (гл. образом — по продаже соли) была для малочисленного и бедного купечества непосильна. Купцы гор. Инсара просили уволить их от выборов в Комиссию 1767 г. на том основании, что у многих из них «нет торгов, ремесл и промыслов, даже и домов, которые у других уже много лет в залоге, другие купцы под следствием по недоимкам по соляному сбору, у имеющих дома за это описаны дома и пожитки, — некому поэтому выбирать». После указа 1775 г., повелевшего купцов, не имеющих капитала в 500 рублей, вписывать в мещанство (и обратно: мещан с 500 руб. капитала — в купечество), в Инсаре оказался всего 1 купец, а мещан 379. По той же причине в Саратове по 3-й ревизии числился 1.131 купец, а в 1782 г. их оказалось уже только 129 человек. Кроме поволжских городов — Симбирска, Сызрани, Самары и Саратова, все остальные города края были, в сущности, большими селами ²⁷.

---

²⁷ *Лепехин. „Дневные записки“, ч. 1, стр. 95 и 104; рукопись Росс. Публ. Библиотеки. Т. IV, № 68, л. 10 (описание Саратов. наместничества, 1782 г.); Флоровский. „Состав Законодат. Комиссии 1767—1774 г.“, стр. 357; Ворон. Губ. Ведомости, 1848 г. № 7 (о гор. Инсаре).*

Мы увидим ниже инсарских и других купцов в роли весьма активных участников пугачевщины.

Соответственным такому развитию торговли было и состояние промышленности. Крупное промышленное производство было представлено немногими заводами и фабриками, основанными опять-таки преимущественно не местными, а пришлыми с севера капиталистами. Было несколько железных заводов, но все они были карликами по сравнению с уральскими заводами, работавшими на заграничный экспорт. В районе восстания 1774 года их было пять: в г. Инсаре — московских 1 гильдии купцов Никоновых, с годовым оборотом в 12.250 рублей и 66 мастеровыми; производил он главным образом чугунную посуду; несколько крупнее был Виндреевский завод (Темник. у.) тульского купца М. Баташева с годовым оборотом в 30.000 рублей и 115 душами покупных и приписных работных людей; в конце XVIII века на нем выплавлялось 76.000 пудов чугуна в год, а перекованное железо и чугунная посуда продавались на заводе, а также развозились по ярмаркам; в Краснослободском у. находились Сивинский и Ангарский железные заводы московского 1 гильдии купца Милякова с 382 душами и Рябкинский — жены вологодского купца Шапкина — с 116 душами. Еще меньше этих заводов были две полотняные фабрики содержательницы Серебренниковой (купленные вместе с крестьянами у помянутого Милякова), в г. Керенске и в 25 верстах от него, с 69 душами; валовой доход их был всего 5.642 рубля в год²⁸.

---

²⁸ *Ворон. Музей*, кн. 127, л. 100 об., 289—290, 320—321, 341—342; кн. 126, л. 198—200.

Роль Милякова как крупнейшего капиталиста Краснослобод. у. видна уже из того факта, что он был „храмоздателем“ всех церквей гор. Краснослободска. *Приложения к памятной книжке Пензенской губ. за 1868 и 1869 г.* (П. 1870), стр. 152.

Интересно отметить развитие тех отраслей промышленности, которые были основаны на переработке главных богатств края — продуктов скотоводства и земледелия. Наибольшее значение из них имели суконная и винокуренная.

Центром суконного производства был Тамбов и лежащее близ него большое дворцовое село Рассказово. В Тамбове в 1782 году были две суконные фабрики: воронеж. купца Тулинова, где работало до 70 вольнонаемных работников, и тамбов. купца Толмачева. Близ с. Рассказова были расположены суконные фабрики того же Тулинова (с 73 душами) и московского 1 гильдии купца и фабриканта Олесова (с 32 душами), работавшие на которых «фабричные» отличились во время пугачевщины. Суконное производство имелось также и в некоторых более крупных вотчинах. Из 392 вотчин Воронежской губ., пострадавших во время пугачевщины, относительно подавляющего большинства их в ведомостях было помечено: «фабрик и заводов нет» (иногда с отметкой: «кроме конского и разного скота»). Исключений всего пять: в инсарской вотчине колл. ассесора Кожина (убитого вместе с женой, тещей и 3 дочерьми), с 276 д., был поташный и стеклянный завод (к сожалению, оборот его не указан); в шацкой вотчине кн. Черкасского (Замокшенского стана, 1.010 душ) была «домовая фабрика голландских и русских кружев», на которой было разграблено готовых изделий и пряжи на 2.998 рубл. 70 коп. и изрублен «весь инструмент» на 100 рубл.; в остальных трех производилась обработка шерсти, — однако преимущественно (если не исключительно) для домашнего обихода владельца.

Так, в шацкой вотчине полковника Кошелева (Залесского стана, 350 д.) была суконная фабрика о 2 станах, «на которых ткались сукна для обихода московского

моего (т.-е. Кошелева) дому»; прибыль от нее владелец исчислил в 680 р. Суконная фабрика была также у крупного сановника, президента вотчинной коллегии Лунина (в с. Инжавинье с деревнями, Шацкого у., Залесс. ст., 484 д.); размеров ее, к сожалению, не удалось выяснить, но, во всяком случае, из заявлений потерпевшего видно, что она не составляла главного богатства этой вотчины. Наконец, в д. Беклемишевке генерала Н. Смирнова (того же Залесс. ст. Шацк. у.) «имелась домовая небольшая фабрика тканья гарусных с разными цветами ковров», а также покрывал на подушки, кресла и т. п.; доход от нее владелец определил от 300 до 400 рублей в год. Продукция этой «фабрики» шла прежде всего на украшение домов самого хозяина; это можно заключить из того, что в с. Хилкове того же Смирнова (в северной части Керенского у.) при перечислении убытков сказано между прочим: стульев с гарусными ткаными подушками перерублено, а подушки с собою злодеями взяты шесть, цена 13 рублей... софы две, покрыты ткаными гарусными с цветами коврами, — ковры злодеями взяты, а софы перерублены, — цена 12 рублей» ²⁹.

Таким образом, «домовые фабрики» дворянских вотчин имели по преимуществу потребительский характер и были еще меньше купеческих. Незначительность их подчеркивается сравнением с помещичьим коневодством: упомянутый ген. Смирнов получал от конского завода ежегодно от 700 до 1.000 рублей, а братья Дивовы получали от своего конского завода в с. Ивановском, Нижнеломовского у., годового дохода 1.000 рублей; у сержанта Киселева в с. Пещанки (того же

---

²⁹ „Известия Тамбов. Арх. Ком.“ в. 40, с. 71; в. 45, с. 43. Воронеж. Музей, кн. 127, листы 103—104, 226—227, 297—298 и 659; кн. 127, л. 24—26, 12—13 и 21.

уезда) было уведено пугачевцами 4 заводск. жеребца, 30 заводск. кобыл, молодых жеребцов по 4 года — 22, езжалых меринов — 54, всего на сумму 8.560 руб.

Была только одна отрасль промышленности, которая при иных правовых условиях могла бы получить широкое развитие и значительно содействовать расширению производства и обмена, — винокурение.

Развитие винокурения, превращавшего хлеб в гораздо более ценный и портативный товар, было в интересах не только пьяниц, но и развития товарного земледелия. Но государственная монополия продажи питей была — после подушной подати и на ряду с казенной продажей соли — главнейшим источником государственных доходов. Поэтому частное винокурение, по общему правилу, было запрещено; одной из важнейших дворянских привилегий было право «сидеть» вино, — но в ограниченном количестве и только для собственного потребления, а не на продажу. Поэтому винокурение было сосредоточено в немногих крупных заводах, как казенных, так и частных, продукция которых шла в продажу только через казенные питейные дома. Во время пугачевщины они были местами стечения массы окрестных жителей, сопровождавших «партии», и здесь бывала не только грандиозная выпивка, но и массовая расправа над угнетателями: так, при экономическом винокуренном заводе Алатырского у. погибло 186 чел., из них 73 женщины³⁰.

---

³⁰ Ворон. Музей, кн. 127, листы 659, 143—144, 140—141, 94—95.

Из частных винокуренных заводов, пострадавших в это время, мы имеем сведения о Лухменском заводе генерала С. В. Салтыкова (близ г. Инсара), где было разграблено готового продукта и сырья на 33.140 рублей; при нем были небольшие „фабрики“: кожевенная (оборот в 1773 г.—949 руб. 35 к.) и мыльная. Перечень погибших при экономич. винокуренном заводе — в „Истории Пугачевского бунта“ Пушкина, прим. 119.

Количество погибших и множество женщин среди них наводит на мысль, что это погибли семьи помещиков, укрывшихся заранее на заводе, думая найти там защиту.

В общем все эти купеческие и дворянские фабрики и заводы мало изменяли основной тон экономики края. Рабочие их были по большей части не вольнонаемными, а подневольными, крепостными крестьянами, тяготевшими к земледелию и ненавидевшими те материальные средства производства, которые были орудием их эксплуатации. В пугачевщину они рубили и ломали фабричные здания и инструменты; и роль их в восстании значительнее, чем в экономике края, больше, чем можно было бы предполагать, зная их немногочисленность. При подавляющем преобладании мелких хозяйств, часто чисто-потребительских, эти немногие центры сравнительно крупного производства имели большое значение для организации «партий» и распространения восстания.

В заключение настоящей главы следует оговориться, что на таком огромном протяжении, какое захватила летом 1774 года пугачевщина, хозяйственный быт, разумеется, не был везде совершенно одинаков. В частности в северной части края, ближе к Оке, где почва уже была не черноземной, а русская колонизация — более давней, сельское хозяйство постепенно теряло свое доминирующее значение, и, наоборот, выростала роль промышленности и особенно — торговли.

Так, в северо-восточных уездах Воронежской губернии, населенных дворцовыми крестьянами (Троицком, Наровчатском и Краснослободском), хотя главным занятием последних и было хлебопашество, но оно было едва достаточно для собственного пропитания, так что им приходилось подрабатывать разными промыслами. В неурожайные годы, в виду отсутствия собственных запасов, они должны были ездить за хлебом в другие уезды, иногда за 200—300 верст, в села Конобеево—Щацкого уезда, Моршу и Кирсаново—Тамбов. у., Чем-

бар — Нижнеломовского, Головищину — Пензенского и другие. Материал для кустарных промыслов давало преимущественно дерево: в деревнях делали разный щепной товар, сани, колеса, а также бочки для местных винокуренных заводов. Мы знаем, что крестьяне Троицкого уезда ходили на струговые работы на Оку и верхнюю Волгу (в Нижний, Кострому, Ярославль), а также на юг, в донские станицы Михайловскую и Урюпинскую, где нанимались в поденную работу к казакам. Поблизости они находили работу на Виндреевском железном заводе Баташевых; но едва ли там требовалось много вольнонаемных рабочих, так как мы знаем, что завод был невелик. Зато очень много народу занималось извозом соли из Саратова и казенного вина с винокуренных заводов, главным образом — зимой. Вино они возили часто на далекие расстояния: в Москву, Суздаль, Ростов и т. д.

Еще меньше была роль земледелия в пределах Нижегородской губернии, которая благодаря своему географическому положению, — у слияния двух важнейших торговых артерий страны, Оки и Волги, — приобрела исключительное значение во внутренней торговле России. По словам князя Щербатова, «народ сей губернии особливо склонен ко всяким промыслам и торгам, и многие тут обретают великие села, которые богатством и торговлею своею знатым городам не уступают», — чем Щербатов, считавший земледелие единственным производительным занятием, был очень недоволен.

Один немец, живший во время пугачевщины в Арзамасском уезде, Нижегородской губ., в своих записках передает интересный случай, рисующий совершенно особый склад отношений между помещиком и его крестьянами, занимавшимися крупной торговлей. Граф

Салтыков (Soltikow) имел под Арзамасом деревню с тысячей душ, гд, благодаря протекавшей реке, притоку Оки, развилась значительная торговля. Граф «очень радовался счастью своих крестьян», и надо думать, что эта радость имела соответственное материальное основание в увеличении его доходов. Но жил он, повидимому, широко, так что для уплаты своих долгов ему не оставалось ничего другого, как продать столь доходную деревню. Известие об этом намерении хозяина всполошило его подданных... Автор с умилением описывает происшедшую затем сцену:

«Боязнь потерять такого доброго (guten) господина и чувство благодарности побудило их послать к нему депутацию из старейших и зажиточнейших из своей среды. На языке сердца, который никогда не может быть подделан, спросили его эти честные люди: правда ли, что он их оставляет, продает их чужому и не хочет больше быть их господином и отцом?» Узнав причину его решения, и что сумма долга составляла 50.000 рублей, они просили его подождать до следующего утра. «Однако, они так долго не ждали, а пришли в тот же день обратно. Единодушно они решили вместе со своими собратьями лучше отдать большую часть приобретенных ими капиталов, чем расстаться со своим господином. В несколько часов эта сумма была собрана». Автор добавляет, что так же обращаются со своими крестьянами и многие другие дворяне из наиболее знатных (vom ersten Range)³¹.

---

³¹ О Троицком уезде в 70-х гг. XVIII столетия см. *Известия Тамб. Арх. Ком.*, в. 34, стр. 37—49. О салтыковских крестьянах — „Bemerkungen über Esthland, Liefland, Russland“. Prag und Leipzig, 1792, S. 287—290.

Во время пугачевщины этот самый Салтыков сделал неудачную попытку организовать отпор восставшим; об этом см. ниже, гл. III.

Таким образом, вся огромная область по правому берегу Волги, охваченная летом 1774 года пугачевщиной, не была однотонна по своей экономике. Большая часть ее лежала в области чернозема, где тогда еще не было того малоземелья, которое 100 лет спустя привело центрально-черноземную область к остро выраженному «оскудению». Основным занятием жителей было тут земледелие, в южной половине — также скотоводство, которое тогда было у крестьян гораздо крупнее, чем теперь. Но развитию крестьянского хозяйства и его товаризации мешало крепостное право, которое отдавало значительную часть труда крестьян в распоряжение помещиков, эксплуатировавших их при помощи барщины. При этом большая часть этих помещиков была настолько малопоместна, что у них тоже не оставалось излишков на продажу; их хозяйства были чисто-потребительскими. Отсюда — слабое развитие торговли, находившейся притом в руках приезжих с севера торговцев, купцов и крестьян.

Несколько иная картина была на северной окраине рассматриваемой территории. В северных, лесистых уездах Воронежской губернии — Краснослободском, Троицком, Темниковском, Кадомском и части Шацкого — чернозем уже уступал место деградированному чернозему, дерново-подзолистым супескам и пескам. Здесь жителям-земледельцам уже приходилось прирабатывать разными промыслами, и, вероятно, немалый процент среди них составляли бедняки-полупролетарии. Еще севернее, в пределах Нижегородской губернии, в целом ряде сел и деревень главным занятием крестьян были разные промыслы и особенно торговля; на ряду с бедняками, тут было немало и крупных и мелких капиталистов из крестьян.

И, как увидим ниже, в этих уездах, среди крестьян, не имевших над собой помещиков, пугачевщина имела ничуть не меньший успех, чем на юге, среди помещичьих крестьян...

Наконец, необходимо сказать еще два слова о военно-административных условиях края. Во-первых, посмотрим, каковы были те вооруженные силы, которыми располагало здесь правительство. Они были крайне слабы — и количественно, и, главное, качественно, исчерпываясь теми инвалидными командами, составленными из дряхлых стариков, солдат и офицеров, признанных непригодными для службы в войсках, которые стояли в городах Алатыре, Арзамасе, Инсаре, Кадоме, Керенске, Курмыше, Верхнем Ломове, Нижнем Ломове, Пензе, Саранске, Сызрани, Тамбове, Темникове, Шацке, Ядрине; в каждой такой команде полагалось 138 человек. Мы не знаем, везде ли имелось это количество полностью. Если да, то в таком случае большинство их было безоружно. Последнее видно из особых ведомостей 1773 года о том, сколько оружия в городах Шацкой провинции: в Темникове, Кадоме, Наровчате, Троицке и Краснослободске оказалось всего только по 28 ружей в каждом, по 28 шпаг и по 1 барабану; только в Шацке было больше — 50 ружей, 52 шпаги и 9 пушек, но последние, как увидим ниже (гл. III), были почти совершенно негодны к употреблению³².

Другим обстоятельством, сильно затруднявшим организацию обороны края, было тогдашнее административное деление его территории. Дело в том, что границы провинций и уездов складывались

---

³² Полное собрание законов, № 12060, и Протокол Тамбов. Арх. Ком. 21 апреля 1889 г., прилож. № 53 (стр. 90).

Исторически, постепенно и без всякого плана: когда в какой-нибудь части старого, очень обширного по пространству уезда колонизация делала заметные успехи, из нее образовывали новый уезд. Кроме того, выделялись в особые уезды те места, где было много дворцовых крестьян (Краснослободский, Троицкий, Наровчатский), при чем не-дворцовые поселения обычно не включались, так что эти уезды имели довольно причудливые очертания, а иногда бывала и чересполосица.

В результате получалось, что, во-первых, уезды были крайне неодинаковы по пространству и численности населения: Шацкий уезд по числу жителей был почти в три раза больше Керенского, в четыре раза больше Нижнеомовского, в десять раз больше Инсарского и в 25 раз — Наровчатского! Во-вторых, уезды имели самые причудливые очертания, обычно — вытянутые в меридиональном направлении (как шла колонизация), с севера, где находился уездный город, далеко на юг. Так, например, тот же Шацкий уезд тянулся более чем на полтысячи верст, иногда очень узкой лентой, заворачивая затем на восток, почти до самого Саратова. Он состоял из пяти станов, из которых южный Залесский (т.-е. находившийся в степи, за лесом по р. Цне) охватывал третью часть населения и приблизительно половину территории; некоторые села его находились всего в 50—60 верстах от Саратова, отстоя от Шацка в 450—460 верстах. Шацкая провинциальная канцелярия писала в 1764 г., что столь отдаленные места «выгодными в уезде города Шацка не признаваются», и предлагала произвести некоторое исправление границ: некоторые поселения приписать к Тамбову, а для лежащих около Саратова, Борисоглебска и Петровска устроить особые «комиссарства» для сбора и отвоза подушных денег.

Но, кроме неудобств, связанных со сбором налогов, отсюда проистекали и неудобства полицейские, ярко обнаружившиеся в пугачевщину: слабость уездной администрации, отсутствие на местах бдительного ока начальства, находящегося очень далеко, и отсюда — запаздывание его мероприятий. Владельцы поместий должны были обращаться за помощью в свой уездный город, иногда — за 400 и больше верст. О местонахождении главных сил Пугачева воеводские канцелярии долгое время не имели никакого представления и передавали друг другу самые фантастические сведения... Не даром после усмирения восстания граф Панин поставил вопрос об «умножении правительства и присутственных полицейских надзирателей». Не зная административной географии России до губернской реформы 1775 года, нельзя полностью оценить смысла этой реформы³³.

Таким образом, до прибытия регулярных войск (которые в это время отстали в преследовании Пугачева, а другие шли с турецкого фронта) пугачевцы не могли встретить здесь серьезного сопротивления. Крупные помещики со своей дворней и артиллерией (во многих дворянских усадьбах были пушки) могли бы быть более серьезными противниками, нежели инвалидные команды. Но они поддались панике и бежали из своих усадеб; только тогда, когда стали прибывать команды правительственных войск, они оправились и со своими дворовыми приняли деятельное участие в военных и карательных действиях последних.

---

³³ См. приложение А, а также *Тамб. Ист. Архив*, № 949. „Расписание“ числа верст от Шацка до поселений Шацкого уезда. Этот документ очень важен для исторической географии края. Составленная мною карта распространения пугачевщины дает представление о запутанности административного деления тогдашней Воронежской губернии.

Общий вывод всей настоящей главы в целом — тот же, который мы сделали в первой ее части в результате краткого обзора истории колонизации края: в такой стране очень легко поднять восстание и очень трудно организовать его. Обмен развит слабо, значительный процент хозяйств носит чисто-потребительский характер; крупных городов нет. Все это препятствует сплочению больших масс и развитию классового сознания, — без чего никакой класс не может произвести социальную революцию. И раз регулярные войска, составленные из оторванных от населения рекрут, остались верны своему начальству, то восстание пугачевщины было неизбежно. Исход восстания определился уже за Волгой, после поражения Пугачева в генеральном сражении под Татищевой; затем уже началась агония... Но как пораженный на смерть зверь становится наиболее опасен в свои последние минуты, так и пугачевщина была наиболее страшна в момент своего кровавого финала на правом берегу Волги.

ГЛАВА II.

Распространение и характер пугачевщины в июле-сентябре 1774 года.

Еще в марте 1774 года крупный местный помещик, имевший в своих вотчинах Шацкого, Тамбовского и Керенского уездов более 700 душ мужск. и женск. пола, генерал-майор Никита Смирнов, убедил шацкое дворянство «соорудить» особый конный корпус, выставив по одному человеку с лошадыю с каждых 300 душ, и послать половину его к главнокомандующему войсками, действовавшими за Волгой против Пугачева, Бибикову, а другую половину оставить в Шацком уезде для разъездов по Хопру и Медведице, даже до Саратова и городов Петровска и Борисоглебска, где «беглых и разбойников более 3.000 человек сыскано быть имеет».

Последнее обстоятельство делает вполне понятным патриотическое рвение шацких дворян и их беспокойство по поводу распространявшейся в Воронежской губернии «молвы» о Пугачеве в тот момент, когда самозванец был не только очень далеко, но и, повиди-

мому, окончательно разбит правительственными войсками. Такого мнения держался и сменивший Бибикова Щербатов, ответивший Смирнову особым письмом, в котором выражал благодарность ему и его «собратству» за «подвиги по истреблению возраставшего зла», но заявлял, что они уже не нужны, так как мятежники разбиты, а сам Пугачев хотя и скрылся внутри Башкирии, но «надеяться надобно, что и сей изверг скоро пойман будет»³⁴.

Как известно, расчеты Щербатова не оправдались, и восстание за Волгой разгорелось с новой силой. Отзвуки его наблюдаются и по сию сторону Волги. Весной 1774 года из Воронежа была отправлена вооруженная команда к северным границам губернии в с. Кавресы, Кадомского у., для усмирения крестьян коллежск. ассессора Рознатовского, которые оказались «в возмущении и непослушании». Действительно, в апреле здесь крестьяне на сходе постановили послать двух человек к Пугачеву с прошением, чтоб не быть им более за помещиком, а быть вольными. Четверо из крестьян Рознатовского — все солидные мужики в возрасте от 50 до 65 лет — были привезены в Шацкую тюрьму и осуждены на наказание кнутом с вырезанием ноздрей и ссылку в «вечную работу» в Таганрог. Но дух возмущения начинал все больше распространяться. Возвращавшийся из указанной экспедиции майор Новиков встретил непослушание: оставив команду в с. Таптыковке, Козловского у., он поехал в с. Сарай, где потребовал себе подводы; староста не только не послушался, но, выхватив из рук Новикова палку, «схватил его за груди и с другими крестьянами учал бить, от коего он едва оборо

---

³⁴ Ворон. Музей, кн. 127, л. 641—642; ср. *Известия Тамбов. Архив. Ком.*, в. 27, стр. 47—48.

ниться мог, и держал более половины суток, пока прибыла из Таптыкова команда»³⁵.

Неудивительно, что одной вести о переходе давно ожидаемого Петра III через Волгу было достаточно, чтобы поднять крестьян на открытые действия в его пользу и от его имени, и что первые «партии», появившиеся в пределах тогдашней Нижегородской и Воронежской губернии, образовались самостоятельно.

О первом появлении пугачевцев в Арзамасском у., Нижегородской губ., мы имеем живописный рассказ одного современника, немца-учителя в крупном дворянском поместье.

Еще в июне (в Иванов день) в Арзамас приезжал нижегородский губернатор, который собрал уездных дворян и уговаривал их добровольно выставить и вооружить рекрут для отпора приближавшемуся к Казани самозванцу. Однако, местное дворянство хотя и согласилось с губернатором, но не спешило с этим делом, очевидно, надеясь, что с Пугачевым справятся без них. И через несколько дней после отъезда губернатора все успокоились, — «как будто бояться было нечего». Один только граф Салтыков (Soltikov), самый крупный и знатный землевладелец уезда, собрал 300 своих подданных (Unterthanen) и пошел с ними к Нижнему; но эти люди разбежались при первом известии о появлении пугачевцев.

Хозяин нашего немца получил тревожную весть от своих служителей, отправленных на Макарьевскую ярмарку с лошадьми на продажу, которые, отъехав 60 верст, узнали о взятии Казани, а затем были оста-

---

³⁵ Тамб. Историч. Архив, № 3675 („ведомости“ шацкой провинциальной канцелярии о содержащихся в ней колодниках, по месяцам, за ноябрь-декабрь 1774 г. №№ 19—22 по порядку) и № 2.925. Ср. Дубровина „Пугачев и его сообщники“, т. III, стр. 44.

новлены взбунтовавшимися крестьянами. Они прискакали домой со словами: «спасайся, кто может». (Rette sich, wer sich retten kann, denn noch diese Nacht werden die Rebellen vielleicht eintreffen.)

Началось повальное бегство дворян. Автор жил во флигеле господского дома, у самой деревенской улицы, и всю ночь после получения страшного известия бодрствовал у окна, из которого открывалась картина панического бегства: «Целые ряды повозок, наполненные беглецами, быстро ехали перед моими окнами, направляясь к г. Арзамасу и, несомненно, оттуда — дальше на Москву или в отдаленные провинции. Забрезжило утро, — но всякое желание спать должно было уступить сильнейшему стремлению спасти свою жизнь». Но господин его некоторое время медлил, не желая бросать свое имущество: лишь приходящие вести об убийстве целого ряда «благородных» (Edelleute) преодолели его скупость, и он, наконец, решил бежать, — но не на север, как все остальные, а на юг, в свое имение близ Саратова; и он направился с целым обозом, семьей, слугами и наиболее ценным имуществом по направлению к Саранску. Однако вид массы бегущих в противоположную сторону, ему навстречу, заставил его переменить решение и повернуть обратно к Арзамасу, но так, чтобы обойти этот город, « кишевший мятежно настроенной (schlechtgesinnten) чернью, которая только ждала прихода бунтовщиков, чтобы начать массовое убийство ».

Жители мордовской деревни, лежавшей на их дороге, сначала проявили свою враждебность только тем, что не допустили их взять воды из колодца; однако ночью в этой деревне собралось до 60 человек, чтобы убить и ограбить путников, но те уже успели уехать дальше,

свернув с большой дороги, прямо через поля и леса. Через день по той же самой дороге прошел с 500 своих приверженцев сам Пугачев, оставляя позади себя «следы величайшей жестокости»³⁶.

Таким образом, восстание начиналось впереди Пугачева, при одном слухе о его приближении,

То же мы видим и южнее, в пределах Воронежской губернии.

Северо-восточный угол Воронежской губернии занимал Краснослободский уезд, образованный для управления дворцовыми крестьянами, жившими здесь в количестве 8.855 душ мужск. пола (все население уезда — 9.851 душа) в ряде селений, расположенных на территории как нынешнего Краснослободского уезда, так и соседних Инсарского и Лукояновского, Нижегородской губернии. Уезд состоял из двух дворцовых волостей: Краснослободской — западной и Маколовской — восточной.

Одновременно с переходом Пугачева на правый берег Волги, среди крестьян Маколовской волости, русских и новокрещен из мордвы, разнеслась молва, что государь Петр III идет на Саранск и дал приказ приводить к нему помещиков, приказных и попов для повешения, с обещанием 25 рублей награды за каждого. Затем стали говорить, что из сел той же волости Ремеzenок, Маколова, Федоровки, Мокшалай, Козловки многие крестьяне ушли в Саранск, чтобы поступить в «казаки»³⁷.

---

³⁶ „Bemerkungen über Estland, Liefland und Russland“, S. 181—201.

³⁷ Действительно, среди колодников в Краснослободской воеводской канцелярии за март 1775 года показан был один дворцовый крестьянин с. Федоровки, обвинявшийся „в бытии им в злодейской пугачевской партии в числе 6 тысяч человек пленных“ (Тамбов. Историч. Архив. № 1022, Краснослоб. ведомость, л. 25—28). Шесть тысяч пленных было взято Михельсоном при окончательном пора-

А 20 июля, — т.-е. когда Пугачев был еще значительно севернее, только что достиг Курмыша, — в административном центре упомянутой волости, с. Маколове, появилась первая «партия», действовавшая от его имени. В ней было человек двадцать, в том числе староста и несколько крестьян мордовского села Хлыстовки (той же волости). Управитель волости, очевидно, предчувствовал это появление и успел уехать по дороге в Краснослободск, в «большой Мокшенский лес». Жизнь свою он спас и поплатился только разграблением дома. Не так счастливы были его подчиненные, два канцеляриста — Снежницкий и Дубровский. Первый был повешен тут же в Маколове (вешали двое хлыстовских же новокрещен), а второй пытался бежать, но по дороге был пойман и приведен в с. Голицыно, где и повешен.

Первыми жертвами возмущения в пределах Воронежской губернии оказались, таким образом, чиновники дворцового ведомства, а также — духовенство. Около того же времени в с. Хлыстовку прибыла другая партия и, вследствие жалобы жителей (крещеных за 28 лет до того) на своего попа Ивана Яковлева, приказала им повесить его на воротах собственного дома. Казнь была совершена двумя мордвинами-новокрещенными, которые, правда, впоследствии на допросе утверждали, что делали это «поневоле, из-под битья их плетьюми». С 1 августа уже весь уезд вышел из повиновения своей администрации ³⁸.

жении Пугачева под Черным Яром; из Царицына их затем рассылали на прежние места жительства. Следовательно, этот крестьянин с. Федоровки успел присоединиться к „главной злодейской толпе“, бывшей при самом Пугачеве.

³⁸ Тамб. Истор. Архив, № 1022, л. 26 об. и № 1255; см. также статью свящ. Беляева „Пугачев. бунт в Краснослоб. уезде“ („Сборник историч., географ. и статист. материалов о Пензенской губ.“, Пенза, 1870 г., стр. 144—169).

Главным исходным пунктом дальнейшего распространения восстания на запад от линии пугачевского пути Саранск-Пенза стал гор. Инсар, находившийся в нескольких десятках верст к западу от указанной линии. Здешний воевода попытался в последних числах июля (когда пугачевские партии были еще в Саранском уезде) организовать сопротивление: кроме просьбы в шацкую провинциальную канцелярию о присылке на помощь людей с оружием, «какое у кого есть», были посланы инсарские солдаты и избранные местным дворянством «частные смотрители» в окрестные селения «для высылки обывателей к защищению города». Эта попытка кончилась плачевно: частный смотритель прапорщик князь П. Еникеев, помещик соседнего села Леплейки (за ним 46 душ), не смог даже доехать до дому — «как уже селения збунтовали и до дому его не допустили, и оный прапорщик Еникеев едва спас живот свой и остался только в одном кафтане и уехал на чужих лошадях; почему дом его и пожитки и платья все пограблены» (убыток — на 500 рублей). Другой частный смотритель, капитан князь Чюрмантеев (за ним всего 4 души) поплатился жизнью: во время этой «посылки» он был «злодеями захвачен и повешен».

Настроение окрестных жителей проявилось, таким образом, с достаточной определенностью, и воевода бежал из города, захватив с собой денежную казну. Тогда жители города, боясь ответить перед «третьим императором» за бегство своего воеводы и увоз денег, обратились к вахмистру местной штатной команды Фельшману с требованием догнать и вернуть воеводу. Семидесятилетний Фельшман отправился в погоню на запад, к г. Керенску. Воеводы он так и не нашел, но зато разнес повсюду весть о милостях новоявленного

царя: явившись в Керенск с 12 солдатами 1 августа, в базарный день, он обратился к толпе с предложением молиться за многолетнее здравие царя Петра, обещая, что платежа подушных денег и рекрутских наборов не будет десять лет, а соль будет продаваться по две гривны за пуд³⁹.

Таким образом, Инсар признал Петра III, не выдав его, и стал исходным пунктом для целого ряда пугачевских партий. Здесь сформировалась небольшая партия, человек не более двадцати, под командой Петра Евсевьева, дворового человека инсарского секретаря Ряшенцева⁴⁰, направлявшаяся на запад к городам Тро-

---

³⁹ Ворон. Музей, кн. 126, л. 387 об., кн. 127, л. 106; журнал Тамб. Арх. Ком. от 19 августа 1885 г., опись Шацкого архива № 1016. Дубасов „Очерки Тамбов. края“, т. II, стр. 89.

Фельшман отделался сравнительно очень дешево: он просидел в шацком остроге с 19 сентября 1774 года до 13 октября 1775 года, когда его освободили из под караула и отослали в „Инсарскую воеводскую канцелярию по прежнему“. Тамб. Истор. Архив, № 1665. (реестры к докладам Шацкой канцелярии — на 23 окт. 1775 г.).

⁴⁰ Повидимому, этот Петр Евсевьев, а также упоминаемый Ануциным („Русск. Вестник“, 1869 г., кн. 3, с. 140), а вслед за ним и Дубровиным (т. III, стр. 170—171) „бегло-помещичий человек Петр Евстафьев“ и Пушкиным „беглый холоп Евсигнеев“, взявший Инсар, а затем Наровчат, Троицк и Керенск, — одно и то же лицо. Кстати: сообщаемое всеми названными авторами сведение (без указания на источники), что он называл себя императором Петром III. не подтверждается ни одним документом; наоборот, целый ряд участников и свидетелей везде называют его Евсевьевым, и нет никаких намеков на то, чтоб он пытался дублировать Пугачева. Вероятно, мы имеем дело с простым недоразумением, вызванным невнимательным чтением или неправильным толкованием документов. См., например, в челобитьи майора Левашова заявление о том, что в его село Макарово, Керенского уезда, прибыла 4 августа „под именем известного злодея и государственного бунтовщика партия“, или в донесении генерала Смирнова фразу о том, что дворцовые крестьяне д. Скачихи и выселка Умета „согласными с разбойниками под именем изверга злодея Пугачева были“, — в обоих случаях выражение „под именем“ означает „от имени“ (Вор. Музей, кн. 126, л. 83; Тамб. Ист. Архив, № 2.954). Вероятно, о П. Евсевьеве документ говорил, что он прибыл с партией „под именем злодея Пугачева“, что значило, что он действует от имени Пугачева, а вовсе не был новым самозванцем.

ицку и Наровчату, бывшим, подобно Краснослободску, административными центрами небольших уездов, населенных почти исключительно дворцовыми крестьянами; в самих же этих городах было, кроме того, много однодворцев.

3 августа партия «называющих себя казаками» явилась в г. Троицк; по словам одного свидетеля, их было всего 4 человека, по словам другого — 20, а третий затруднился определить их число (и, быть может, объяснил причину противоречий предыдущих), так как с «казаками» было еще «всякой сволочи большое число». Тут были крестьяне и новокрещены многих дворцовых сел и деревень. Приехавшие неведомые люди объявили прежде всего троичким жителям, что «освобождается-де народ от всяких казенных податей на десять лет, да не будет с них рекрут семь лет». Затем вся толпа двинулась к «городу», где повесила воеводу, его товарища и подьячего и особенно немилостиво расправилась с дворцовым управителем: его, во-первых, избили, «а потом, сомкнув штыками, умертвили».

После этого, по живописному описанию поверенного откупщика питейных сборов, толпа, «рассыпаясь к состоящим в том городе казенным питейным домам», начала пить бесплатно водку, вино, пиво и мед «целыми бочками, ведрами и кружками». Вечером, за час до захода солнца, все прибывшие «и еще собравшаяся в том городе Троицке разная сволочь» вышли в г. Наровчат, где 4 августа «производили таковые же свои сродные им варварские поступки»: повесили регистратора ⁴¹, городничего и священника и опять-таки нанесли большой ущерб питейным домам вышеупомянутого откупщика. Затем толпа, «рассыпаясь на разные партии»,

---

⁴¹ Уже известного нам Семёна Корсилькова.

распространилась по Троицкому, Наровчатскому и соседним уездам⁴².

После Троицка и Наровчата наступила очередь Краснослободска. С 1 августа местная администрация уже потеряла всякую власть над населением: все дворцовые крестьяне «возмутились» и, «приходя в их собственные дома как до приезда, так и по приезде оных злодеев, всегда их устраивали теми злодеями безвинно ко умертвию и разорению домов их». На улицах крестьяне открыто говорили, что на неправый суд воеводы будут жаловаться казакам. Поэтому участь воеводы угадать не трудно: 6 августа «означенная разбойничья партия по приезде в г. Краснослободск оной разбили и господина воеводу и секретаря побили до смерти»⁴³.

В Краснослободск пугачевцы явились из Троицка, где предварительно в течение двух дней собирали «понятых» с окрестных селений, так что при выходе из Троицка в толпе было около 1.000 человек. Встречали их краснослободские жители торжественно, со всем городским духовенством во главе. Казаки приложились к иконам и вошли в город; двое из них вошли в собор, где был отслужен молебен за здоровье Петра Федоровича. Все колодники были выпущены, из соляных амбаров жители расхватали около 600 пудов соли. Казаки разъезжали на телегах, куда клали добычу из домов чиновников, а также соборного протопопа (хотя последний и участвовал во «встрече» казаков, но своего имущества этим не уберет: у него разграбили на

---

⁴² Тамбов. Истор. Архив, № 253 (челобитная троцкого канцеляриста Григорьева) и № 255 (чел. поверенного откупщика Рожнова), „Известия Тамб. Арх. Ком.“, в. 34, стр. 94—95.

В Наровчате обыватели еще до прихода „толпы“ арестовали своего воеводу.

⁴³ Тамб. Истор. Архив, № 1255 (донесение краснослободской воеводской канцелярии в шацкую).

842 р. 59 к.). Часть казаков с нагруженными возами вернулась в Троицк, а другая, во главе с тем же Петром Евсевьевым, пошла дальше вниз по р. Мокше, к г. Темникову, который был занят ею без сопротивления (хотя и «без колокольного звону и образов для встречи») 9 августа.

Тоже инсарский житель — литейщик инсарского железного завода Савелий Мартынов — стоял во главе партии человек в 30, появившейся на Сивинском железном заводе (несколько восточнее Краснослободска, на р. Сивини). Владелец завода Миляков успел бежать, но дом его и завод были разграблены (на заводах Милякова, Сивинском и Атарском, всего было разграблено на 5.571 рубль). Любопытно, что эта партия, имевшая своим атаманом литейщика, обходила именно заводы. С Сивинского завода партия, собрав крестьян соседних мордовских дворцовых селений, Синдорова и Колопина, направилась к Троицкому дворцовому винокуренному заводу, в одной версте от Синдорова, где состоялось распитие казенного вина и грабеж хором комиссара завода Колотильщикова (тоже скрывшегося) — на 8.700 рублей. Тут был сначала бит плетьюми, а затем повешен на воротах сержант Н. Голов, служивший при заводе, по жалобе мордвы, что он не выдавал им ярлыков за привозимые дрова; вешали трое заводских служителей.

Отсюда казаки поехали на соседний Рябкинский железный завод, где (по заявлению владельца) пограбили на 1.105 рублей. С Рябкинского завода они пошли в Краснослободск, уже «разбитый», как мы видели, а из Краснослободска — к западу, на Виндреевский железный завод Баташева (Темниковского у.)⁴⁴.

---

⁴⁴ Беляев, назв. статья, стр. 154—158; „Известия Тамб. Арх. Ком.“, в. 34, стр. 98; Ворон. Музей, кн. 127, л. 320—322.

Что происходило на Виндреевском заводе, мы знаем довольно подробно из показаний нескольких свидетелей и участников. В ночь на 11 августа приехало на завод множество народу: партия пугачевцев «в казацкой одежде», а с ними более 300 человек жителей разных сел и деревень, одетых в зипуны и шубы. Дом хозяина завода — Баташева — был разграблен на сравнительно крупную сумму 19.560 рублей, «да убито злодейской шайкой мастеровых двое». Какова была причина этого убийства, — неизвестно; также по неизвестной причине был повешен своими товарищами, по приказу атамана, один из казаков, татарин деревни Полянок, Инсарского уезда. Уезжая с завода, партия взяла с собой до 60 человек заводских крестьян в понаты, а пятеро «самоизвольно пошли к ним в казаки». В результате этого посещения, среди заводских служителей и крестьян произошло «великое возмущение, так что некоторые, обнадясь на то, что будут от заводу отрешены, и от работы отстали, и завод не действует».

Однакоже, эта партия в военном отношении оказалась довольно слабой: по отъезде с завода, у села Мальцева, на нее напал помещик этого села Приклонский «со многими своими людьми и крестьяны», трех человек убил, а остальных обратил в бегство, отняв у них всю добычу. Партия рассеялась в разные стороны: одни через Наровчат вернулись в Инсар, другие присоединились к партии, оказавшейся в большом экономическом селе Спасском, и оттуда пошли к Керенску, куда с разных сторон стягивались пугачевские отряды ⁴⁵.

---

⁴⁵ Беляев, указан. статья, стр. 158—159, и „Известия Тамб. Арх. Ком.“, в. 36, стр. 44—47 (дел №№ 3604, 3607 и 3608, содержание которых здесь приведено, в Тамб. Ист. Архиве нет, — они отправлены в Москву).

Мы уже видели, что инсарский вахмистр Фельшман в погоне за своим воеводой 1 августа прибыл в Керенск и здесь совершенно свободно «разглашал о бывшем императоре Петре Третьем». Местный воевода Перский, попытавшийся было задержать его, был посажен жителями вместе с секретарем Корольковым под караул. Но затем положение изменилось. Спасаясь от надвигавшейся волны пугачевских партий, из уезда стекались в Керенск помещики со своими семьями и наиболее верными дворовыми. Как затравленным в последний момент страх придает мужество, так и эти беглецы, собравшись в городе, имевшем кое-какое укрепление, решили защищаться. О целом ряде владельцев разоренных вотчин Керенского уезда официальная ведомость отмечает, что такой-то «съехал в г. Керенск и находился при защищении оно́го». Взялись за оружие и все местные канцелярские служители, — имевшие веское основание думать, что восставшие их не пощадят, — во главе с нашим знакомым, Алексеем Корольковым, о котором тоже значится: «находился при городской крепости для защищения от нападения злодейского». Кроме того, в городе были штатная и инвалидная команда; наконец, даже пленные турки приняли участие в обороне городского укрепления.

В результате попытка пугачевцев 17 августа взять городскую крепость была отбита. Правда, все жители Керенска, однодворцы, в количестве, по 3-й ревизии, 1.766 душ м. п. (только о двоих братьях Кубасовых отмечается, что они «с прочими керенскими однодворцами к бунту согласия не имели», и один из них участвовал в обороне крепости, за что их дома были сожжены, а имущество разграблено), примкнули к восставшим, и дома укрывшихся в крепости были сожжены; сожжены были также 18 казенных инвалидов

домов, где жили инвалиды из нижних чинов, — «а в прочих затем, кои остались в несожжении, выбито окончин на 10 рублей 50 коп.». Отбитых от Керенска пугачевцев в тот же день настиг отряд правительственных войск, убивший и взявший в плен 32 человека и 8 небольших пушек. За оказанное усердие в обороне Керенска все собравшиеся из уездов дворяне и канцелярские служители местной воеводской канцелярии были повышены на один чин; сторож канцелярии получил в награду 6 рублей, а три дворовых человека майора Богданова и упомянутые турки — по рублю; вдовы двух убитых офицеров инвалидной команды получили в виде пособия годовое жалованье их мужей — по 65 рублей ⁴⁶.

Во главе осаждавших Керенск пугачевцев стоял уже известный нам Петр Евсевьев; тут же был отряд атамана Якова Иванова, с которым встретимся ниже. Тоже из Инсара были главари некоторых других партий, из которых одна действовала приблизительно в том же районе и в организационной связи с Евсевьевым, а другая обошла и более южные уезды: Нижне- и Верхне-Ломовские.

Когда при занятии г. Троицка Евсевьевым один крестьянин (родом из Темниковского уезда), живший в работниках у местного канцеляриста, захотел поступить к нему в казаки, Евсевьев отослал его в г. Инсар, к атаману Дубцову, инсарскому купцу, который и при-

---

⁴⁶ Ворон. Музей, кн. 127, листы 189—292, 314—318; Журнал Тамб. Арх. Ком. 19 августа 1885 г., прилож. стр. 59 и 61; „Материалы для истории пугач. бунта“ Я. Грота (Собр. соч. Грота, т. IV, стр. 638—639); Мордовцев, 198, прим. (здесь приведен список дворян, участвовавших в обороне Керенска).

По словам графа Панина, Керенск был „сердцем взволнованной бунтованием черни“, которая нападала на город *троекратно*, — следовательно, приступ 17 августа был не единственным. Сборник Русск. Историч. О-ва, т. VI, стр. 130 и 133.

нял его. У Дубцова образовалась партия в 20 человек (среди них оказался и поп дворцового села Кочелаева Кондратий Васильев), которая отправилась сначала в г. Троицк (где делили между собой пожитки троицких канцеляристов), а затем на соединение с Евсевьевым в Темников. Но, не дойдя до Темникова, они почему-то повернули обратно и возвратились в Инсар, в дом атамана Дубцова. Тут произошел временный перерыв в действиях партии: инсарские однодворцы, вероятно, под влиянием известий о приближении правительственных войск, схватили Дубцова и его товарищей, привели в воеводскую канцелярию и посадили в тюремный острог.

✓ Из острога их выручил через 8 дней пугачевский «полковник» Михаил Евстратов (он же Мих. Елистратов), сам тоже инсарский однодворец, который явился со 120 казаками, зажег Инвалидную Слободу и во время пожара освободил колодников. Затем Евстратов отправился в Наровчат, где стоял около недели, а оттуда — к Нижнему Ломову, узнав, что там появился отряд правительственных войск, гусар и казаков; в партии было в этот момент, по показаниям различных участников, от 650 до 1.000 человек «с пушками, с ружьи и с копьи и со всяким дрекольем». Но «баталия» под Нижним Ломовым оказалась для Евстратова неудачной: партию его разбили и остатки разогнали по лесу. С оставшимися при нем 70 человеками Евстратов уехал в Наровчат и в течение двух дней собирал в свою команду «разного звания людей». На третий день явились правительственные войска («военные казаки») и встретили организованное сопротивление, в котором деятельное участие приняли жители города: «собравшись с ружьи и с прочим дреколием... не допускали тех казаков в город, стреляли по ним из ружей», — однако,

«против их устоять не могли». По официальным данным, «злодейская шайка», разбитая в г. Наровчате 3 сентября, состояла из 4.000 чел., из которых было побито 200, пленено до 400 крестьян и взята одна пушка. Это было самое крупное по количеству участников (не считая поражения самого Пугачева под Черным Яром) сражение в пугачевщину на правой стороне Волги ⁴⁷.

Какова была дальнейшая судьба Евстратова, — мы, к сожалению, не знаем. Несколько дольше остается на нашем горизонте действовавший совместно с ним атаман Яков Иванов. Будучи родом из дворцового села Кочелаева, Наровчатского уезда, он имел первоначальной базой своих действий тот же г. Наровчат. О его похождениях мы имеем эпический рассказ участника этой партии, батрака помещицы Веденяпиной в с. Охлебинине, Верхнеломовского уезда, родом кадомского купца (ушедшего тринадцатилетним мальчиком, из родного города «без всякого письменного виду»), двадцатилетнего Трофима Евсевьева.

Участие Т. Евсевьева в пугачевском движении началось с того момента, когда в упомянутое с. Охлебинино приехали «из пугачевской толпы» казаки, человек около двадцати, и «объявили, что де они государя Петра Федоровича, и государь де жалует всех, что де подушных и рекрут не будет десять лет». Евсевьев поехал за ними «своею волею»; и под начальством атамана Якова Иванова они посетили ряд сел Верхнеломовского уезда,

---

⁴⁷ Тамбовский Истор. Архив, № 271 (дело кадомского купца Т. Евсевьева; см. приложение Г). *Известия Тамб. Арх. Ком.*, в. 34, стр. 82—83 и 94—95 (эти документы отправлены в Москву). „Материалы“ Грота; см. предыдущее примечание.

В г. Наровчате, по описанию 1777 г., было всего 4 купца и 53 д. мещан; остальное население составляли однодворцы и дворцовые крестьяне.

где «разбили» помещичьи дома, при чем, если хозяева последних не успевали скрыться, их умерщвляли; так, в д. Ульяновке помещика Иванчина «оный атаман Иванов тесаком изрубил до смерти и по изрублении тако же и жену его велел крестьянам его повесить, которые и повесили на воротах»; то же было и в с. Зубове с дворянином Веденяпиным и его сыном: их «повесил оной атаман и со крестьяны».

Объехав таким образом 6 поселений Верхнеломовского уезда⁴⁸, Иванов со своей партией прибыл в Наровчат, где «награбленные пожитки» были сложены в домах трех однодворцев. Пробыв здесь дней восемь, партия отправилась сначала в Нижний Ломов (Нижний Ломов «встречал пугачевцев 9 августа»), а потом — к Верхнему Ломову, под которым «наехала» на толпу полковника Мих. Евстратова; с ним атаман Иванов «согласясь» действовал затем некоторое время совместно. Жители В. Ломова устроили им торжественную встречу — «многое число обыватели с попами, как имелись в ризах с образами и со кресты, с хлебом и солью встречали». Войдя в город, казаки повесили трех человек, «разбили» многое число домов местных чиновников и зажиточных людей (в офиц. ведомости «пограбленных домов» значатся владельцами 6 купцов, в том числе ротман Баранов и депутат Букин, и 3 однодворца), а также соляные амбары и питейный дом, выкатив для обывателей 4 бочки казенного вина.

После разбития В. Ломова партия прошла ряд селений его уезда, повесив при этом 6 человек, и снова вернулась в Наровчат, где «воровские пожитки» были сданы на хранение тем же однодворцам, что и в предыдущий раз; атаман же Я. Иванов отвозил пожитки

---

⁴⁸ Верхнеломовский уезд был расположен к югу от Наровчатского, до верховьев р. Хопра.

в с. Кочелаево, в дом своего отца. Через несколько дней в Наровчате «собралось многое число людей и поехали в г. Керенск, для разбития того города»; мы уже знаем, что они потерпели там неудачу, после чего отправились под командой Евстратова к Нижнему Ломову в поход, кончившийся также поражением (см. выше — о действиях Евстратова). Здесь пал в сражении сам Яков Иванов и с ним около 100 человек; победителям досталось 17 человек пленных и 13 пушек.

После поражения 30 августа под Нижним Ломовым, остатки партии Иванова уходят на юг и в начале сентября оказываются у границ Донского Войска. Здесь, на речке Баланде, донской походный атаман Луковкин и донской полковник Лоцилин разбили 12 сентября большую «злодейскую» толпу, численностью до 2.000 человек, находившуюся под командой малороссиянина Каменского. Эта партия состояла не только из «мужиков», т.-е. русских крестьян, но и «хохлов» — малороссиян. К числу последних принадлежал и начальник, житель гор. Острогожска, угонувший во время сражения в реке.

В толпе Каменского были, повидимому, остатки разных партий, действовавших раньше на севере и пришедших по рекам Вороне и Хопру. Победители отбили тут 6 малых пушек, взятых пугачевцами в усадьбе помещика Мосолова, в с. Свищовке, Пензенского уезда, и взяли 97 чел. пленных. Среди последних оказались, между прочим, два помещика из селений, посещенных в свое время Яковым Ивановым: с. Рузановки, Нижне-ломовского уезда, отставной подпоручик Н. Н. Чевкин с женой и того же уезда с. Пешего, д. Змеевки, А. Евсюков; тут же оказался и наш знакомый Трофим Евсеев. По показанию пленных, Каменский принял начальство над этой толпой за 2—3 недели до того, а

раньше ею командовал «злодейский полковник» Иван Иванов, который отдал Каменскому своих «мужиков», а сам с 30 чел. «лучших людей» «поворотился, а куда,— тож не знают, только соглашались соединяться с самим злодеем Пугачевым»⁴⁹.

Названный только-что «злодейский полковник» Иван Иванов был, повидимому, незаурядной личностью. Будучи крестьянином кн. Голицына, Пензенского уезда, он действовал сначала в родном уезде, а затем южнее, в Петровском уезде, близ Саратова, а также в пограничной полосе Донского Войска. Он собрал близ Пензы огромную толпу, до 3.000 чел., и приказывал всем крестьянам везти помещиков для расправы в Пензу, или убивать их на месте. Рядом с ним действует его брат, Алексей Иванов. Однако, боевые качества толпы И. Иванова были не выше, чем у других пугачевских отрядов: 8 августа у с. Загоскина (в 30 верстах от Пензы) он был разбит уланским корпусом, образованным пензенским дворянством под командой губернского прокурора Чемесова, в котором было всего 170 человек; потери восставших были крупные: 300 убитых, 167 пленных, а также 7 маленьких чугунных пушек и 2 медных.

Потерпев поражение под Пензой, Иванов уходит на юг, и действует в районе Петровск — Саратов. Тут он расправляется с другим «полковником», беглым копи-

---

⁴⁹ Тамб. Истор. Архив, № 271 (дело кадомского купца Евсевьева — на 12 листах). Труды Сарат. Арх. Комиссии, в. 30, стр. 40. Сборник Русск. Истор. О-ва, т. VI, стр. 130 (здесь Панин называет убитого под Н. Ломовым предводителя пугачевцев „уже известным“ Иваном Ивановым; но в данном случае он, очевидно, спутал имена двух разных лиц; Иван Иванов был пойман только в ноябре. См. донесение Панина от 19 ноября, там же, стр. 190). Г. Нижний Ломов был оставлен своим воеводой еще 29 июля, когда жители-однодворцы „с великой неучтивостью от защищенья города отказались“; воевода съехал в Верхний Ломов, а сттуда — в Воронеж. „Пугачевщина“ (изд. Центрархива), т. II, стр. 41.

истом сызранской канцелярии Саврасовым, за то, что этот грабил крестьян (об этом см. ниже, в гл. III), а затем вторгается на территорию Донского Войска и делает попытку поднять донских казаков. Попытка эта была неудачна: донцы оказали вооруженное сопротивление вторгшимся пугачевским партиям, а 12 сентября, как мы видели, нанесли им под Баландой решительное поражение. Но Иванов с братом скрылись, как мы знаем, до сражения; лишь в ноябре Панин сообщил императрице радостное известие, что «знаменитые разбойнические атаманы» братья Иван и Алексей Ивановы «пойманными в руках моих подчиненных ожидаются ко мне»⁵⁰.

Я не буду перечислять имен других пугачевских полковников и атаманов: помещичьего крестьянина Фирса Иванова (действовавшего близ Симбирска), ценовальника Воронова, Петра Львова, Андреева и др., так как о них мы знаем очень мало, и то, что известно, не прибавляет чего-нибудь нового к вышеизложенному. Что касается рядовых участников восстания, то, по видимому, эпопея Трофима Евсевьева была типичной для тех, кто уходил в «казаки императора Петра III»: сначала объезд помещичьих усадеб, где не было сопротивления и остававшихся владельцев вешали на воротах, где забиралось всякое имущество и на подводах увозилось в города и деревни надежным людям на сохранение; а затем — поражение, бегство на юг и плен.

---

⁵⁰ Д. Л. Мордовцев. «Пугачевский полковник Иванов» («Политич. движения русского народа», т. I, СПб., 1908, стр. 186—283). Здесь, между прочим, помещено любопытное письмо Иванова к атаману Березовской станицы (стр. 243—244), которого нет в т. I сборника Центрархива. Записки Чемесова в «Русской Старине», т. 72, 1891 г.; Дубровин, т. III, стр. 168—170.

После первых успехов, когда пугачевские партии почти нигде не встречали сопротивления, обстоятельства переменились: с разных сторон стали прибывать отряды правительственных войск, 3 августа отряженный Михельсоном майор Харин догнал и разбил в с. Сучкине, Саранского уезда, отставшую от «главной толпы» партию в 200 человек под предводительством пугачевского полковника, донского казака Суходольского; последний с 50 человеками был взят в плен, а прочие все перебиты⁵¹. Но Михельсон спешил по пятам Пугачева и не мог воспрепятствовать распространению восстания по сторонам от своего пути. Здесь правительственные войска появились несколько позже. 14 августа при Темниковском винокуренном заводе была разбита «злодейская сволочь» в количестве 3.000 человек; 19 августа пугачевцы были, как мы знаем, разбиты под Керенском, и в тот же день толпа их была разбита в деревнях Акашевой и Барашевой, Краснослободского уезда. 29 и 30 августа они дважды потерпели поражение под Нижним Ломовым, а 30-го московский полицмейстер Архаров «низложил» толпу в 200 человек в г. Троицке. Наконец, 3 сентября был взят, после упорного сопротивления, Наровчат, бывший долгое время опорной базой для партий П. Евсевьева, Иванова, Евстратова и других⁵².

Правда, на место разбитых партий быстро сформировывались новые, действовавшие в тех же местах. Например, в Саранском уезде, после поражения пуга-

---

⁵¹ Накануне этого сражения, 2 августа, пугачевская коллегия из Пензы послала Суходольскому предписание „поспешать к присовокуплению к нашей армии в самой скорости“. Неизвестно, успело ли оно дойти по назначению. „Пугачевщина“, сборник документов Центрархива, т. I, № 68.

⁵² См. „Ведомость, сколько, где и когда разбито бунтовщицких шаек“, составл. графом Паниным. „Материалы“ Грота (собр. соч., т. IV, стр. 637—641).

чевского арьергарда под начальством Суходольского 3 августа, пугачевские партии вновь появлялись и разбивались правительственными отрядами 18, 20, 23, 26 августа; и, наконец, 4 сентября близ Саранска было разбито «злодейское скопище», при чем побито до 80 человек и в плен взято 56 человек. Но повторные поражения гнали повстанцев к югу, и они уходили старыми дорогами беглецов на вольный Дон — по Вороне, Хопру и Медведице. Поэтому именно эти места — южные части уездов Верхнеломовского, Керенского, Шацкого (Залесский стан), Пензенского (Узинский стан) и Борисоглебский и Петровский уезды — больше всего пострадали от пугачевщины.

Здесь уже в конце июня, когда Пугачев был за Волгой, среди крестьян велись угрожающие разговоры. 29 июня крестьянин господина М. Сабурова, сел. Оржевки, Шацкого уезда (Залесского стана), объявил, что, будучи на Кирсановской мельнице на р. Вороне, он слышал от кирсановских дворцовых крестьян, что ныне явился новый царь, Петр III. На другой день прапорщик Сабуров объявил в шацкой канцелярии и о том, что прибавлялось к этому сообщению: «он слышал: царь Петр III приказал дворян убивать»⁵³. Партии, действовавшие от имени императора Петра Федоровича, появились здесь уже в начале августа и состояли первоначально преимущественно из местных крестьян. В сел. Кораул поручика Арбенева (на р. Вороне) 16 августа было «из пугачевской толпы» человек двадцать «в разных платьях, с ружьи, палашами и дротиками», «да и в разные времена еще имели приезд они же раз до десяти» и взятые пожитки отвозили на сохранение в с. Чернавку, к крестьянину помещика

⁵³ Тамб. Губерн. Ведомости за 1868 г. № 26, — выписка из дела 1774 г. (в Тамб. Ист. Архиве я его не нашел).

Колычева Аф. Белевцеву. Но затем стали переходить сплошным потоком на юг остатки разбитых на севере партий.

Та толпа, которая была разбита 12 сентября донскими казаками под Баландой, «волочилась» до того по Вороне и Хопру, вешая дворян и разных чинов людей; мы видели, что среди пленных, кроме нашего знакомого Трофима Евсеева, тут были взяты и два помещика Нижнеломовского уезда, с. Рузановки и д. Змеевки, посещенных в августе партией Якова Иванова, волей или неволей пошедшие с восставшими.

Уходя из родных мест, беглецы вымещали старую ненависть к дворянскому режиму, обостренную свежей болью неудачи восстания, на тех, кто попадался им на пути. Помещики или их приказчики, которые оставались целы после прохода одной партии, погибали при появлении следующей. Так, в вотчине Лунина, с. Инжавинье, Шацкого уезда (на р. Вороне), крестьяне на сходе постановили арестовать своего бурмистра: «не для предания к повешанию в руки злодеев», уверяли они на следствии, «а для того, что ему в господском доме все было приказано, и он-де тем злодеям может соответствовать». Но, вместо ожидаемой казачьей партии, в тот же день к ним наехала команда майора Колычева и освободила бурмистра. Однако после отъезда Колычева снова явилась «во множественном числе злодейская партия... и, поймав означенного бурмистра, била его немилостиво». На этот раз он остался жив, но не надолго: «а потом паки наехала через три дня (около 20 августа. — С. Т.) вторая пугачевская партия, числом человек стах в двух и более, и того бурмистра взяв, в доме господском повесили»⁵⁴.

---

⁵⁴ Ворон. Музей, кн. 126, л. 338 и 19—20. Труды Сарат. Арх. Ком., в. 30, стр. 41.

Мы имеем множество документальных данных, рисующих яркими красками следы опустошения, оставленные на своем пути этим людским потоком. Через село Пачелму (Керенск. у.), лежавшее на водоразделе между р. Ломовым, притоком Мокши, на котором стояли оба города Ломова, и р. Вороной, пугачевские партии проходили беспрерывно, так что крестьяне «от страху, дабы оными захвачены не были, пробывали в разных местах и в лесу, отчего по неуборке ими с поля посеянного хлеба, особливо что оной еще проезжающими тогда злодейскими шайками со многим другим народом был выбит и вытолочен, пришли в крайнее разорение». То же мы видим в верховьях Хопра: в с. Кашаеве и д. Ольшанке (Керенск. у.) помещика Кошелева пугачевские партии «во время того возмущения ездя и имея при себе не мало число лошадей», хлеб в поле, «весь потравили и вытолочили, по цене господского на 2.000 рублей, да крестьянского на 3.000 рублей»; в с. Перевесейке (Верхнеломозского у.) кн. Волконского «многие злодейские партии, наезжая» потравили и вытолочили господского овса 32 десятины, «с коих не довольно семян, но и одного снопа получить не могли»⁵⁵.

«В течение августа и сентября весь край находился в постоянном движении: по всем дорогам в разных направлениях разъезжали «казаки» и с ними огромное количество «понятых» и «подводчиков». Со второй половины августа это беспорядочное движение получило господствующее направление — на юг: Ворона, Хопер и Медведица стали главными артериями «исхода» пугачевцев из крепостной России. Та тяга на казачий Дон, которая стала в этих местах прочной tradi-

---

⁵⁵ Ворон. Музей, кн. 126, л. 267, 151, 222.

цией, имевшей за собой двухвековую давность и старые проторенные пути, приняла в этот момент невиданные размеры. Наиболее энергичные элементы населения, пошедшие в «казаки» новоявленного императора, теперь устремились на юг, надеясь присоединиться к нему где-нибудь на Дону или на Кубани... Надежде этой не суждено было сбыться. Но еще долго в пограничных с Донским Войском степях укрывались отряды вооруженных людей, не дававшие покоя местным помещикам и администрации. Через год по усмирении пугачевщины, в сентябре 1775 года, в шацкой провинциальной канцелярии слушались доношения дворянских представителей, частных смотрителей, о том, что по рекам Хопру и Медведице появились «во множественном числе» мятежники и разбойники, и о необходимости отрядить против них воинскую команду⁵⁶.

Мы видели, с какой быстротой и легкостью распространялось восстание. На запад от пути самого Пугачева Саранск-Пенза-Саратов оно доходило до низовья р. Мокши, в пределах Кадомского уезда (дом полковн. Боборыкина в с. Котельне, Кадомск. у., был разбит пугачевскими казаками, а под Кадомом было взято в плен 50 пугачевцев и отбито 10 пушек); оттуда западная граница распространения пугачевщины шла к югу по притоку р. Мокши, Ваду, затем, захватывая целиком нынешние уезды Чембарский, Кирсановский и Борисоглебский, по течению Вороны и ее правых притоков — до границ Донского Войска. В этих пределах все — или почти все — население (за вычетом, разумеется, помещиков и чиновников) так или иначе прикнуло к восстанию. Но степень и формы его участия в

---

⁵⁶ Тамб. Ист. Арх., № 1665 (объемистая книга без нумерации листов, содержащая „реестры к докладам“ Шацкой канцелярии 1775 г.; см. реестр на 4 сентября).

восстании были не одинаковы; в этом отношении необходимо разграничение отдельных групп, которое проводилось и тогда как самим населением, так и администрацией и судом.

Наиболее активную и, вместе с тем, малочисленную группу составляли те, которые именовались «казаками» императора Петра Федоровича. Это — воины, поступавшие, добровольно или принудительно, в солдаты революционной армии. Сам Пугачев пополнял свою «толпу» принудительным набором с населения: мы знаем, что, например, в Пензе было предписано со всех положенных в подушный оклад обывателей собрать «в армию его величества казаков 500 человек», по одному с шести душ. Но те многочисленные партии, которые образовывались без Пугачева и его «государственной военной коллегии», повидимому, составлялись исключительно на основе добровольчества. По крайней мере, в имеющихся в нашем распоряжении материалах есть много случаев «самоохотного» вступления в казаки и ни одного указания, прямого или косвенного, на принудительный их набор. Известный нам полковник Михаил Евстратов дал явившемуся в его команду добровольцу 25 рублей, лошадь с седлом и ружье и обещал ежемесячное жалование 5 рублей. Принудительно, по наряду старост, брались «понятые», «подводчики» и вообще вспомогательные элементы, сопровождавшие «партию», которая состояла, собственно, только из казаков.

Подавляющее большинство населения в казаки не пошло. Оно очень сочувствовало восстанию и деятельно помогало ему, но уйти из дому на все время гражданской войны, став казаком армии императора Петра Федоровича, значило бы не только сжечь свои корабли, но, сплошь и рядом, и разрушить свое

хозяйство. В «казаки», естественно, шли батраки, в роде Трофима Евсевьева, помещичьи дворовые люди, нередко пономари и дьячки, из крестьян — молодежь, вообще люди, не имевшие семьи и хозяйства. И если пугачевским атаманам и полковникам удавалось собрать толпы по несколько тысяч человек, то, главным образом, путем набора «понятых».

Так, перед нападением на Керенск были посланы казаки по большой дороге «для сбивания в жителях к приступу ко оному городу понятых». Некоторые крестьяне, возвращавшиеся к своим владельцам после подавления восстания, в оправдание своего бегства ссылались на то, что они скрывались, убоясь того, чтобы «злодейские люди» не взяли их «в понятые»⁵⁷.

Уже самое название «понятые» заслуживает особого внимания. Оно говорит о том, что на свои действия пугачевские партии смотрели как на акты, имеющие известное формально-юридическое значение. Разорение помещичьих домов не было простым грабежом: первым действием «казаков» было обыкновенно разбитие окончин (оконных стекол), иногда рубились и оконные рамы; часто ломали при этом печи. Это — такие действия, которые скорейшим способом приводят здание в нежилое состояние. Иногда даже пугачевцы этим и ограничивались; так, в доме полк. Волкова в д. Чета-

---

⁵⁷ *Известия Тамб. Арх. Ком.*, в. 34, стр. 73, 82—83 и в. 36, стр. 46—47 (документы эти в Москве).

Любопытно отметить, что составленная незадолго до пугачевщины в 1763 г.) особая правительственная инструкция о том, как действовать воинским командам, отправленным для усмирения помещичьих крестьян, тоже предлагала при приближении к месту возмущения брать понятых из окольных жителей. *Семовский*. „Крестьяне в царств. Екатерины II“, т. I (СПБ, 1881 г., стр. 360—361). Таким образом, и в данном случае пугачевцы старались действовать в формах и употребляли терминологию, которые были вполне „законными“ и соответствовали идее восстановления на престоле законного императора.

новке, Тамб. у. (владелец отсутствовал), весь убыток на сумму 3 р. 30 к. заключался в четырех разбитых окончинах! В с. Архангельском, Пензенского у., кн. Куракиных, приехавшие казаки выбили стекла в окончинах, говоря при этом крестьянам: «Нам-де так приказал делать Петр Федорович»⁵⁸. Цель этих действий ясна: выкурить помещика из усадьбы, хотя бы даже символически.

Ясно становится также, почему тут нужны «понятые» — свидетели и помощники в этом акте уничтожения помещичьей власти. Но в разгар гражданской войны естественно, что набранным понятым иногда приходилось выступать из роли простых свидетелей и «с разным дреколем» в руках участвовать в сражениях с войсками. За свой труд и отнятое у них (в самую горячую рабочую пору!) время они получали некоторое вознаграждение — из господских пожитков или хотя бы обедом за счет барских кладовых. Понятых «партии» требуют от старосты и десятских — признанного органа крестьянского самоуправления; староста и десятские назначают их из подведомых им крестьян в порядке обязательного наряда. Они же наряжают для партии проводников, подводчиков, караульных, а иногда — даже особые отряды «для ловли дворян», скрывающихся в лесу.

В хоперской вотчине князей Куракиных, когда приехавшая партия потребовала наряда крестьян «на вспоможение» (вероятно, в понятые или подводчики), один сочувствовавший ей крестьянин, Савелий Бревнов, посоветовал «приняться за выборного — он-де скорее поворотится». В результате многие крестьяне «по мир-

---

⁵⁸ Ворон. Музей, книга № 127, л. 86. *Рукописное Отделение Росс. Публ. Библ.*, собрание Тиханова, № 75 (показание выборного В. Лаврова).

скому приговору» поехали с «злодеями» до различных окрестных селений, но, по их заявлениям, ни в каких сражениях не были; среди них Фадей Бревнов по наряду «для вспоможения злодейской толпе ездил двое сутки с одним злодеем, который, взяв с него 2 рубля, отпустил домой».

Количество понятых обычно во много раз превышало число «казаков». Например, в малороссийскую слободу Большие Алабухи графа Р. Л. Воронцова, Тамбовского уезда, приезжало «злодеев» 7 человек и с ними понятых до 60; повыбив стекла в графских покоех и побрав пожитки, они уехали в с. Посевкино. В Посевкине ими был взят в проводники, между прочим, один однодворец, который впоследствии показал, что ездил с ними в с. Шапкино, а оттуда в слободу Романовку на господский двор, — «но только уже во оном доме в хоромах стекла все были повыбиты, и там они, злодеи, с понятыми обедали». На Виндреевском заводе партия, уезжая, взяла с собой до 60 заводских крестьян в понятые, а «пятеро самоизвольно пошли к ним в казаки». Партии в 20—30 человек казаков были уже сравнительно велики, чаще мы встречаем меньше: в 3, 5, 7, 12 чел. и т. п.⁵⁹.

Что касается подводчиков, то набор их производился для перевозки не столько самих казаков (которые были, по общему правилу, на верховых лошадях), сколько их добычи, господских «пожитков». Их брали от одной остановки до следующей, где брали других, на смену. Два однодворца села Ржаксы, Тамбовского уезда, показали, что к ним приезжало «злодеев, называемых казаками», 6 человек и поехали

---

⁵⁹ Ворон. Музей, кн. 127, листы 84—85, 64—69, 76—77, 88—89; кн. 126, листы 103—108. Известия Тамб. Арх. Ком., в. 36, стр. 46. Собрание Тиханова, № 75 (показания Сав. и Фад. Бревых).

оттуда в Вязовку, — «а с ними по наряду десятского и они были в подводчиках»; в Вязовке казаки грабили пожитки помещика Сатина «и, вынося из хором, клали в собственные подводы, а некоторые давали одного Сатина крестьянам»; в тот же день, «истребовав того капитана Сатина от крестьян подвод, уехали незнамо куда».

Иногда, когда добычи было много и партия предполагала вернуться в данное место, пожитки складывались на хранение тем или другим лицам, которые впоследствии были обвинены правительством в сообщничестве и пристанодержательстве. Мы видели, что партия Якова Иванова отвозила свою добычу из Верхнеломовского уезда на хранение однодворцам г. Наровчата. В дворцовых волостях Наровчатского и Троицкого уездов пугачевские партии обратили под склады добычи местные питейные дома; по словам поверенного откупщика питейных сборов, они деньги и всякие вещи оставляли в питейных конторах, «уграживая притом, что если оные от них кем-нибудь приеманы или по приеме будут кем утрачены и им сполна оные не возвратят, то они теми своими воровскими поступками всех тех будут вешать; а потом оные, разъезжая, паки ж в те конторы положенные ими как деньги, так и вещи брали обратно, а некоторые вещи и поныне еще находятся в тех конторах».

Жители более южных мест, повидимому, иногда увозили добычу на сохранение в донские казачьи городки: по крайней мере, крестьянин с. Черназки, Шацкого у. (на р. Вороне, — ныне Кирсановский уезд), помещика Колычева, Ив. Баланин винился в том, что участвовал в ограблении дома надворного советника Мосолова в с. Перевозе, тоже Шацкого уезда, где взял денег в двух «скрынках» золотой и серебряной моне-

той 18.000 рублей и медной пять мешков, а также другую пажить, и отвез все в Филоновскую станицу и отдал на сохранение тамошним донским казакам ⁶⁰.

Вся эта масса казаков, понятых, подводчиков и т. д. была поднята с своих мест несложными, не всегда отчетливыми, но могучими в своей простоте лозунгами, которые распространялись как манифестами Пугачева, так и стоустой молвой, их дополняющей и комментирующей.

Лозунги движения варьировались в зависимости от социальной среды, в которой оно поднималось. Мы уже видели, что в центре дворцовых волостей, г. Троицке, явившиеся неведомые люди, 4 человека, обещали собравшейся с окрестных сел толпе в первую очередь лишь временные, хотя и очень существенные льготы: освобождение от всяких казенных податей на 10 лет и от рекрутских наборов — на 7 лет. Но эти «неведомые люди» предложили затем и нечто по существу новое: когда «беспутный и безрассудный народ принял то (обещание — С. Т.) за истину» и закричал, что они «служить тому рады», — на то «те неведомые люди сказали: но когда-де вы служить тому желаете, то надлежит, во-первых, повесить воеводу, товарища, управителя и подьячих, почему и будете иметь свое правосудие, чему и пуще тот необузданный народ обрадовался». В подчеркнутых словах звучит не только призыв к мести угнетателям, но мелькает также — хотя, может быть, недостаточно отчетливо — мысль о выборной судебной власти, заменяющей воевод и прочую администрацию ⁶¹.

---

⁶⁰ Ворон. Музей, кн. 127, л. 78—79. Тамб. Ист. Архив, № 255 („Наряд частным челобитным“, л. 21—23. челоб. кадомского купца Рожнова). Ворон. Музей, кн. 126, л. 294—295.

⁶¹ Тамб. Ист. Архив, № 253.

Еще проще определялась цель восстания для помещичьих крестьян: им обещали, что они будут «государевы» и отрешены от повиновения помещикам. Для подкрепления колеблющихся, чтобы заставить их, так сказать, сжечь свои корабли, пугачевские партии заставляли крестьян, чтобы они сами вешали своих господ и приказчиков. Так поступали не только Як. Иванов и Мих. Евстратов, о которых мы говорили выше, но и другие партии; например, в д. Вязовке, Тамб. у., явившиеся в дом помещика А. Сатина пять человек, «называющихся казаками», били плетью пойманного крестьянами приказчика, «и велено им, крестьянам, его повесить, которого они и повесили на воротах». Применением той же тактики было запрещение крестьянам впредь слушаться помещиков. Так, в вотчине капитанши Яминской (д. Лебяжье Озеро, Шацкого у., Залесского стана) пропало господского хлеба 20 десятин из-за того, что крестьян ее пугачевские партии разобрали в караулы, в подводчики и понятые, «а паче за подтверждением злодеев, чтоб они не были у господ своих в послушании, а были бы вольные». То же официальная ведомость шацкой канцелярии отмечает о вотчинах И. Дурова и В. Хрипунова ⁶².

В результате помещичьи крестьяне в охваченном пугачевщиной крае с первых чисел августа 1774 года не исполняли никаких работ на барина, подчиняясь зато всяким распоряжениям пугачевских партий: «словом сказать, — писала жена камер-юнкера Валуева, — всею вотчиною те злодеи обладая, хозяйствовались». По выражению тайного советника Лунина, его крестьяне (с. Инжавинья, Шацкого у.), «оставшиеся без управления,

---

⁶² Ворон. Музей, кн. 127, листы 64—69, 246—247, 257—258, 275—276.

пришли в возмущение и непослушание и распутную жизнь»; его управляющему пришлось вызвать на-рочную команду «для приведения крестьян в повиновение, а начальников к злодеянию для наказания плетьюми». И долго еще ездили по вызовам помещиков сначала — целые команды, потом — одни «заплечные мастера» для «приведения в должное повиновение и для наказания крестьян по их винам»⁶³.

«Распутная» жизнь крестьян в течение того короткого времени, когда помещичья власть исчезла из деревни, при ближайшем ознакомлении с образом действий их поражает исследователя стремлением поддерживать тот чин, порядок, который в их глазах должен был соблюдаться в государственных делах. Имея на своем знамени имя самодержавного императора Петра Федоровича, движение протекало с строгим соблюдением тех форм, которые отвечали первобытному монархизму населения. Не только сам Пугачев требовал встречи с попами, иконами и колокольным звоном: того же требовали явившиеся от его имени партии. Приехавшие в г. Темников 9 августа пугачевцы на торговой площади выпалили «из множественного числа ружей», а атаман их кричал собравшейся толпе: «для чего-де у вас нет колокольного звону и образов для встречи их».

Как полагалось встречать партии казаков «третьего императора», мы знаем из подробных показаний крестьян вотчин кн. Куракина, в Пензенском уезде. В д. Ключи явилась «злодейская толпа» и стала требовать у выборного подвод и проводников; выборный исполнил этот приказ и одновременно послал одного крестья-

---

⁶³ Ворон. Музей, кн. 126, л. 7 и 13. Тамбов. Истор. Архив, № 3419 (Журнал входящих в Темниковскую канцелярию 1774 г.; начала нет), л. 88 (п. 1224), л. 94 об. (п. 1300 и 1301).

нина в с. Архангельское, где был господский дом, с предписанием старосте, чтоб тот велел «встретить злодейскую толпу попам с образами». Староста сейчас же разослал десятников, которые и собрали крестьян, вышедших за околицу в поле со всем церковным причтом, «кои все были в облачении со крестами и образом за престольной Богоматери и с хоругви». Когда подъехали ожидаемые гости, все крестьяне под колокольный звон и ружейные выстрелы казаков упали на колени, «и стояли до тех пор, пока велено было им теми злодеями встать». Начальник партии Иван Осипов, «слезши с лошади и приложась ко крестам, сел попрежнему верхом», и все поехали к господскому двору, где казаки «потому ж стреляли из ружей»; «старики» принесли сюда угощение: блюдо меду и блюдо огурцов, затем десяток яблок и ведро квасу⁶⁴.

Колокольный звон, кресты и образа, салют из ружей в честь «третьего императора» и молебны о здравии его, его супруги и наследника великого князя Павла Петровича — все это должно было укреплять население во мнении, что восставшие защищают законного государя, что они стоят за старый, освященный церковью порядок. Правительственные войска считаются мятежными и именуются пугачевцами «злодейскими», — то-есть так, как их самих называют правительственные донесения. Это желание придать революционному по существу движению консервативные, законные формы порождало иногда странный на первый взгляд образ действий восставших, производящий впечатление какой-то половинчатости, нере-

---

⁶⁴ *Известия Тамб. Арх. Ком.*, в. 34, стр. 98. Рукописное Отделение Росс. Публ. Библиотеки, собрание П. Н. Тиханова, № 75 (показания Р. Михайлова, С. Ракова, десятника Ф. Иванова и особенно—выборного Вас. Лаврова).

шительности. Так, например, в с. Никольском, Керенского у., в августе 1774 года часто приезжали партии и велели крестьянам помещика Кошелева содержать своего приказчика Карпова под караулом — «впредь до повешения, обещав им то, якобы они будут за государем». Крестьяне исполнили приказание и посадили приказчика под арест; но затем приказчик, «спасая свою жизнь», как-то ухитрился уведомить керенского воеводского товарища Перского о своем положении и «просил о взятии его в город». По этой просьбе из г. Керенска «для взятия его в город прислан был сержант, почему крестьяне с тем сержантом его, Карпова, отпустили, где он и находился до октября месяца».

Почему крестьяне, бывшие, по словам помещика, «даже до октября в своеволии и непослушании», доверили своего пленника присланному к ним от уездного воеводы сержанту? Очевидно, потому, что вступление на царство Петра III в их глазах не означало уничтожения всего старого государственного аппарата, и прежний воевода, признав законного государя, мог по-старому пользоваться своей властью. Этим же способом прапорщик инвалидной команды Сулдешов, назначенный от Пугачева воеводой гор. Алатыря, спас многих дворян: он объявил крестьянам, что нельзя убивать дворян в уезде, а надо везти их в город, и платил за каждого мужчину 10, а за женщину 5 рублей ⁶⁵.

Та же жажда законности ярко проявляется в челобитной крестьян с. Алферьева, Алатырского уезда, на имя «великого государя Петра Федоровича» (от 23 июля), где они просят им указать, «на каком быть основании», так как хотя у них и была присланная от государя команда, «однако, никакого нам определения

---

⁶⁵ Ворон. Музей, кн. 126, л. 25 об.—26. „Русский Архив“ 1867. Записки Д. Б. Мертвого, стр. 3—24.

не объявили». Далее выясняется, что им нужно было «основание», чтобы решить судьбу господского имущества: «А ныне у нас в вотчине имеется господский хлеб, лошадь и скот. И что вы, государь, об оном изволите приказать?» Просители не решились самостоятельно взять из господского хлеба на пропитание и обсеменение даже для тех «разоренных, которые и пропитания у себя не имеют, не только какие подати платить», — и просили специального разрешения.

Ниже мы увидим (см. главу III), что огромное большинство крестьян не проявляло такой исключительной осторожности, как алферьевские, и господский хлеб целыми подводами развозился по соседним деревням. Но несомненно, что у поднявшегося во имя «третьего императора» населения была огромная потребность в руководстве, в твердой организующей руке.

Нельзя сказать, чтобы не было никаких попыток организовать движение и придать ему планомерный характер. Так, занявший г. Троицк, уже знакомый нам «казак» Петр Евсеев 4 августа 1774 года назначил управителем Троицка каптенармуса местной штатной команды Петра Тимофеева и отдал письменный приказ однодворцам, обывателям города, «быть послушным оному каптенармусу Тимофееву, — а ежели, паче чаяния, оные обыватели учинятся ослушны, то тем ослушникам учинить каждому наказание по двадцати по пяти ударов кнутом». Сохранился также «репорт» из команды другого нашего знакомого, Якова Иванова, адресованный в верхнеломовскую воеводскую канцелярию, с требованием прислать ведомость, откуда прислана появившаяся команда казаков: «от его величества Петра Федоровича или из других команд?» В последнем случае требовалось, чтобы верхнеломовская команда выступила из города (очевидно, на соединение с Ивано-

вым) «без всякого спору, учиненного его величества указу». Этот «репорт» подписал «секретарь Иван Безгин»; стало-быть, у Я. Иванова было что-то в роде канцелярии ⁶⁶.

Но эти разрозненные попытки атаманов отдельных партий внести организованность в восстание разбивались благодаря отсутствию единого руководящего центра. Пугачева искали в городах, откуда он уже давно ушел. Скорость его передвижений делала невозможным установление связи между «главной злодейской толпой» и многочисленными партизанскими отрядами. И все-таки многие добровольческие отряды, большие и малые, догоняли Пугачева и присоединялись к нему по пути до самого Царицына. В декабре 1774 г в темниковскую воеводскую канцелярию были присланы от царицынского коменданта «бывшие в злодейской Пугачева толпе казаками города Темникова татары Сеин Надолшин с товарищи»; выше уже было упомянуто (прим. 4) о дворцовом крестьянине Краснослободского уезда, тоже захваченном при разбитии главной пугачевской толпы.

Темниковский и Краснослободский уезды были далеко в стороне от пути Пугачева, — чтобы примкнуть к нему, жителям их надо было очень торопиться. В тех уездах через которые проходила «главная толпа», количество присоединившихся к ней было гораздо больше.

Мы имеем рассказ нескольких крестьян куракинских вотчин Пензенского уезда о том, как они догоняли Пугачева.

Крестьянин д. Карповки Артамон Иванов встретил в соседней деревне вооруженных казаков человек 50,

---

⁶⁶ „Пугачевщина“, сборник документов Центрархива, т. I (1926 г.), №№ 266, 267 и 269.

и у их начальника «стал проситься, чтоб его взяли с собой, который ему объявил, что мы таковых охотно-желающих в команду себе принимаем». Партия эта поехала прямо на Саратов, оттуда в Камышенку (где Иванову от начальника дано было 2 рубля денег) и нагнала «большую партию» в 60 верстах от Царицына, «и с того поехали вниз по Волге к Черному Яру». Иванов был взят в плен Михельсоном в 45 верстах от Черного Яра.

Другой крестьянин того же владельца, Еким Бударин, дополнил рассказ Иванова, отметив, между прочим, поспешность их езды: на пути к Саратову они, «кроме кормежу лошадей и ночных ночлегов, нигде не останавливались; приехав же в Саратов, который уже был злодеями разбит, и не останавливаясь, выехали вон и, покормя в лугу лошадей, поехали в сутон за главной злодейской партией по большой дороге в Камышенку, где означенную толпу и нагнали и где от начальника злодейского дано по 2 рубля». Здесь пошедшие в казаки куракинские крестьяне (их было 7 человек) были разделены по двум отрядам: Бударин с тремя другими пошли, повидимому, в главном отряде с самим Пугачевым, а Иванов с двумя товарищами «вышли в другую злодейскую толпу», которая, однако, как видно из показания Иванова, пошла по тому же пути. Отряды, догонявшие Пугачева, проходили в этих местах и позднее. Так, партия «полковника» Петра Львова, не дойдя семи верст до Царицына, получила известие, что под Царицыном главная толпа потерпела поражение. Это известие вызвало полный развал в отряде: сам полковник бросил его и бежал за Волгу, но был пойман пятью своими казаками, которые привели и выдали его царицынскому коменданту.

Многие уходили из дому с семьями, и пугачевская «злодейская толпа» по внешнему виду напоминала, может быть, не столько армию, сколько партию переселенцев. Когда Пугачев подходил к Царицыну, у него было около 6.000 человек, из которых яицких казаков до 300, а остальные, по словам очевидцев, были казанские татары, лакеи, крестьяне, ссылочные «и прочая сволочь», «а только почесть оружейных тысячи с две, а то все без всяких оружий, и многие едут в телегах, коих тоже колясок и берлинов в обозе его состоит многое число и больше 500, в коем обозе многое число жен и обоего пола детей». Часть этой толпы была уведена Пугачевым из Алатыря, Саранска, Пензы, Петровска, Саратова принудительно; но большая часть, несомненно, примкнула добровольно⁶⁷.

Если «главная толпа» была на две трети безоружна, то приблизительно то же должно было быть и в других, особенно многолюдных партиях: для них

---

⁶⁷ Тамб. Истор. Архив, № 3419, л. 96 об. Рукоп. Отдел. Росс. Публ. Библ., собр. Тиханова, № 75 (показания А. Иванова и Е. Бударина). Журнал Тамб. Арх. Ком. 19 августа 1885 г., описание Шацкого архива, № 1031 (этот документ находится в настоящее время в Москве). Мордовцев, „Пугачевский полковник Иванов“ (тут приведено полностью важное показание казака Черныкова; см. также „Пугачевщина“, т. II, стр. 241 (док. № 80).

Успешнее всего был набор в маленьком Петровске: он дал Пугачеву свыше 300 чел. (кроме 30 чел. черносозных крестьян, все солдаты местной штатной команды), тогда как в сравнительно многолюдной Пензе удалось собрать только 200 чел. (приблизительно столько же — 220 ч. — было взято в Алатыре). Причиной этого была энергия назначенного от Пугачева воеводой прапорщика петровской штатной команды Юматова: „высылал же он их под таковым страхом, что если к высылке в тое толпу того же дня не соберутся, то хотел из жителей сего города до 50 человек перевешать и одного Феклиста Красноперова, что не поехал в тое злодейскую толпу, действительно клал на плаху и хотел голову отрубить, но за неотысканием вскоре ката, за отлучкою его, Юматова, скрылся“. Мордовцев, „Екатерининские деятели и пугачевцы“. Ср. „Пугачевщина“, т. II, стр. 214—215 (из Петровска завербованные к Пугачеву „шли со слезами“).

неоткуда было достать оружие. Последнее добывалось в городских складах (убогость которых нам уже известна; см. г. I, в конце), а также в некоторых помещичьих усадьбах, в которых имелись иногда даже пушки. Но едва ли эта артиллерия имела какое-нибудь боевое значение, особенно при отсутствии обученных артиллеристов. Это видно уже из того, что уланский корпус пензенского прокурора Чемесова, численностью в 170 человек, не имея ни одной пушки, разбил 8 августа в 30 верстах от Пензы пугачевскую партию «полковника» Ивана Иванова, в которой победители считали более 3.000 человек, убив до 300 чел. и захватив не только 167 чел. пленных, но и 7 чугунных маленьких пушек и 2 медные небольшие мортиры.

Вообще боевая слабость пугачевских партий объясняется в первую очередь недостатком оружия. У 12 чел. «называемых казаками», разгромивших дом вдовы статского советника Дубенского в с. Дмитриевском, Керенского уезда, оружия было на всех — один тесак, три рогатины и «разное дреколь».

Так же недостаточно и пестро было и одеяние: в воспоминаниях И. Мешкова (которому во время пугачевщины было 7 лет) рассказывается о том, как к ним в с. Аблазово ⁶⁸ приехала партия «извергов» человек в 200, из которых двое посетили дом его отца и произвели большое впечатление на мальчика своей внешностью. «Самовидцем я был этих двоих извергов, — рассказывает Мешков, — и еще многих, проезжавших верхами по улице, а иных пеших; в

---

⁶⁸ В Аблазове (ныне Кузнецкого у., Саратов. губ.) жил и помещик Н. Радищев, отец знаменитого вольнодумца конца XVIII века, будущего автора „Путешествия из Петербурга в Москву“, которого Екатерина II назвала „бунтовщиком хуже Пугачева“. Сам Н. Радищев укрылся в лесу, а его детей спрятали от пугачевцев крестьяне.

одежде и уборах их было такое разнообразие, что и описать трудно. Каждый имел на себе то, что попало: на ином было немецкое, на другом — поповское платье и прочее. Были даже и такие, на которых одежда была женская»⁶⁹.

На южной окраине черноземной области, на границе с Донским Войском, жили многолюдными слободами переселенцы из Малороссии, принесшие с собой не только строптивый нрав жителей своей родины (тогда еще не знавшей крепостного права), но и большое, сравнительно, количество огнестрельного оружия. И вот эти слободы стали источником снабжения оружием, а также лошадьми и амуницией, многочисленных партий, уходивших на юг под напором правительственных войск. Канцелярия Хоперской крепости, в которой были ведомы судом и расправой малороссийские слободы Александра и Льва Нарышкиных, составили ведомость «разорениям», данные которой могут быть сведены в следующем виде⁷⁰:

В сл. Краснояровке из 138 домов
малороссиян взято:

62 лошади, 55 седел, 20 ружей,
платья на 962 рубля.

В сл. Пещанке из 25 домов:

3 лошади, 39 баранов, 20 возов
сена и 2 чт. овса, пожитков
из домов на 124 руб.

„ „ Красавке „ 14 „

5 лошадей, 4 седла, 6 ружей,
2 дротика, 1 телега, платье.

„ „ Еловатке „ 7 „

1 лошадь, 2 седла, 1 ружье, 1 те-
лега, платье.

„ „ Рудне „ 194 „

48 лошадей, 43 седла, 25 ружей,
наличных денег 744 руб.

„ „ Елани „ 46 „

5 лошадей, 30 овец, 20 чт. овса,
7 ружей.

---

⁶⁹ Записки Чемесова, „Рус. Старина“, т. 72, 1891 г. Дубровин, т. III, стр. 169—170; Ворон. Музей, кн. 126, л. 104 об. Рукопись записок И. И. Мешкова находится в Росс. Публ. Библ., рукописное отд., F IV 626.

⁷⁰ Ворон. Музей, кн. 126, стр. 561—565.

Сверх того, в казенной слободе
Самойловке, Три Острова тож,
из 44 домов у малороссиян взято: 7 лошадей, 1 седло, 8 ружей
денег 31 рубль.

Итого из 468 домов взято: 131 лошадь, 105 седел, 67 ружей,
2 дротика, 2 телеги, платье, наличн. деньги и проч.,
всего на сумму 9.449 рублей 19 копеек.

Эти данные делают несомненным, что в названных малороссийских слободах «разорения» имели определенный характер военных реквизиций: пришедшие с севера партии — по большей части, без оружия и многие пешие — забирали у населения то, что было им необходимо, чтобы стать настоящими «казаками». Никаких человеческих жертв здесь не было (кроме находившегося в нарышкинских слободах частным смотрителем подпоручика Хоперского батальона Еглевского, «который злодеями повешен»); и вообще нет никаких признаков, чтобы жители этих многолюдных слобод (в одной Елани числилось 1½ тысячи душ муж. пола) оказали какое-нибудь сопротивление пугачевским партиям. Напротив, они имели основание сочувствовать целям восстания: ведь всего за 3 года до того воронежский губернатор доносил о непослушании малороссиян, поселившихся в слободах Красовке, Елани, Рудне и Краснояровке, при чем в первых двух жители были приведены в послушание военной командой⁷¹.

Зная, что представляли собой пугачевские партии, мы не удивимся тому, что маленькие правительственные отряды разбивали несравненно более многочисленного неприятеля. Не только регулярные войска — даже помещичья дворня (там, где она сохраняла верность своему барину) могла выйти победителем из столкно-

---

⁷¹ Соловьев. „История России с древн. времен“, т. 29 (3-е изд. „Общ. Пользы“, кн. VI, стр. 1018—1019).

вения с партиями восставших. Выше было указано, что помещик с. Мальцова, Темниковского у., поручик Мих. Приклонский со своими дворовыми напал на партию инсарского литейщика Мартынова, только-что разорившую Виндреевский железный завод, где к ней присоединилось 5 человек «пошедших в казаки» да 60 чел. понятых, и разбил ее, убив трех человек и отняв их добычу. Приклонский был не слишком крупным помещиком: в с. Мальцове за ним числилось купленных у полковницы Орловой 156 д. м. п. да в д. Томале, Керенского у., купленных у той же Орловой 73 д. м. п.; все они состояли на барщине. Обе вотчины Приклонского сильно пострадали за время восстания: в с. Мальцове убыток был на 8.400 рублей, в д. Томале на 2.600 руб.; во время разорения последней Приклонский находился в г. Шацке. Были ли у него еще владения,—неизвестно; но, во всяком случае, едва ли его дворня была многочисленнее разбитой ею партии (я не считаю в ней понятых). Впрочем, с Приклонским была не только его дворня; по крайней мере, из одного челобитья видно, что помещик Инсарского уезда, отставной лейб-гвардии солдат П. Еналеев «из Шацка послан был с подпоручиком Приклонским в команде для разбития злодейской толпы в Темниковский уезд (и) под деревнею Быками злодеями убит». Повидимому, Приклонский стоял во главе целого отряда, сформированного добровольцами-помещиками, которые привели с собою своих дворовых.

Этот случай — не единственный: такой же отряд был у капитана Елшина, действовавшего в Тамбовском уезде, с которым находился «с дворовыми своими людьми самопроизвольно для сыску оных злодеев» помещик того же уезда Е. Сатин; с Елшиным же был «для поиску и поимки тех злодеев» однодворец Травин (за

Травиным было налицо 13 душ м. п.). Майор Буженинов, при появлении пугачевских партий в Шацкой провинции, приехал в Шацк «для защищения» города и находился здесь со своими людьми, из которых одного отдал «в учрежденную к поиску злодеев во отправленную партию Сергея Фадеева»; кроме того, он «самопроизвольно» взял в свое смотрение пушки в Шацке, которые «от давнего неупотребления лафетами и прочими к тому принадлежностями совсем были опущены»; 5 штук из них он исправил «своими еще мастеровыми людьми и сделал ко обороне г. Шацка способными». Наконец, Буженинов дал для этих пушек даже свой порох — «по малоимению в Шацкой провинции казенного пороху»⁷².

Таким образом, главный город провинции, превышавшей своими размерами нынешние губернии, за недостатком казенного пороху, брал его у частного лица! Если мы к тому же припомним оборону Керенска, упомянем о том, что пензенское дворянство еще в январе 1774 года набрало из своих людей уланский корпус в 500 человек, который весной под командой Чемесова действовал в Оренбургской губернии, а затем в августе неоднократно разбивал пугачевские партии уже в своем Пензенском уезде, — то приходится признать, что местное дворянство нельзя упрекнуть в непонимании своих классовых интересов. Застыгнутые в своих усадьбах, окруженные враждебным собственным крестьянством, они не могли сопротивляться и гибли массами. Но там, где собиралось несколько дворян, они организовывали сопротивление и деятельно помогали правительственным войскам в подавлении восстания, а

---

⁷² Ворон. Музей, кн. 127, листы 356—357, 318—319; кн. 126, л. 455—456. Там же, кн. 127, л. 76 об.; кн. 126, л. 388.

некоторые с оружием в руках пали (как Еналеев), защищая крепостное право.

Так же энергично, где это было возможно, защищали свои интересы фабриканты, тоже пользовавшиеся принудительным трудом. Выше мы видели, что в ряде железных заводов владельцы их бежали и пугачевские партии беспрепятственно громили их дома. Иначе было в центре суконной промышленности — большом дворцовом селе Рассказове, где купцы Тулинов и Олесов, вооружив своих фабричных (за ними числилось 105 д. м. п.), напали на пугачевскую партию, прибывшую в село, убили несколько человек, ранили 9 чел. и отняли 3 пушки⁷³.

Но, несмотря на всю слабость пугачевских партий, недостаток оружия, отсутствие всякого руководства и дисциплины, — они были страшны правительству, ибо им сочувствовало все крепостное население, остававшееся в тылу правительственных войск. Что касается «главной толпы» самозванца, то встретиться с грозным «Емелькой» не решались такие командиры крупных отрядов войска, как Муфель и Меллин (на пути Пенза—Саратов). Это не могло укрыться от внимания населения и укрепляло его веру в силу самозванца и в то, что это действительно царь. Следовательно, производивший допрос крестьян куракинской вотчины, бывших свидетелями того, что происходило к востоку от Пензы, на дороге Самара—Пенза, по которой шел отряд Муфеля, долженствовавший перерезать путь Пугачеву, определенно порчеркнул это обстоятельство. После

---

⁷³ Тамб. Истор. Архив, № 1662. В Тамбовском музее выставлены 2 чугунные пушечки с вылитой цифрой „1766“ (очевидно, год, когда они были отлиты); по преданию, это — те самые, которые были отбиты у пугачевцев в Рассказове. В настоящее время они производят впечатление скорее игрушки, чем артиллерийского орудия.

записи показаний свыше 300 крестьян, он приписал следующее:

«Сверх вышеозначенного, означенные инязей Куракинских Пензенской вотчины села Архангельского с деревнями крестьяне показали: хотя они вышеобъявленную злодейскую толпу по простоте своей убоясь встречали, признавая Пугачева за царя в рассуждении таковом, что и воинские командиры Пугачева боялись, ибо господин Муфель до выезду вышеозначенного вора-изменщика Пугачева в город Пензу, пришед в экономическое село Городище с воинскою командою и с уланами, всего с тысячью двумястами человеками, стоял в показанном селе трои сутки, которое расстоянием от Пензы в сорока верстах, и для разведывания о выходе Пугачева из Пензы посылали в тот город означенного села Городища ямщиков Симиона Григорьева и Трофима Григорьева, а сверх того, не уверясь на них, посылали означенной их вотчины села Архангельского крестьянина Володимера Петрова, которой и он (так!) ему, Муфелю, привез из города Пензы точные сведения о выходе Пугачева, то он у реченного села Городища с командою выступил, под которую до 100 подвод также и фуражу брали означенного села Архангельского от них, крестьян»⁷⁴.

Конечно, умозаключение о подлинности явившегося «третьего императора» на основании того, что «и воинские командиры Пугачева боялись», говорит нам не о силе логики, а о силе желания населения уверовать в мощь и справедливость своего восстания. Всякий факт истолковывался в этом смысле. Даже бегство Пугачева на юг и расправа явившихся правительственных войск над участниками восстания не отняли надежд на новое,

---

⁷⁴ Росс. Публ. Библиотека, Собрание Тиханова, № 7.

и притом скорое его появление. Жители сел. Рамзы (Шацкого у. Залесского стана), однодворцы и помещичьи крестьяне, во время приезда пугачевских партий «все с ними согласны были» и «через тамошнего священника присягу учинили», и даже в сентябре, когда Пугачев уже был пойман, они, по донесению частного смотрителя, «те злодейские шайки к себе ожидают»⁷⁵. Та же психология породила и впоследствии толки о том, что император Петр III жив, и вместо него казнили другого...

Повторяю: все движение было проникнуто стремлением соблюсти «законные» формы. Отсюда — его консервативная внешность. Лозунги пугачевщины не имеют той отчетливости и систематичности, которые требуются, чтобы на основании их вскрыть полностью социальное содержание движения. О пугачевщине надо судить не столько по «словам», сколько по «делам» ее; об этих «делах» и говорилось, главным образом, в настоящей главе. Но этого мало. Социологическая характеристика восстания в июле-сентябре 1774 года может быть дана только после детального анализа его социального состава: из каких общественных групп, сословий и классов выходили участники, и какова была относительная роль каждой из этих групп в восстании. Этот анализ дополняется изучением того, кто был жертвами пугачевщины, — ибо всякое революционное движение характеризуется не только тем, кто в нем участвует, но и тем, против кого оно направляется. Таковы задачи следующей главы.

---

⁷⁵ Общее собрание Тамб. Арх. Ком. 18 августа 1886 года; опись Шацкого архива № 1659.

ГЛАВА III.

Участники и жертвы пугачевщины.

А. Вводные замечания.

Немедленно после подавления восстания правительство стало собирать сведения о числе убитых пугачевцами. Согласно «перечневой ведомости», представленной графом П. Паниным, всего оказалось «истреблено» 2.791 чел., — при чем эта цифра еще не полная, так как итог был составлен, когда еще не получены были затребованные ведомости из 14 городских канцелярий — «отдаленных». Из этого числа убитых больше половины составляли дворяне, их жены и дети: всего было повешено, застрелено, заколото, изрублено и т. д. — 1.572 чел. из дворянского сословия. Священно- и церковнослужителей с их женами было «истреблено» 237 чел.; нижних чинов и их жен—132, разночинцев—860 (с женами и детьми) и канцелярских служителей—45 чел.⁷⁶.

---

⁷⁶ *Материалы Грота. Собр. соч., т. IV, стр. 642—643.*

Эти сведения касаются всех местностей, охваченных в свое время восстанием, но подавляющее большинство погибших приходится на правый берег Волги. Официальный поименный список убитых пугачевцами, с распределением по уездам, составленный вскоре после бунта и напечатанный Пушкиным⁷⁷, дает уже более детальную картину, — хотя он тоже далеко не полон: там совсем пропущены целые уезды—Саранский, Керенский, Борисоглебский — и содержит он всего 1½ тысячи имен (из них 367 женщин).

Однако главный недостаток этого списка — не в его неполноте, так как приводимые в нем сведения о сословной принадлежности жертв восстания пополняются данными вышеприведенной ведомости гр. Панина. Большинство убитых принадлежит к дворянскому сословию; много также приказчиков и мелких агентов помещичьего управления (бурмистры, старосты, дворовые); затем чиновники, духовенство, сравнительно небольшое количество однодворцев и купцов, — таков состав жертв пугачевщины по сословию. Но тут нет никаких указаний на их имущественное положение. Указание сословной принадлежности данного лица официально считалось достаточным для обозначения его общественного положения. Но сословные перегородки в России никогда не были устойчивы, а во второй половине XVIII века развитие денежного хозяйства разрушало их очень успешно, несмотря на энергичное сопротивление господствующего дворянского сословия. Дворянин мог быть не только крупным помещиком, но и мелким сельским хозяином, с 2—3 душами, беднее соседа однодворца, а иногда — и вовсе

---

⁷⁷ По-немецки этот список был напечатан уже в 1784 г. „Büsching's Magazin für die Historie und Geographie“, XVIII Theil, S. 52—70.

без крепостных; крестьянин мог быть и бедняком, и крупным торговцем-капиталистом; а среди купцов батраков было больше, чем капиталистов. Принадлежность к тому или другому классу значила уже больше, чем сословие. А этого-то признака не сообщают нам вышеуказанные официальные списки. Кто были эти дворяне, убитые летом 1774 г., — крупные или мелкие помещики, богачи или бедняки, — неизвестно.

Пробел этот восполняется — по крайней мере, отчасти — теми ведомостями, которые составлялись в течение следующего 1775 года, во исполнение указа 31 марта того же года, учреждавшего экспедиции Дворянского Банка — в Оренбурге, Казани и Нижнем-Новгороде — для выдачи ссуд потерпевшим разорение «во время и по причине возмущения 1773 и 1774 гг.». Ссуда давалась не только дворянам, но и «всякого рода жителям»; первые 3 года надо было уплачивать по займу 1%, затем — 3%. Особая инструкция устанавливала известную очередь среди потерпевших: в первую очередь деньги давались взаймы сиротам, далее — тем владельцам, «которые во время злодейского нападения на их имение сами настоящими домами в тех вотчинах и городах (кои разорены) жительствовавали»; на третьем месте стояли те, кто хотя и не жили в разоренных вотчинах, «но содержали какие-либо заводы или фабрики, а разоренные вотчины были на изделиях, а не на оброках»; наконец, в последнюю (четвертую) очередь предписывалось выдавать ссуду тем, у кого разоренные вотчины были «без фабрик и заводов, и не на изделиях, а на оброке состоящие». Воеводские канцелярии обязаны были составить ведомости по своим уездам о всех подвергшихся разорению, с обозначением всех тех данных, на основе которых надо было

каждого пострадавшего отнести к той или другой из четырех категорий ⁷⁸.

В Воронежском Государственном Музее сохранились ведомости, присланные ему из уездов тогдашней Воронежской губернии. Они дают ясную (а в тех случаях, когда речь идет о сиротах, — и довольно детальную) картину имущественного положения 392 владельцев, потерпевших в той или иной мере «разорение» летом 1774 года. Благодаря им, список жертв пугачевщины по этим уездам наполняется живым классовым содержанием.

Правда, и эти ведомости не могут претендовать на исчерпывающую полноту. Мы имеем жалобу помещицы Чубаровой, Керенского уезда, на то, что ее не включили в ведомость; в огромном Шацком уезде оказались невключенными в ведомость такие крупные владельцы, как Кошелев и Лунин, а также мелкие — Сверчков и Сипягин. Нет здесь и некоторых убитых, обозначенных в списке, напечатанном у Пушкина; но этот пробел объясняется главным образом, вероятно, тем, что в последнем списке указывались все убитые в данном уезде, независимо от того, где находилось их недвижимое имение; здесь помещен, например, среди убитых в г. Краснослободске Д. Столыпин, бежавший из своего поместья в Саранском уезде, а в перечне погибших в Инсарском уезде значится даже просто какой-то «проезжавший человек один». Но так как сами потерпевшие были заинтересованы в полноте списков, от которых зависело получение ими ссуд (что видно из упомянутой жалобы Чубаровой), то едва ли пробелы

---

⁷⁸ „Полное Собрание Законов“, т. XIX, №№ 14.285 и 14.414. Содержание инструкций — в письме нижегородского губернатора к воронежскому от 16 августа 1775 г. — *Ворон. Музей*, кн. 126, л. 345—346.

в этих ведомостях были настолько значительны, чтобы могли изменить общую картину⁷⁹.

Значительно хуже обстоит дело с нашими сведениями об участниках восстания. По сведениям графа Панина, во время его командования было убито в сражениях с подчиненными ему войсками 10.000 человек и взято в плен 9.000 чел. Кто были эти убитые и пленные, — не показано; да и едва ли в то время кто-нибудь особенно старался установить личности множества убитых в сражениях повстанцев. Что касается живых, то количество замешанных так или иначе в восстании было настолько велико, что детальное расследование вины каждого потребовало бы огромный затраты энергии и времени и вовсе не было необходимо с точки зрения победителей. Для скорости, наказания на первых порах обычно распределялись без подробного расследования, по жребию: кого повесить, кого высечь плетью, кого — кнутом и т. д. Часто выбор наказания предоставлялся помещикам: крестьяне наказывались «по воле господина». Только о самом Пугачеве и его ближайших сообщниках было произведено подробнейшее следствие в Москве; поэтому имена Зарубина-Чики, Перфильева, Шигаева и других вошли в историю с довольно обстоятельными характеристиками на основании официальных документов. Но, стараясь выяснить происхождение самозванства Пугачева, правительство гораздо меньше внимания уделило страшному финалу, — по той простой причине, что стихийность восстания на правом берегу Волги была очевидна, и что не только рядовые участники, но и

---

⁷⁹ Ворон. Музей, кн. 126, л. 471 (челобитная Чубаровой). О помещике Столыпине — см. упоминавшуюся ст. свящ. Беляева, стр. 152, и Тамб. Ист. Архив № 1022, л. 1 сл.

большинство «полковников» и «атаманов», действовавших в июле-сентябре 1774 года, не могли быть названы сообщниками Пугачева, которого они никогда не видали. Расследовать причины восстания было тоже не-зачем: они были совершенно ясны правительству, целью которого стало не разыскивание виновных (так как «вся чернь бунтовала»), а сначала террор, «устрашение впадшей в остервенение черни» быстрыми и крутыми мерами (по решениям графа Панина — а кроме него вешали и начальники отдельных правительственных отрядов — было казнено смертью «только» 326 человек), а затем, когда было найдено, что «возмущенная чернь уже возвращена в безмолвственное всеподданническое повиновение»⁸⁰, — целью стало «забвение и глубокое молчание».

Поэтому неудивительно, что в наших центральных архивах есть только отдельные случайные указания об участниках восстания на правом берегу Волги. Тем драгоценнее те материалы на этот счет, которые могли сохраниться в архивах провинциальных.

В Тамбовском Историческом Архиве есть ряд документов, специально относящихся к вопросу об участниках пугачевщины. Это — особые ведомости «о содержащихся колодниках», которые доставлялись ежемесячно всеми воеводскими канцеляриями в губернскую и в которых обозначались не только имена, происхождение и возраст арестантов, но и вкратце содержание обвинения. Мы имеем соответствующие ведомости шацкой провинциальной канцелярии за сентябрь-декабрь 1774 г. и март 1775 г. и краснослободской, керенской, троицкой, темниковской и кадомской уездных

---

⁸⁰ *Сборник Русс. Ист. О-ва.* т. VI, стр. 199—200 и 153; *Ворон. Музей.* кн. 126, л. 20 об.

канцелярий за февраль-март 1775 г. Из них керенская и кадомская ведомости заключают в себе имена только простых уголовных арестантов (за исключением уже известного нам кадомского купца Трофима Евсеева и церковника Льва Игнатьева); зато в шацком, краснослободском и троицком острогах почти все арестанты были замешаны в пугачевщине⁸¹.

Кроме того, в различных делах того времени, хранящихся в Тамбовском Историческом Архиве, а также в упомянутых книгах Воронежского Музея, рассеяно множество указаний на то или иное участие в пугачевщине отдельных личностей или целых сел и деревень. Собрав их и присоединив сюда некоторые данные из напечатанных уже документов, можно составить себе если не полную картину участия различных слоев населения в восстании, то во всяком случае эскиз для нее, основанный на довольно большом конкретном материале.

Б.

Первое, что бросается в глаза при изучении экономики сельских вотчин, разоренных в пугачевщину, — это их незначительные, по большей части, размеры. Из 392 владельцев Воронежской губернии, уездов Инсарского, Нижнеломовского, Верхнеломовского, Темниковского, Керенского, Шацкого, Тамбовского и Борисоглебского (краснослободская, троицкая и наровчатская канцелярии прислали сообщение, что у них в уездах вообще помещиков нет), большинство имело крестьян и дворовых людей менее 50 душ. Размеры

---

⁸¹ Тамб. Истор. Архив, №№ 3675, 1022, 1268 и 274. См. приложение В.

их владений могут быть представлены в следующей составленной мною таблице:

Владельцев вовсе без душ	21,	из них 3 убито	(1 с женой)
„ с 1—20 душ .	133	„ „ 24	(и 8 женщ.)
„ „ 21—50 „ .	68	„ „ 11	(и 1 „)
„ „ 51—100 „ .	76	„ „ 13	(и 2 „)
„ „ 101—300 „ .	68	„ „ 2	— —
„ „ 301—500 „ .	18	„ „ 1	(с ним убиты мать, жена и 3 дочери)
„ „ 501—1000 „ .	5	„ „ —	— —
„ „ свыше 1000 „ .	3	„ „ —	— —
<hr/>			
Итого	392 чел.,	из них 54 убито	(и 17 женщ.).

Итак, владельцы 1—50 душ составляли больше половины (202 ч.) общего числа потерпевших; а ведь были еще 21 человек, вовсе «бездушные»... Кроме того, в данной таблице не учтены городские владельцы, в большинстве не имевшие крепостных. О них речь будет особо.

Для характеристики пугачевщины существенно объяснить не столько те случаи, когда помещиков убивали, сколько те, когда они оставались живы. Пугачевские манифесты прямо говорили об «истреблении» злодеев-дворян; такие атаманы, как знакомый нам Яков Иванов, побуждали крестьян самим вешать своих помещиков; мы знаем также случаи, когда крестьяне некоторых селений действовали по собственной инициативе — «сами собой, без злодейской толпы», повесили такого-то помещика ⁸². Поэтому весьма интересно установить, почему из 392 разоренных владельцев Воронежской губернии было убито только 54, то-есть всего около 14%.

Все случаи, когда владельцы оставались живы, могут быть сведены к следующим: 1) владельцы вовсе

⁸² Беляев, указ. статья, стр. 151.

не проживали в этих вотчинах, живя в других уездах или в городах, часто в средоточии всего российского дворянства — Москве; 2) владельцы жили в разоренных вотчинах, но, прослышав о приближении пугачевских партий, успевали выехать в безопасные места или укрывались в лесах и 3) владельцы оказывались в своих домах «во время злодейского нападения» и тем не менее оставались живы.

Различные уезды дают неодинаковые сочетания этих трех категорий случаев. В зависимости от условий колонизации данного уезда, местные владельцы оказывались принадлежащими к различным социальным группировкам. И в данном случае можно установить определенную зависимость между социальным положением данного владельца и его судьбой во время восстания.

В Инсарском уезде, самом восточном в тогдашней Воронежской губернии, лежавшем у самого пути Пугачева от Саранска на Пензу, откуда пугачевщина распространилась на запад, — жило очень мало помещиков, и помещичьи крестьяне составляли всего четверть населения, большинство которого было притом не русским. Число разоренных помещичьих домов в уезде, по официальной ведомости, было незначительно — всего 24. Четыре владельца вообще не жили в Инсарском уезде (двое — и притом наиболее крупные: девица Шепелева с 347 д. и д. с. с. Щербачев с 519 д. — имели постоянное жительство в Москве); десять человек, как сказано в ведомости, были «в отлучке», вероятно, вызванной страхом перед восставшими, так как о некоторых в той же ведомости указано, что они, уезжая из своих домов, увозили с собой все ценное из имущества. Девять владельцев были захвачены в своих домах и убиты; из них трое — помещики села

Ямаково подпоручик А. Голосеин и корнет Д. Голосеин с женой — сначала были увезены «злодеями» в г. Инсар и там повешены, а подпоручик Ф. Голосеин увезен туда же и сожжен. Наконец, одна помещица — вдова Бирева — осталась жива, хотя «во время злодейского нападения жительствоваала в господском доме».

Из общего числа пострадавших $\frac{2}{3}$ (16 из 24) имели менее 100 душ. Из девяти же убитых 6 чел. (т.-е. тоже $\frac{2}{3}$) были, можно сказать, «карликовыми» помещиками, т.-е. владели менее 20 душ⁸³: майор Нечаев имел налицо 14 душ (по 3-ей ревизии — 12 д.), Алексей Голосеин — наличных 17 д., Дмитрий — 7 д., Федор — 14 д., капитан Чюрмантеев имел всего 4 души, а майор Мерзлятьев — только 2. Правда, последний был богат: из дому его было разграблено золотой и серебряной монетой и ассигнациями 15.608 рубл., платья, сереб. посуды и проч. на 2.421 руб. Между тем, от имени оставшегося сироты, солдата лейб-гвардии преображенского полка (в возрасте 11 лет), было заявлено, что «в других местах деревень за отцом и матерью его не имеется»; таким образом, источником доходов Мерзлятьева не было землевладение. Судя по большому количеству оказавшихся в доме денег, можно предположить, что он давал деньги в рост. Во время нападения он оказался в своем доме, «из коего оной майор и с женой его захвачены и употреблены» (sic!).

---

⁸³ Согласно „Генеральному учреждению о сборе в государстве рекрут“, утвержденному 29 сентября 1766 г., „самые мелкопоместные владельцы, у коих 20 душ и менее“, были избавлены от поставки рекрут натурой и платили только „рекрутские складочные деньги“. Таким образом закон признавал, что 20 душ м. п. — это тот минимум рабочих рук в помещичьем хозяйстве, который уменьшать нельзя.

Из остальных убитых, двое были тоже далеко не крупными помещиками: уже известный нам солдат Еналеев (убитый в отряде М. Приклонского) владел 25 душами, майор Ягодинский, умерщвленный в доме вместе с женой, имел 75 душ. Только один из убитых, коллежский асессор И. А. Кожин, убитый в с. Знаменском, в своем доме, с женой, матерью и тремя дочерьми, был и крупным помещиком, и весьма богатым человеком. У него было пограблено наличных денег 1.500 рублей, векселей на 8.000 рубл., разных писем и обязательств — на 2.000 р., алмазных, бриллиантовых вещей, серебр. и медной посуды, всякого платья и лошадей на 13.865 р. 06 коп.; всего на 25.365 р. 06 коп. Кроме того, в сел. Знаменском у Кожина были стеклянный и поташный заводы (к сожалению, их оборот «за нерозысканием о том никаких записок» не указан), а затем ряд вотчин как в Инсарском уезде (в 2 деревнях 41 д.), так и в других уездах в разных частях России, в уездах Пензенском, Владимирском, Галицком, Кадомском, Судиславском, Глуховском, всего (вместе с с. Знаменским) 1.081 д. м. п. Векселя, письма и обязательства на значительную сумму заставляют подозревать, что и Кожин занимался ростовщичеством.

Таким образом, из помещиков Инсарского уезда заплатились жизнью преимущественно самые мелкие, так как крупные (за исключением Кожина) или не жили вообще в своих вотчинах, или успели заблаговременно оказаться «в отлучке». Но Инсарский уезд был сравнительно еще крупнопоместным уездом, и среди пострадавших была не только, так сказать, дворянская беднота. Гораздо разительнее картина, даваемая соседним Нижнеломовским уездом⁸⁴.

---

⁸⁴ Ведом. Инсарск. уезда. *Ворон. Музей*, кн. 126, л. 245—253 и кн. 127, л. 92—107.

В Нижнеломовском уезде пострадавших владельцев было 69 чел. Из них только 6 чел. имели больше 100 душ, и все шестеро жили в других местах, так что отделились одним имущественным ущербом (впрочем в некоторых случаях довольно значительным). Из более мелких владельцев только 5 чел. не жили в своих вотчинах; вся остальная масса жила дома и не успела даже выехать, когда пугачевщина захлестнула Нижнеломовский уезд. Поэтому здесь было и больше жертв, чем в Инсарском уезде: убито 15 владельцев (и 4 женщины). Но замечательно, что остальные 43 чел. остались живы, хотя о них официальная ведомость отмечает: «дома жили сами». Может быть, некоторые из них сумели укрыться (чего ведомость не отмечает), но едва ли это так удачно могли сделать все. Объяснение этой неожиданной снисходительности восставших следует искать в социальном положении пострадавших.

Из 69 владельцев 63 чел. имело менее 100 душ и 57 менее 50 д.: абсолютное большинство составляли «самые малопоместные», с 1—20 д., которых было 36 чел. Кроме того, совсем без душ было 13 человек; вместе с самыми малопоместными они составляли 71% пострадавших. Среди них было несколько татарских князей, у которых блеск рода Кугушевых, Тенишевых, Мансыревых не мог прикрыть их бедности, и, вероятно, большинство было из однокоренных. Правда, среди пострадавших названо однокоренными прямо только 4 человека. Но такие владельцы, как поручик Метальников, убитый прап. Скарятин (другой Скарятин назван однокоренным), сержант Веденяпин,— были несомненно выслужившимися однокоренными, так как в окладной книге 1785 года мы их находим в качестве однокоренных; дворянин Бугреев в 1785 г. назван «из дворян однокоренным»; о вдове умерщвленного

поручика Анучина сказано, что она «находится ныне по бедности своей на содержании у родственников, того же села однодворцев».

Таким образом, тот факт, что большинство владельцев Нижнеломовского уезда, живя «во время злодейского нападения» дома, остались живы, объясняется тем, что они были по происхождению однодворцы, а по своему имущественному положению мало отличались от массы местного населения, тоже однодворческой и, в большинстве, явно сочувствовавшей восстанию. «Дворянин» Попов в с. Чердаке имел всего 2 души, о которых в ведомостях сказано: «онные души состоят по последней ревизии в написании за ним незаконнорожденные от его крепостных девок»; у умерщвленного в г. Нижнем Ломове поручика Симакова оказалась всего 1 душа — и тоже «оная душа незаконнорожденная от дворовой беженки». Конечно, они все-таки были душевладельцами, и поэтому-то их грабили; но, как ни как, тут не могло быть таких резких классовых противоречий, какие были в уездах, населенных по преимуществу владельческими крестьянами.

Тем не менее, являвшиеся пугачевские партии часто бывали настроены так резко, что не щадили и этих дворян в лохмотьях; возможно также, что по тем или иным причинам некоторые из них стояли во враждебных отношениях к соседям. Поэтому, хотя большинство владельцев Нижнеломовского уезда осталось в живых, не мало их и погибло. При этом гибли далеко не всегда более крупные: из 15 убитых 10 чел. имело до 20 душ (из них двое умерщвлены с женами: подпрапорщик Малахов, имевший 11 душ, и сержант Микишин, имевший 6 д.). Если к ним прибавить убитых в самом городе Нижнем Ломове упомянутого поручика Симакова с 1 душой и прапорщика Маслова, который совсем

не имел людей и крестьян, то картина получится очень выразительная: подавляющее большинство умерщвленных пугачевщиной в данном уезде — «самые малопоместные» владельцы ⁸⁵.

Характерны также данные по Борисоглебскому уезду, где, подобно Нижнеломовскому, абсолютное большинство населения составляли однодворцы и почти не было помещичьих крестьян. Тут всего разорено оказалось 6 владельцев, из которых двое крупнейших и богатейших землевладельцев — граф Р. Л. Воронцов и полковник Р. Р. Кошелев — не жили на месте. Из четырех остальных убито двое: прапорщик Третьяков и майор Мантуров, оба названные «дослужившимися из однодворцев»; уже выше (в гл. I) мы видели, что последний едва имел пропитание от своих 12 душ. А ведь многие в Нижнеломовском уезде имели еще меньше крепостных. Майор Бунин, имевший наличных всего 7 д., «спасая живот свой, в разные места скрывался»; а последнего владельца, капитана Андреева, в момент появления пугачевцев уже не было в живых ⁸⁶.

Уже несколько иную картину дает Верхнеломовский уезд, так как большинство населения в нем составляли владельческие крестьяне. Из 89 разоренных владельцев беспоместные и самые малопоместные (до 20 душ) дают цифру 41 — уже несколько менее половины. Тут надо взять более высокую цифру, до 50 душ, чтобы получить абсолютное большинство: 61 из 89. Свыше 100 душ имеют 12 владельцев. Но все-таки и здесь все убитые имеют менее 100 душ; более крупные

---

⁸⁵ Ведомость Нижнеломов. уезда. *Ворон. Музей*, кн. 127, л. 111—144. *Пензенский Губархив*, Дворянский Архив, № 1050 („Книга окладная Пензен. наместничества“) л. 107—143.

⁸⁶ *Ворон. Музей*, кн. 127, л. 55—63 и кн. 126, л. 112.

владельцы или вообще не жили в уезде (трое из них — Олсуфьев, Головина и Борноволоков — жили постоянно в Москве), или сумели во-время отлучиться, а то и укрыться. 12 человек были дома во время нападения и остались живы; из них один — без душ, четверо имели менее 20 д., пятеро — от 20 до 50 д., двое — от 50 до 100 душ.

Картина существенно меняется в уездах Керенском и Шацком, где подавляющее большинство населения составляли помещичьи крестьяне. В Керенском число пострадавших больше, чем, напр., в Нижне-ломовском (78 против 68); зато убитых — значительно меньше (6 против 15), хотя и тут все они имеют меньше ста душ. Из 20 помещиков, имеющих свыше ста душ, не убит никто. И было бы совершенно ошибочно заключать, в виду незначительного числа умерщвленных, о меньшей напряженности восстания в Керенском уезде: мы уже видели, что граф Панин называл Керенск «самым сердцем взволнованной бунтованием черни». Помещиков здесь не убивали потому, что их не находили: из 77 владельцев 32 (т.-е. 41%) вообще не проживало в своих вотчинах (9 человек имели жительство в Москве); 30 человек, прослышав о приближении пугачевцев, «со страху съехали» — кто в Керенск, кто в Тамбов, в Шацк, прямо в Москву и т. д.; о 5 отмечено, что они «от страху укрывались в лесных (или степных) дачах»; наконец, из застигнутых дома пугачевцами было убито 6 чел. и только четверо осталось в живых. Из последних четырех три были женщины — и, вероятно, своему полу они обязаны были жизнью; впрочем, одна из них «злодеями захвачена была», но, повидимому, ей лично никакого вреда в конце-концов не причинили.

Наконец, в сел. Оржевке прапорщик Лупандин в своем доме «теми злодеями был схвачен и ими бит немилостиво, однако оставлен жив», может быть потому, что был беден. Действительно, за ним было только 11 душ, и сумма пограбленного у него составила всего 71 руб.; все остальные помещики этого села (5 чел.) «от страху съехали» в Тамбов, кроме бригадира Касливцева, убитого в своем доме (за Касливцевым с женой было всего 19 душ, но сумма убытков довольно значительна — 1.399 руб.).

Самый западный из захваченных пугачевщиной уездов, Шацкий, пострадал лишь частично, а именно — его восточная часть (Замокшенский стан) и южная (Залесский стан). В официальной ведомости показано 54 потерпевших владельца, из которых 18 жило в Замокшенском стане и 36 в Залесском; кроме того, мы имеем сведения еще о трех владельцах Залесского стана, вотчины которых были разграблены. Всего из этих 57 чел. 24 не жило в своих вотчинах (т.-е. 42%); если же мы возьмем только тех, кто имел не менее 100 душ, то из них подавляющее большинство — 14 из 19 — не жило здесь; напротив, из 38 владельцев, имевших менее ста душ, не жило в уезде лишь 10 человек. О подавляющем большинстве проживавших в своих домах ведомость отмечает, что такой-то «из того дому выехал, прослыша о приближении злодейских партий». Только четверо были застигнуты пугачевцами в своем доме, и все были убиты. Как и в других уездах, убитые не принадлежали к числу крупных помещиков: в с. Тростянке «в приезд злодейской партии и с женой повешен» подпоручик Ф. Тенишев, за которым числилось 3 души, да за женой 5; в д. Шайгушах повешен И. Лопатин, у которого в совместном владении с

двумя братьями (бывшими в отлучке) было 16 душ. Остальные две жертвы были женщины: в с. Чернавке повешена в своем доме вдова Пятова (по ревизии 77 душ, налицо лишь 59), а в с. Усть-Парц повешена Анися Мальцова, владевшая 72 душами. Мальцова была довольно богата: убыток ее показан в 4.700 р. (в том числе наличных денег золотой и серебряной монетой 700 руб.); во время нападения с нею в доме жила ее замужняя дочь, которая «теми злодеями была бита», но осталась жива.

Крупные помещики все остались живы, так как отсутствовали. За них поплатились их приказчики — олицетворение помещичьей власти в этих вотчинах. В с. Карай-Салтыково, в вотчине знаменитой статс-дамы княгини Е. Р. Дашковой, с 325 душами, был повешен приказчик Коротков; в 20 верстах от него, в с. Журавке, был повешен приказчик князя И. М. Кольцова-Мосальского, имевшего здесь 256 душ. Далее, повешен приказчик тит. советницы Посниковой (за ней 200 душ), сам бывший ее крепостным; владелица включила его имя в перечень своих убытков: «да теми злодеями приказчик ее Андрей Родионов повешен, который состоял по цене 200 рублей»; в имении тайного советника Лунина (484 души) приказчик «жизнь свою спас из тех деревень бегством, а отец его, бурмистр Илья Данилов, правящий всеми теми деревнями, злодеями повешен»⁸⁷.

Суммируя данные по 8 уездам тогдашней Воронежской губернии⁸⁸, мы получаем в итоге, что из 392 разоренных владельцев было убито 54, т.-е. 13,8%. Из

---

⁸⁷ Ведомости: Керенского уезда — *Ворон Музей*, кн. 127, л. 286. — 319; Шацкого у. — *там же*, л. 220—283, кн. 127, л. 12—13, 19—20

⁸⁸ См. таблицу — приложение Б.

убитых только трое имели свыше ста душ⁸⁹ и также трое были совсем без душ. Последние вместе с «самыми малопоместными» (до 20 душ) составляли ровно половину умерщвленных — 27 из 54, с владельцами от 21 до 50 душ — уже 70%. Владельцы же, имевшие менее ста душ, составляли целых 94,4% убитых. Вывод — ясный: жертвой пугачевщины, как антипомещичьего движения, оказались преимущественно не верхи, а низы помещичьего класса; не генералы, а капралы и солдаты повисли на воротах своих усадеб; а вдовы их, подобно упоминавшейся выше поручице Анучиной, по бедности своей, оставались на содержании родственников, бравших их из милости...

Несколько иначе было в Пензенском уезде: как видно из списка, опубликованного Пушкиным, здесь, погибло свыше 70 помещиков (среди них — генерал-майор Пахомов и граф Гаврило Головин, вероятно, крупные помещики), большинство из них — с семьями, и приказчиков — 22 чел.; так что общее число убитых, считая жен и детей предыдущих, а также попов, солдат, дворовых и проч., превышает 200 чел. Такое большое количество жертв, и притом иногда из крупных помещиков, объясняется очень просто: уезд этот

---

⁸⁹ Один из них, 70-летний князь Вас. Тим. Девлет-Кильдеев (сел. Урей, Темниковского уезда), погиб, потому что был болен и не мог, по примеру своих родственников, бежать из с. Урей, где было целое гнездо князей Девлет-Кильдеевых. По крайней мере, так гласило семейное предание, о котором мы знаем из любопытного послания в стихах внука убитого — в ответ на запрос местного начальства в 1841 г. о роде Девлет-Кильдеевых:

„Еще что вам сказать? Ах, дедушка родной
во время Пугача повешен был больной;
а прочие князья за благо рассудили, —
кто в лес, кто в конопли зараней укатали —
и тем себя спасли...“

(См. назв. статью свящ. Беяева, стр. 159—160, примечание)

лежал на самом пути Пугачева, посредине объятых восстанием края, и спастись отсюда бегством было гораздо труднее, чем, например, из Залесского стана Шацкого уезда, хотя и тождественного по условиям колонизации и социальному составу населения, но расположенного дальше от центра восстания. Однако общая картина не меняется: из окладной книги Пензенского уезда 1785 г. (правда, составлявшего лишь часть прежнего Пензенского уезда) видно, что абсолютное большинство владельцев и здесь имело менее 20 душ. Вероятно, и в списке умерщвленных, напечатанном у Пушкина, большинство были мелкопоместные владельцы.

Что касается имущественных жертв, понесенных классом помещиков в пугачевщину, то в целом они были сравнительно невелики и не могли сами по себе нанести существенный ущерб всей экономике края. Хозяйственный инвентарь помещичьих имений в большинстве случаев был очень небогат, дома — тоже; вотчинные фабрики были немногочисленны и незначительны по размерам. Тот голод, который последовал за пугачевщиной, но был вызван в значительной степени стихийными причинами (засухой), причинил и помещикам и всему населению больше ущерба, чем грабеж во время восстания.

Сумма убытков каждого пострадавшего владельца указывалась в ведомости. Она колеблется очень сильно — от нескольких рублей до нескольких десятков тысяч. Иногда все «разорение» исчерпывалось, как мы видели выше, разбитием окон в пустом доме; иногда господского дома в данной вотчине вовсе не было, и тогда убыток владельца заключался в ограблении его крестьян (что, впрочем, бывало на довольно крупную сумму; об этом ниже). При этом оценка убытка дела-

лась самым владельцем — и, вероятно, бывала обыкновенно преувеличена. По крайней мере, в Инсарском уезде, где воеводская канцелярия почему-то требовала заверки объявленной суммы убытка со стороны уездного предводителя дворянства, последний в целом ряде случаев счел нужным значительно снизить эту сумму. Объяснение этому снижению было дано следующее: во-первых, некоторые из указанных помещиков «едва ли не все в поставляемый свой убыток в о з в р а щ а л и своих лошадей, посуду и платье»; во-вторых, «сверх же того, те помещики, которые уезжали от бунту, движимое свое имение, то-есть деньги, разную посуду, вещи и платье, все с собой увозили». Так, например, поручик Губарев определил свой убыток в 3.500 р., а надворный советник Мневский — в 4.000 руб.; предводитель же утвердил для обоих сумму в 1.000 руб., «потому что они во время злодейского нападения из домов своих выезжали и деньги, серебро и посуду вывезли, а осталась оловянная и медная посуда».

Господский дом по большей части оставался цел: страдали только окна, печи, иногда потолки. Правда, там, где лес представлял большую ценность, иногда соседи развозили к себе не только посуду, хлеб и прочее, но и самые строения: так было в вотчине Лунина (с. Инжавинье, Залесского стана), где собственные его крестьяне «в доме помещичьем, в степном и безлесном месте, строениеломав, растащили и расхитили». Обычно же, как констатирует верхнеломовская воеводская канцелярия, забирали лишь предметы потребления, и весьма поверхностно, так сказать, портились дома: «разграбление чинено было взятием платья, денег и прочих разных пожитков и разорением домов, то-есть разбитием стекла, печей, посуды». Весьма интенсивно стремление к разрушению проявилось в

отношении домовых фабрик: в имении Кошелева, Шацкого у., Залесского стана, пугачевцы «изломали и изрубили» суконную фабрику и сожгли материалы — 120 пудов непряденой шерсти и 60 пуд. пряденой; «перерубили и переломали инструменты» на фабрике гарусных ковров в д. Беклемишевке (того же уезда и стана) генерала Смирнова; «весь инструмент изрублен» оказался и на домовой фабрике голландских и русских кружев кн. Черкасского, в с. Ельниках, Шацкого уезда, Замокшенского стана. Очевидно, что эти «домовые фабрики», привлекавшие крестьян к непривычному труду, были наиболее ненавистным видом барщины.

Но, повторяю, таких «фабрик» было немного, и они были мелки (см. об этом в гл. I), и вообще имущественный ущерб, понесенный классом душевладельцев, совершенно стусевывался перед потерями его в личном составе. «Истребление злодеев-дворян», а не грабеж был основной целью восставших. Не деньгам, а кровью поплатился господствующий класс за эксплуатацию крепостного крестьянства. Правда, поплатились своими головами преимущественно мелкие помещики, которые жили по деревням и которым некуда было бежать; как всегда, жертвой пали мелкие сошки, а не главари...⁹⁰.

Однако среди помещиков мы находим не только жертв восстания, но — как это ни странно с первого взгляда — и участников его, оказывавшихся в рядах пугачевцев. Таких случаев немного, но они представляют, конечно, огромный интерес и заслуживают подробного анализа.

При разбитии партии пугачевского полковника Каменского 12 сентября 1774 года под Баландой, среди

---

⁹⁰ *Вопр. Музей*, кн. 126, л. 253 и 24—25; кн. 127, л. 96, 98 об. 101 об., 659 об., 226—227.

97 чел. пленных разного звания оказались 3 помещика: Шацкого у. села Рамзы отставной корнет Василий Деметьев Васильев и Нижнеломовского уезда — отставной подпоручик Николай Никитич Чевкин с женой и Александр Львов Евсюков.

Исследователи, занимавшиеся историей пугачевщины в пределах нынешней Саратовской губернии (сначала Мордовцев, потом Гераклитов), приводили этот факт, но не могли объяснить его за отсутствием документальных данных. Но на основании документов Воронежского Музея и Тамбовского Исторического Архива некоторые сведения об упомянутых лицах и их участии в пугачевщине мы можем представить.

Село Рамза (Залесского стана, на р. Вороне), населенное однодворцами и помещичьими крестьянами, взбунтовалось уже в первой половине августа: явившегося к ним частного смотрителя с указом о недопущении в села казаков из пугачевских партий там собирались умертвить. И в сентябре, по донесению того же смотрителя, жители Рамзы, «как они и во время приезде злодейских шаек все с ними согласны были и чрез тамошнего священника присягу учинили, и с ними отставной корнет Василий Васильев с человеком своим и с прочими из обывателей обще с ними, злодеями, поехали». 13 октября отставной корнет В. Д. Васильев (45 лет от роду) был доставлен в шацкую канцелярию при промемории из Тамбовской канцелярии с обвинением «в бытии в злодейской партии». Правда, в марте 1775 года он был освобожден — «по производимому о нем следствию по невинности». Однако невинность Васильева продолжала возбуждать сомнение: в сентябре того же года он был вновь арестован по обвинению «в пристанодержательстве воров, называющихся казаками»; в доме его

произведен был обыск, не давший, впрочем, результатов: «воровских пожитков никаких не явилось».

О другом помещике, взятом в плен вместе с пугачевцами, Н. Н. Чевкине, мы встречаем любопытный рассказ, проливающий свет на мотивы, которые могли побудить его оказаться в пугачевской партии. Один разоренный пугачевцами помещик села Макарова, Керенского уезда, секунд-майор Левашев, подал челобитную, где писал, что 4 августа 1774 г. в это село прибыла «под именем известного злодея и государственного бунтовщика Пугачева партия, в которой был бунтовщиком и грабителем отставной прапорщик Николай Никитин сын Чевкин, который, пришед в дом мой, у имевшихся крестьян выпрашивал: что, где ваш господин, — на что от оных ответствовано, что я уехал в другую свою деревню, при чем оный прапорщик Чевкин приговаривал, что если бы он меня застал, то стал бы меня мучить мучительно и жилы тянуть».

Что касается помещика Нижнеломовского у., с. Змеевки, Александра Львова Евсюкова, то можно предположить, что это был сын дворянского депутата майора Льва Евсюкова, дед которого, Иван Евсюков, был умерщвлен пугачевцами в с. Принзерках того же уезда, а мать ограблена в своем доме в с. Змеевке на 805 р. 15 коп. (за ней 18 душ). Ограбив мать, пугачевцы, очевидно, увезли с собой из Змеевки сына⁹¹.

Если исключить Евсюкова (о котором сведения слишком скудны), то остальные двое, повидимому, не

---

⁹¹ Мордовцев. „Пугачевский полковник Иванов“; Гераклитов — в „Трудах“ Саратов. Арх. Комиссии, в. 30, 1913 г. О Васильеве — Тамб. Ист. Арх., №№ 1659 (ведомость колодников; см. за октябрь, 1774 г. и за март 1775 г.) и 1665 (на 14 сент. № 2 и на 17 ноября). О Чевкине — Ворон. Музей, кн. 126, л. 83. О Евсюкове — там же, кн. 127, л. 127 об. и 128.

были простыми пленниками пугачевцев. Чевкин мог примкнуть к ним из ненависти к соседу, за обиды и притеснения последнего (в чем они могли заключаться, мы знаем хотя бы из повести Пушкина «Дубровский», где герой становится атаманом разбойников из мести могущественному соседу, и сюжет которой, несомненно, не выдуман). К сожалению, мы ничего не знаем об имущественном его положении. Что касается Васильева, то из документов видно только, что у него был один дворовый человек — может быть единственный — и что, несмотря на пребывание в «злодейской партии», его нашли возможным «по невинности» освободить из-под ареста.

Относительно него трудно решить, был ли он участником или скорее жертвой пугачевщины. Он мог поехать вместе с партией просто для того, чтоб спасти свою жизнь, так как этого от него потребовали. Такие случаи бывали: например, помещик с. Болкошина, поручик Болкошин (за ним 28 д., да за женой 6 д.) «злодеями был возим в шайке» (дальнейшая судьба его неизвестна). Под с. Рассказовым были пойманы поручик Семенов и недоросль Филатов, из с. Чернавки, Шацкого у., которые показали, что пугачевцы захватили их в Чернавке и возили их с собой 5 дней по разным селениям «по неволе». Семенов сверх того добавил, что в доме его пугачевцы были три раза и все имущество разграбили; он пробовал бежать от них, но его ловили и секли плетьюми, с угрозой, «если он с ними во взятые села Рассказова помогать не будет, то они его в том селе повесят». Справедливость этих показаний была подтверждена посторонними дворянами, и Семенов был освобожден из-под караула⁹².

Ворон. Музей, кн. 127, л. 168 об., 169. *Тамб. Ист. Арх.*, № 1662

Итак, восставшие, не доверяя своим силам и способностям в военном деле, охотно принимали в свои ряды мелких помещиков, имевших военные чины, и в некоторых случаях силой пытались заставить их служить себе. Поэтому, даже в случае с Чевкиным, который деятельно участвовал в разгроме дома ненавистного ему человека, мы не можем быть уверены, что дальнейшее следование его с пугачевцами до с. Баланда было вполне добровольным. Повторяю: бывает нелегко иногда установить, имеем ли мы дело с участником или с жертвой восстания. Мы это не раз увидим ниже в отношении других классов населения.

Там, где не было помещиков, в местностях, населенных не помещичьими, а государственными крестьянами различных ведомств (дворцовыми, экономическими, черносотными и т. д.), главной жертвой были чиновники, управляющие ими. Так было в уездных центрах Наровчате, Троицке, Краснослободске, где были убиты воеводы, дворцовые управители и ряд канцелярских служащих. С ними расправлялись так же беспощадно, как с помещиками. Об этом было сказано выше (см. гл. II), и тут повторяться не-зачем. Отметим надо другое: что среди чиновничества, а именно среди офицеров инвалидных команд (пребывавших в чине прапорщика, несмотря на преклонный возраст), обнаруживается в ряде случаев склонность признать нового царя и примкнуть к движению. Таковы были назначенные Пугачевым воеводами прапорщики Сюльдяшев — в Алатыре, Шихмаматов — в Саранске, Юматов — в Петровске. Из них только Юматов был сочтен настолько важным преступником, что его судили в Москве вместе с самим Пугачевым и главными его сообщниками; однако суд признал его виновным лишь

в «гнусной трусости» и в приговоре ограничился «для старости лет» лишением его чинов. Вероятно, таков же был мотив действий уже известного нам (см. выше, гл. II) унтер-офицера инсарской инвалидной команды Фельшмана, почему он был освобожден из-под караула без наказания.

Чрезвычайно интересной и существенно важной страницей в истории пугачевщины является роль в ней духовенства. Здесь мы встречаем полную гамму различных оттенков отношения восставшего населения к своим попам и церковникам, а также — отношения последних к восстанию.

Для понимания роли духовенства в пугачевщине необходимо иметь в виду два обстоятельства: 1) тесную связь православной церкви с государством, делавшую служителей церкви также и агентами государственной власти, и 2) бытовую связь духовенства с тем населением, среди которого оно жило. Эти два фактора действовали в противоположном направлении; поэтому в поведении духовенства в разгар восстания мы видим колебания и разброд, и об этом словии в целом с особым ударением можно сказать, что неизвестно, кого тут было больше: жертв или участников?

Правда, для некоторых районов этот вопрос не возникает. Это, как видно было из предыдущего изложения (см. гл. II), те местности, которые были населены новокрестьянами. Здесь у населения не было бытовых связей с духовенством: это были чуждые ему люди, назначенные приводить его в православную веру и пользовавшиеся своим положением для своекорыстных целей. Перейдя через Волгу северо-западнее Казани, Пугачев на первых порах шел по черемисским, чувашским и мордовским деревням, где, по словам од-

ного сподвижника самозванца, «жители более всего жаловались на попов за их поборы и, видя, что Пугачев не щадил их, они сами тирански управлялись с ними: вешали на ворота и иными средствами мстили за себя». Действительно, в Курмышском уезде больше половины убитых были из духовного звания, а именно 12 священников, 10 дьяконов, 8 дьячков, 9 пономарей; в списке убитых по Ядринскому уезду показано 38 чел., все священники и причетники с их женами. Эти уезды были сплошь заселены инородцами-новокрещеными; но и южнее и западнее, в пределах тогдашней Воронежской губернии, последние жили значительными группами в таких уездах, как Краснослободский и Темниковский, — и тут тоже духовенство оказывалось жертвой восстания. Мы уже видели (см. гл. II), как был повешен своей паствой поп мордовского села Хлыстовки, Краснослободского уезда. В г. Темникове к прибывшей туда пугачевской партии обратились новокрещены и мордва села Кушки и деревни Пичиполонги — с просьбой на приходского священника Ивана Васильева в чинении обид, «чтоб его повесить»; один новокрещен д. Старой Ардабьевы, Темниковского уезда был наказан «за дранье им священника Кузьмина за власы и браду»⁹³.

Но в районах с русским населением преобладал другой фактор поведения духовенства — его тесная связь с населением и зависимость от последнего. Каждое село, посещавшееся пугачевскими партиями, должно было устраивать им встречу; часто затем требовался молебен в церкви за здоровье императора Петра III. Подчеркнутое выше стремление соблюдать законные, традиционные формы делало необходимым

---

⁹³ Чтения в О-ве Истории и Древностей, 1862 г., кн. 3, стр. 338 (рассказ Верховланцева); Тамб. Ист. Архив, № 3419.

участие во всем этом духовенства. Церковный причт каждой сельской церкви должен был, таким образом, сделать выбор между виселицей и участием в провозглашении и освящении власти «третьего императора».

Неудивительно, что, по донесению графа Панина, в тех местах, где проходил сам Пугачев или большие его отряды, из духовного чина «не было почти ни одного человека, который бы не встречал злодея с крестами и не делал бы служения с произношением (имени — С. Т.) самозванца». В Краснослободске в январе 1775 года сидело под арестом 28 чел. священников и церковнослужителей: все они были признаны виновными в том, что «встречали злодеев», но освобождены на том основании, что они в ризы облачались и крест выносили навстречу пугачевцам «по неволе». В Пензе рассматривалось дело 65 чел. (51 из г. Пензы и 14 из уезда), из которых только один дьячок был признан невиновным; всех остальных освободили из-под караула, но священников лишили их сана; велено было «распределить их дьячками и пономарями». При этом надо отметить, что в Пензенском уезде, где было наибольшее число жертв пугачевщины, духовный чин пострадал сравнительно мало: священников было убито четыре, да пономарь — один. Подчиняясь желаниям прихожан, духовенство провозглашало во время церковной службы имя императора Петра Федоровича даже в тех селах, где пугачевские партии не бывали: по доносу писаря, в с. Высоком Городище, «хотя злодеи в том селе и не были, но поп, дьякон и пономарь в церкви на эктениях и на выходе имя покойного императора Петра III поминали».

Необходимо иметь в виду, что духовенство тех мест, живя среди крестьян, обычно занималось тоже земледелием и даже носило обыкновенную мужицкую

одежду; последнее запрещено было указом казанской консистории в 1781 году, но с оговоркой: «кроме работных случаев».

И впоследствии приходилось повторять понуждение священников ходить «не в подлой неприличной одежде». В классовом отношении сельское духовенство почти сливалось с крестьянством, и поэтому выступления против своих попов со стороны русского населения редки, а количество убитых священников сравнительно с числом замешанных в пугачевщине своими профессиональными услугами — «встречей» и молебнами за царское здравие — незначительно. Но правительство отнеслось снисходительно к прегрешениям духовенства, так как вследствие ареста множества священников и причетников церкви оставались «без служения и приходы их без потреб по закону христианскому», — что казалось правительству очень нежелательным и с принципиальной точки зрения, и потому, что могло создать в народе впечатление гонения на религию. Извиняющий мотив был найден в том, что духовенство действовало по неволе, под влиянием той же «гнусной трусости», которой объяснялось поведение прапорщика Юматова. Вместе с тем, сама Екатерина II указала и способ на будущее время обеспечить большую стойкость верноподданных чувств духовенства по отношению к дворянской монархии: нужно создать для него особые школы и одновременно поставить вопрос «об определении священству сходственное содержание с воспитанием»⁹⁴.

Несомненно, что огромное большинство духовенства признало «третьего императора» под влиянием про-

⁹⁴ *Беляев*—назв. статья; *Пензенск. Епарх. Ведомости*, за разные годы; *Труды Сарат. Арх. Комиссии*, в. 24, стр. 56 и след.; *Сборник Рус. Ист. О-ва*, т. 6, стр. 147—148 и 150. Списки убитых у Пушкина, примечание 119.

стого инстинкта самосохранения. К нему больше применима характеристика «жертвы», чем участника движения. Но нередки также случаи, когда мы видим с его стороны не пассивное приятие новой власти, но весьма активную ее поддержку, притом — такими действиями, которые не укладывались в рамки его профессиональной деятельности: не только с молебнами и иконами, но с оружием в руках оно выступает за императора Петра Федоровича.

Мы уже заметили мимоходом (гл. II), что в партии инсарского купца Дубцева, численностью в 20 человек, оказался, между прочим, поп села Кочелаева Кондратий Васильев. Что последний не был здесь случайно, показывает указ владимирской духовной консистории, в котором священники села Кочелаева Федор Александров и Кондратий Васильев обвинялись в том, что говорили посланным за ними из темниковского духовного правления, что «нет у них государыни, а есть государь Петр Федорович, и в хотеньи оных Дементья и Максима (посланных служителей — С. Т.) изрезать ножами».

В Краснослободске дом попа покровской церкви Максима Данилова был складочным местом для пограбленных пугачевцами пожитков. Сын его, причетник в г. Троицке, пристал к партии, отправлявшейся в Краснослободск, и принял участие в разграблении последнего; в том же участвовал второй сын попа Максима, который впоследствии по приговору Панина был наказан «кнутом нещадно».

В сел. Чердым, Пензенского уезда, поп Иван Герасимов обратился к прибывшей туда пугачевской партии с жалобой, что он разорен от помещика и от своего товарища, попа того же села — Прокофьева. Последний успел скрыться, но помещик Буланин и двое

приказчиков были повешены, при чем поп Герасимов вместе с казаками грабил в помещичьем доме и указал им пажить помещика, спрятанную в церкви⁹⁵.

В последнем случае есть ясный намек еще на один род связи, соединявший попа с его прихожанами: угнетение со стороны помещика. Если на это жаловались священники, то еще большее основание жаловаться имели церковные служители (пономари и дьячки), которые не имели защиты сана и с которыми помещики обращались, как со своими крепостными. Помещик Пашков (с. Гагарщины, Шацкого у.) велел своим людям раздеть пономаря Емельянова «и бить в два аrapника нещадно» за то, что он во время поднятой тревоги не явился на барский двор для защиты его от появившейся якобы пугачевской партии (тревога оказалась ложной). По жалобе пономаря началось следствие, на котором приказчик Пашкова показал, что поведение Емельянова было подозрительно и позволяло считать его «склонным к тем злодейским партиям», — почему барин приказал взять его под караул и отправить в г. Шацк; но тут вступился отец арестованного, поп того же села, и мать его и просили Пашкова, «чтоб в город не посылать, а наказать здесь в вотчине домовно», что тот и сделал, «снисходя на просьбу отца его и матери».

Неизвестно, насколько были основательны подозрения Пашкова насчет пономаря его села, но в целом ряде других случаев мы, действительно, видим очень активное участие церковников в действиях пугачевских партий. Еще в январе 1774 года, когда Пугачев был под Оренбургом, в Саратове были арестованы один

---

⁹⁵ Изв. Тамб. Арх. Ком., в. 34, стр. 101 (№ 3419 — это дело в Тамб. Ист. Архиве оказалось дефектным: сохранился только конец — листы 87—101); Беляев, указ. статья, стр. 156—157, прим.; Труды Сарат. Арх. Ком., в. 24, стр. 88.

пономарь и один дьячок, обвиняемые в том, что они «с некоторыми здешними казаками имели согласие вдаться в воровскую шайку ко известному распубликованному злодею, вору, донскому казаку Пугачеву», а пономарь даже «добровольно по-казачьи и волосы себе остриг».

Когда пугачевщина перекинулась на правый берег Волги, масса церковников примкнула к пугачевским партиям. В с. Гремячке, Петровского уезда, пономарь Родион Михайлов ушел добровольно с поыывавшей там партией и пробыл в отлучке больше недели; вернувшись, он привез двум вдовам своего села деньги от их сыновей, которые тоже охотой пошли в казаки, а для себя привел лошадь, о которой объявил, что ею пожаловал его батюшка государь Петр Федорович, к которому он в г. Саратове присягал и руку его целовал. На допросе Михайлов заперся; соседи-крестьяне его поддержали, заявив, что ничего подобного они не слышали. Но одна из упомянутых вдов призналась, что Михайлов по приезде из Саратова передал ей от сына 4 рубля.

В Темниковском уезде, при разгроме дома капитана Машкова, вместе с татарами и дворцовыми крестьянами участвовал попов сын с. Перевесья Петр Дмитриев. В с. Чернавке (Шацкого у. Залесского стана) пономарь Семенов ушел с пугачевской партией и пропал без вести, так что на его место был назначен другой; того же села дьякон Борисов и пономарь Попов были сосланы в Оренбург «за грабительство помещичьих домов» и т. д.⁹⁶.

⁹⁶ *Труды Сарат. Арх. Ком.*, т. II, в. 2, стр. 339, и в. 24, стр. 90; *Журналы Тамб. Арх. Ком.* 19 августа 1885 г. (опись Шацк. архива № 1026 — это дело отправлено в Москву) и 18 авг. 1886 г. (№ 1665); в. 34, 1892 г., стр. 101. Ср. *Тамб. Ист. Архив* № 3419, л. 89, л. 1224.

Обилие церковников среди пугачевцев перестанет удивлять нас, если мы представим себе их социальное положение. Оно было поистине незавидное. Многочисленное потомство православного духовенства стремилось унаследовать отцовские места, — поэтому при каждой сельской церкви было обычно по несколько священников, дьяконов и разных причетников. Конкуренция между ними, при бедности прихода, приводила к нищенскому существованию и заставляла обращаться к тяжелому крестьянскому труду. Но все-таки не все могли пристроиться даже на такие незавидные места; оставались лишние, которых правительство стремилось притянуть к службе или тяглу, помня старую московскую заповедь, «чтоб никто в избылах не был». Их брали в солдаты, приписывали в качестве прикрепленных рабочих к заводам, поощряли добровольную запись к помещикам в крепостные. На уже не раз упоминавшемся Виндреевском заводе рабочие были как купленные, так и приписные «из церковников и прочих позволенных по законам людей»; среди беглых крепостных из Верхнеломовского уезда на Дон мы тоже встречаем в первой половине XVIII века бывших церковников, которые «по желательному доношению» сделались дворовыми деловыми людьми. Дворянство Керенского уезда в своем наказе депутату в Комиссию 1767 года нашло церковников социально опасным элементом, внося следующие пожелания: «церковников и прочих из духовного чина людей писать в военную службу, а негодных — в подушный оклад, куда пожелает и кто их принять похочет, или на поселение отсылать в Сибирь и к казенным заводам, дабы чрез то воровство и разбои пресечены быть могли»⁹⁷.

---

⁹⁷ Ворон. Музей, кн. 127, л. 341—342; „Акты“ Лишина, т. II, № 236; Известия Тамб. Арх. Ком., в. 43, стр. 95—96.

Что керенское дворянство не выдумывало, говоря о разбоях церковников, видно из ряда характерных дел той эпохи, относящихся к Кадомскому уезду, кишевшему разбойниками благодаря густым лесам и судоходной реке Мокше, своим нижним течением пересекавшей уезд и соединявшей Оку с черноземным краем. Осенью 1774 года в Кадомскую воеводскую канцелярию были доставлены три церковника, братья Макаровы, дети попа села Богданова, признавшие, что они «разбивали плывущие по р. Мокше струги, также и дома в Шацком уезде, в д. Малахове»; один из них был беглым рекрутом, а в укрывательстве братьев была повинна и сестра их Варвара. Значительный стаж в том же деле имел церковник Лев Игнатьев (сын попа с. Широмасова, Кадомск. у.), который в 1773 году вместе со своим братом стоял во главе шайки, напавшей в лесу на помещика Бахтыгозина, и похвалялся напасть на дом последнего, убить его с женой «разными их мучительскими вымыслами» и побрать всю его пажить. Через год, во время пугачевщины, Лев Игнатьев, 30 лет от роду, оказался виновен «в самоохотном вступлении в злодейскую самозванца изверга Емельяна Пугачева толпу и в смертном убийстве тамо 9 человек» и признан заслуживающим смертной казни⁹⁸.

Несколько напоминает поведение духовенства и роль купечества в пугачевщину. В крупнейших центрах, посещенных самим Пугачевым, Пензе и Саратове, купцы встречали его со всякими почестями. Но едва ли у них тут были иные мотивы, кроме страха за свои головы и карманы. Правда, саратовские купцы Протопопов и Кобяков были сочтены настолько важ-

---

⁹⁸ Ведомости кадомских колодников — Тамб. Ист. Архив. №№ 258, 274 и 278; ср. там же № 255, л. 3 (челобитная Бахтыгозина).

ными преступниками, что их судили в Москве (где генерал Потемкин отнес их к «7-му сорту»: всех «сортов» по степени участия в пугачевщине было 9), при чем первый обвинялся в том, что «соглашался со всем купечеством предать город злодеям». Но, повторяю, их поведение может быть вполне объяснено вышеуказанными побуждениями. Там, где зажиточные купцы могли удрать, они спешили это сделать. Южнее Саратова, в г. Дмитриевске, за два дня до прихода Пугачева, по донесению коменданта, «обыватели из купечества лучшие, все оставя свои дома, неведомо куда скрылись».

Мы знаем, что в городах изучаемого края купечества почти (в некоторых городах — совсем) не было. Но в перечне пострадавших от пугачевщины в городах мы иногда встречаем купцов, подвергшихся общей участи богатых людей — разграблению их домов. В г. Троицке елатомский купец Кокорев понес убытки на 135 рублей; в Верхнем Ломове пострадало 7 купцов (шесть местных и один касимовский), из которых ратман Ив. Баранов, как отмечает ведомость, сражался против пугачевцев, а другой, Мирон Баранов, понесший убытку на 1931 руб., «от злодеев укрывался»; более всех потерял здесь купец Шеляпудин — на 2800 руб. (сам был в Тамбове). Елатомский купец Умнов по дороге, в Шацком уезде, был ограблен крестьянином экономического села Спасского Масловым, который намеревался сверх того отвезти его «в злодейскую партию», — но Умнов как-то избавился от этого ⁹⁹.

Но мы видели и других купцов, Дубцева и Тр. Евсевьева, очень активно действовавших в рядах восстав-

---

⁹⁹ „Материалы“ Грота. Собр. соч., т. IV, стр. 635; *Труды Сарат. Арх. Ком.*, в. 30, стр. 38; *Ворон. Музей*, кн. 127, л. 365—366 и 151—158; *Тамб. Ист. Архив*, № 3675 (ведомость шацких колодников).

ших. Относительно второго мы знаем его имущественное положение: это был бездомный батрак, в детстве бежавший из родного города. Едва ли много богаче его был инсарский купец и пугачевский атаман Дубцев: выше отмечалось (гл. I), что купцы г. Инсара в 1766 году жаловались, что у многих из них «нет торгов, ремесл и промыслов, даже и домов», и что после указа 1775 года, повелевавшего записывать в купечество лишь тех, у кого будет капитала не менее 500 рублей, в Инсаре оказался только один единственный купец¹⁰⁰. Вероятно, тоже батраком был елатомский купец Дмитрий Семенов, принимавший участие в разгроме дома керенской помещицы вдовы Дубенской, в партии численностью в 12 человек, под командой ясашного крестьянина Малахова. Всех их так же, как и вышеупомянутых церковников, можно отнести к деклассированным элементам тогдашнего общества: они отбились от того занятия, которое полагалось их сословию, и стояли на самом низу социальной лестницы.

Гораздо многочисленнее, чем купечество, было в здешнем крае сословие о д н о д в о р ц е в. Вопрос об их отношении к пугачевщине не менее важен и интересен, чем вопрос о роли духовенства.

С одной стороны, выше было указано, что в таких районах, как Нижнеломовский уезд, большинство пострадавших владельцев были выслужившимися о д н о д в о р ц а м и; некоторые из них, как Тамбовского уезда Травин (владелец 13 душ), активно участвовали в подавлении восстания. Но пострадали и некоторые о д н о д в о р ц ы, не имевшие ни офицерских чинов, ни душ.

---

¹⁰⁰ На канатной фабрике в г. Павловске (Воронежской губ.) двое работников сбежали к Пугачеву при помощи своего товарища по работе, числившегося елецким *купцом*. — „Пугачевщина“, т. II, стр. 244 (№ 82).

Так, в однодворческом селе Коростелеве (жители которого вообще выказали полное сочувствие восстанию) был ограблен дом Матвея Мишина, у которого не было вовсе душ ни в Коростелеве, ни где бы то ни было, и повешен его сын, отставной капрал Василий Мишин (отец был в отлучке «для некоторых своих нужд»). В доме было захвачено денег серебряной и медной монетой на сравнительно большую сумму — 1.608 р. — да платья, холста и прочего на 179 р. 80 к. Вероятнее всего, что Мишин занимался торговлей (или ростовщичеством). В с. Нижнем Ломове пострадали два однодворца (убыток на 103 и 105 руб.), в с. Атмисе и с. Тархове, Нижнеломовского уезда — 4 однодворца (убытки от 22 до 271 р.), в Верхнем Ломове — трое (от 20 до 50 р.), в Керенске — двое братьев Кубасовых, из которых один защищал город, а другой «от страху находился в разных местах» (у них сгорели дома, убыток на 316 р.). У всех перечисленных однодворцев душ не было вовсе; особенно богатыми, судя по цифре убытков, их тоже назвать нельзя (кроме Мишина). Живя частью в городах, частью в селах, они занимались, вероятно, земледелием и, может быть, торговлей и были чуть-чуть позажиточней своих собратьев: этого оказалось достаточно, чтобы за одно со многими другими пострадали и их дома; лично никто из них не пострадал¹⁰¹.

Но в массе однодворцы отнеслись к пугачевщине, несомненно, сочувственно и в целом ряде случаев очень активно проявили свое сочувствие. В упомянутом селе Коростелеве (где был повешен пугачевцами однодворец Мишин) однодворцы оказались «злодейской шайки последовательми», почему сюда была направлена специальная команда майора Колычева, которой коро-

---

¹⁰¹ *Ворон. Музей*, кн. 127, листы 69 об. — 71—120 об.—121, 130 об. — 131, 139 об. — 140, 155 об. 156, 289—290.

стелевские однодворцы были «по наказанию в должное повиновение приведены». В с. Ржаксе, тоже Тамбовского уезда, однодворцы по наряду дали из своей среды подводчиков явившимся «злодеям, называемым казаками», которых было всего шесть человек. В с. Рамзе, Шацкого у. (Залесского стана), как мы уже видели, однодворцы совместно с помещичьими крестьянами «во время приезде злодейских шаяк все с ними согласны были», принесли присягу через тамошнего священника, и некоторые уехали с пугачевцами; а остальные еще в сентябре ожидали к себе «те злодейские шайки». В соседних вотчинах Лунина побывали «во многолюдстве» партии, в которых «много находилось однодворцев и прочих соседних сел и деревень крестьян», и разгромили дом, суконную фабрику и конский завод. В пугачевской партии казаком был и однодворец Кондраков, с. Карай Пущин, того же уезда и стана; а однодворческий сын с. Хорошавки, тоже Шацкого у. и Залесского стана, Степан Репин, несмотря на свою молодость (20 лет), оказался даже предводителем партии.

Так было и в более северных частях края. Мы видели (гл. II), как энергично помогали восставшим однодворцы, жители г. Керенска, Наровчата и Нижнего Ломова. Еще севернее, в г. Темникове, однодворцы «общес злодейской партией» ограбили поверенного питейных сборов. Однодворец г. Троицка Василий Мордовин участвовал в убийстве троцкого воеводы Столповского; кроме него, еще 7 однодворцев г. Троицка были наказаны «плетьюми нещадно» (к сожалению, мы не знаем, за что) по конфирмации графа Панина 6 ноября 1774 года¹⁰².

¹⁰² Ворон. Музей, кн. 127, л. 70—71, 76—79; кн. 126, л. 13 и 13 об; ведомость шацких колодников, см. приложение В; Тамб. Ист. Архив № 1659 и № 3419, л. 90 об. (п. 1246). Беляев, указ. статья, стр. 165—168, прим.

Тут важно отметить, что в ряде селений со смешанным населением однодворцы действуют дружно с помещичьими и дворцовыми крестьянами. Очевидно, что чисто-классовое, экономическое, деление общества уже заслонило собой старое, сословное; и эти потомки московских служилых людей в подавляющем большинстве действуют солидарно с крестьянами, экономическое положение которых было, по общему правилу, то же, что и однодворцев.

Особенно близко к однодворцам стояли различные разряды государственных крестьян (впоследствии, как известно, однодворцы и официально были зачислены в государственные крестьяне). Мы уже знаем из второй главы, что Краснослободский, Троицкий и Наровчатский уезды были сплошь заселены дворцовыми крестьянами и что здесь восстание охватило все население. В городах Троицке и Наровчате правительственные войска встретили активное сопротивление жителей — однодворцев и дворцовых крестьян. Одним из самых беспощадных пугачевских атаманов был хорошо знакомый уже нам Яков Иванов, крестьянин дворцового села Кочелаева, Наровчатского уезда.

Та же картина повторяется южнее, в дворцовых и экономических селах и деревнях по рекам Вороне и Хопру. В одном из них, дворцовом селе Гавриловке, жители задержали нескольких дворян, бежавших из своих вотчин и проезжавших через него со своим «экипажем» (т.-е. имуществом), и выдали их приехавшей к ним пугачевской партии в 30 человек; за это старосте и прочим гавриловским крестьянам «по обстоятельству каждого вины должны наказания учинены». Жители большого дворцового села Кирсанова (ныне уездный

город Тамбовской губернии) и соседних деревень Скачихи и Умета оказались не только «согласными с разбойниками под именем изверга-злодея Пугачева» в разгаре восстания, — но и позднее, в октябре, когда уже почти везде жители были приведены «в безмолвственное повиновение», оказались замешаны в убийстве офицера и двух солдат его команды, которая везла с собой пойманного атамана пугачевской партии с 10 человеками. Экономическое село Вертуновка на р. Хопре (Керенского уезда) было тем центром, куда пугачевские партии свозили своих пленных для повешения: так, сюда были привезены приказчик с женой и земский из вотчины княгини Волконской (того же уезда) и «оними злодеями и повешены». В большое дворцовое село Малыковку (ныне гор. Вольск) на берегу р. Волги, севернее Саратова, 9 августа приехало «известной злодейской шайки разной сволочи» человек 12 и здесь, присоединив к себе «подобных злодеев» малыковских дворцовых и экономических крестьян, разбили питейные дома, соль велели отпускать из соляных амбаров безденежно, а впредь — по 20 коп. пуд. Дворцовый казначей поручик Тишин был застрелен из ружья, и труп его повешен; на другой день нашли и убили его малолетних детей, двух мальчиков. 10 августа пугачевцы уехали, объявив, что вернутся с батюшкой Петром Федоровичем 12-го.

Наконец, важно отметить, что дворцовые и экономические крестьяне постоянно действуют солидарно с помещичьими; они не только помогают последним, но иногда и по собственной инициативе «истребляют» помещиков, которые лично едва ли имели с ними какие-нибудь счеты. Так, макаловские (Краснослободского уезда) крестьяне поймали проезжавшего из Саранска дворянина Степанова и «сами собой без злодейской

толпы» повесили. Та же участь постигла бежавшего из своей саранской вотчины помещика Д. Столыпина: его поймали дворцовые крестьяне села Шаверок (Краснослободского у.), повезли в с. Тенишево, оттуда его переправили через с. Гумны в Краснослободск, где и повесили.

Но среди дворцовых крестьян, как и среди однодворцев, уже налицо была некоторая имущественная дифференциация: некоторые, занимаясь торговлей, богатели и гораздо более заслуживали названия купцов, чем большинство принадлежавших к купеческому сословию. Они держались осторожнее, чем их односельчане, признавали государя Петра Федоровича в тех случаях, когда опасно было этого не делать, но иногда имущество их грабилось односельчанами. Так, в селах Плужном и Гумнах пострадали дома четырех дворцовых крестьян, из которых один — дворцовый крестьянин с. Гумен Петр Лиховидов — был, повидимому, важным и нелюбимым лицом в этой местности: в его доме было пограблено на 446 р. 60 к., а раньше, еще 1 июля 1774 года, были арестованы двое крестьян сел. Плужного по объявлению Лиховидова, обвинявшего их «в намерении для разбою помещика Приклонского». В упомянутом селе Малыковке пугачевцы разграбили не только казенные учреждения, «но чинили... и в хороших крестьянских домах разбои» и угрозами «привлекали малыковских первостатейных к питью вина и к поздравлению якобы Петра Федоровича»¹⁰³.

Среди дворцовых крестьян нам уже приходилось отмечать в качестве активных участников восстания

---

¹⁰³ Ворон. Музей, кн. 127, л. 89 и 321—225; кн. 126, л. 27 об.; Тамб. Ист. Архив, № 2954. Переписка Г. Р. Державина (академ. изд. собр. соч., т. V, №№ 180 и 185. Тамб. Ист. Архив, № 1022 ведомость краснослобод. колодников). Беляев, назван. статья.

новокрещен. Но рядом с ними мы видим также и оставшихся верными мусульманству татар. При этом мы не видим никаких признаков, чтобы движение их было националистическим: оно направлялось не против русских, а против соседей помещиков, а также просто богатых людей, среди которых были и русские, были и татары. Так, в августе 1774 года в д. Агеевку, в дом помещика князя Максютובה (Темников. уезда), явился «неведомо какой человек, который называл себя казаком», говоривший на татарском языке со своими спутниками, мурзами и татарами деревни Адаевой, в количестве около 30 человек. Они, во-первых, побили 14 окончин и всю господскую посуду (на скромную сумму в 15 рублей), а затем, сложив забранную добычу — несколько седел, хомутов, винный медный куб, 8 перин, подушки и прочую мелочь — на воза, повезли в свою деревню, при чем «из юных татар Мустафа Арсланов сидел на одном возу». В дом другого помещика Темниковского уезда, тоже татарина, Масея Надоршина сына Еникеева, 9 августа явилась партия в 30 чел. довольно пестрого состава: верховодил крестьянин с. Кушки, помещика капитана А. Машкова, Зиновьев, а рядом с ним был крестьянин регистратора М. Королькова Михайлов и татары — дер. Еник Абушай Аделяев (в другом документе названный Расляев) и дер. Старых Адлагулов Мусей Ишмаметов и Иштерьяк Мудменев.

Был ограблен в Темниковском уезде и богатый татарин д. Большой Шуструй — Байбек Лайшев: у него оказался убыток в 2.830 р. 60 к.; по его доносу, в разграблении его дома участвовал «общее с злодейской партией» татарин д. Старых Адлагулов — Алдеш Ахметьев. Словом, тут еще раз приходится отметить очень важное явление: национальные и рели-

грозные различия, как и сословные, стирались в пугачевском восстании, направленном против господствующих классов — помещиков, душевладельцев по преимуществу, но также — хотя и в меньшей степени — против вообще богатых людей, к какому бы сословию, вере или национальности они ни принадлежали¹⁰⁴.

Последнее обстоятельство красноречивее всего выявляется при рассмотрении отношения к пугачевщине самого многочисленного разряда крестьян всего края в целом — помещичьих. Их было больше всего среди восставших; из их среды вышли наиболее прославленные атаманы и полковники: Петр Евсевьев, братья Иван и Алексей Ивановы, Фирс Иванов. Но были среди них и жертвы восстания: это, обыкновенно, приказчики из крепостных, бурмистры, земские и прочие официальные представители крестьянских обществ, а, может быть, иногда и просто кулаки, так или иначе эксплуатировавшие односельчан. По крайней мере, в д. Ключи, Пензенского уезда, кн. Куракиных, по словам одного крестьянина, начальник пугачевской партии, сидя верхом на лошади, спрашивал у крестьян: «Нет ли у вас каштанов, мироедов и других каких съедуг, коих-де тотчас велю под застрехом повесить»; другой крестьянин тоже показал, что злодеи спрашивали «дому господского приказчика и земского, также нет ли из мужиков мирских съедуг». В данном случае это заявление не имело последствий: крестьяне ответили, что «таких людей в деревне у них нет»; но, конечно, в других случаях жалобщики могли и найтись¹⁰⁵.

¹⁰⁴ Тамб. Ист. Архив №№ 254, 256 и 1665, л. 88 об. и 92; Ворон. Музей, кн. 127, л. 358—359.

¹⁰⁵ Росс. Публ. Библ., рукопис. отд.; собр. Тиханова, № 75 (показания крестьян д. Ключей Дм. Степанова и Гр. Кокорина).

Среди колодников воеводских канцелярий мы встречаем помещичьих крестьян, сидевших по самым различным обвинениям: одни — «в сообщении с злодейской партией и в предательстве ко умерщвлению приказчика с женою», другие (в том числе староста)—в «догонянии» своего помещика «для отдачи в злодейскую партию к повешению и в подговоре к тому бывших при нем его дворовых людей»; крестьянин с. Тросянки, помещика Пестова, Максимов, обвинялся «в бытии им по желанию его в злодейской известного государственного злодея Пугачева партии и во умерщвлении разных помещиков и в грабеже пожитков» и т. д. (см. приложение — ведомость шацких колодников).

Выбирая имена всех участников пугачевщины с указанием, в чем они обвинялись, в конце-концов приходишь к заключению, что уходило в партии «в казаки» незначительное меньшинство. Большинство очень желало «не быть помещичьими»; на сходах выносили постановления о приглашении к себе пугачевских партий, выдавали им помещиков и приказчиков, наряжали понятых и подводчиков, — но в казаки шли преимущественно бездомные. Правда, иногда число ушедших из вотчины с пугачевцами достигало довольно высокого процента: так, у генерала Смирнова, владевшего в разных селах и деревнях Шацкого у. более 700 душ муж. и жен. пола, бежало и пропало без вести 49 человек, т.-е. 7% населения, не считая двух пойманных, которые умерли в воронежской тюрьме, конюха Гр. Селиванова и крестьянского сына Прокла Ермолова, которые были «лет молодых и в рекруты годные, коим цена полагается за каждого по 120 рублей». Вероятно, таковы же были и те 49 человек, о судьбе которых не знал их барин.

В других случаях процент ушедших в казаки значительно меньше. Так, из хоперских деревень князей Куракиных, с 937 душами м. п., «пошли в толпу» 8 крестьян; из сурских деревень, их же, в казаки не пошел никто — были взяты лишь подводчики. В вотчине т. сов. Лунина пугачевцы «сильно с собою в свою злодейскую партию побрали» многих конюхов, вероятно, в подводчики. В вотчине капитана Машкова, Инсарского уезда, в селе Дмитриевском (300 д. м. п.), пошли в казаки и пропали безвестно два чел. дворовых и двое крестьян; пугачевцами повешены один дворовый человек и один крестьянин; да по конфирмации графа Панина повешено двое; итого в убыли было восемь человек ¹⁰⁶.

Надо думать, что в таких сравнительно крупных вотчинах, как Смирнова и Машкова, дворовых людей было значительно меньше, чем крестьян; но их погибло у Машкова столько же, сколько крестьян, — притом и в качестве участников, и жертв пугачевщины. Это любопытная черта: дворовые люди часто стояли близко к господину, пользовались его полным доверием — и такою же ненавистью своих собратьев; с другой стороны, им чаще, чем крестьянам, было нечего терять, уходя в пугачевские партии.

Генерал Смирнов, исчисляя свои убытки, упомянул еще одного дворового человека — столяра Сидора Абрамова, который был повешен мятежниками в дворцовом селе Кирсанове, «за то, что мятежницкой шайки

---

¹⁰⁶ *Ворон. Музей*, кн. 127, л. 658 об.—660; кн. 126, л. 13 и 13 об. и 249. *Собрание Тиханова*, № 75. В Алатырском уезде из имения помещика Алымова, где побывал сам Пугачев со своей толпой, пошли за ним „самопроизвольно“ конюхов 17 чел. и крестьян 24 (с государственного конного завода было уведено 150 лошадей); однако недели через две почти все вернулись назад, объявив, что они в толпе были в обозе и „смертных убийств не чинили“. „Пугачевщина“, т. II, стр. 311 (№ 119).

атамана и есаула с другими его, Смирнова, служителями связали и ковали с намерением, чтоб везти в судебное место». Прапорщик Жуков тоже в списке убитков поставил своего повешенного дворового человека, который «был обучен грамоте и портному делу» и поэтому оценен им очень высоко — в 300 рублей. Его повесили, повидимому, пугачевцы; но, с другой стороны, мы знаем, что беглые лакеи в большом количестве были в толпе Пугачева у Саратова. В партии, пришедшей в куракинскую вотчину, д. Ключи, оказался «камардинер» помещика Акинфова, который подносил крестьянам в стакане вино, чтобы они пили за здоровье государя Петр Федоровича¹⁰⁷.

Но и сами помещики, и правительство — прекрасно понимали, что главную опасность для них представляли не столько эти пошедшие в казаки бесхозяйные и сравнительно немногочисленные элементы деревни, сколько та крестьянская масса, которая оставалась на своих местах, но расправлялась по-своему с помещиками и приказчиками, желая отныне «быть государевыми, а не помещичьими».

Один помещик в письме к известному поэту и усмирителю пугачевщины Г. Р. Державину указывал, что главная опасность грозит им от собственных крестьян: «Так взвесьте, которая тягость больше — злодейская ль толпа или внутренний яд бунтовщиков: от толпы кусты и болоты были спасением нашей жизни, а от внутренних бунтовщиков и того лишены».

Но и в тех селениях, где самих помещиков не было, крестьяне очень активно проявили свое отношение к помещичьей власти — и потерпели за это тяжелые кары.

---

¹⁰⁷ Ворон. Музей, кн. 127, л. 658 об. и 222—223. Собрание Тиханова, № 75.

В селе Кондровке генерал-адъютанта Нестерова, Темниковского уезда, крестьяне, предводимые старостой, взбунтовались, приказчика «били мучительно, устрашивая умертвить», и заставили его выдать господское имущество и деньги; затем в Кондровку прибыла команда и некоторым крестьянам учинила наказание; в том числе бывшему старосте, которого били кнутом с урезанием левого уха и выслали для работы в московский дом его господина. В вотчинах нижегородского губернского прокурора Нестерова в Темниковском и Нижнеломовском уездах крестьяне «взбунтовали и соучастниками с теми злодеями (были) сами и были при разорении и других селений, а состоящие дома мои и хуторы разорили»; при этом сельские власти опять-таки не только не удерживали крестьян, а напротив — «от них самих и большее разхищение учинено». Из крестьян Нестерова трое были повешены «за их злодейство» в г. Керенске (крестьянин Гр. Якимов с сыновьями), а двое померли в тюрьме¹⁰⁸.

Однако мы не в праве утверждать, что помещичьи крестьяне приняли более интенсивное участие в пугачевщине, чем дворовые и экономические, а также иноверцы и новокрещены. Можно сказать, что все земледельческое население одинаково горячо откликнулось на призыв к восстанию; и если в районах помещичьего землевладения мы встречаем пугачевские партии и их атаманов по преимуществу из владельческих крестьян, то в других районах участниками восстания оказываются дворцовые крестьяне, новокрещены, татары и т. д.

Так, среди колодников г. Краснослободска к 1 апреля 1775 года мы встречаем 13 человек, замешанных

---

¹⁰⁸ Переписка Державина, собр. соч., т. V, № 189 (стр. 174—175). Ворон. Музей, кн. 126, листы 10, 124 об., 322 и 322 об.

в восстании, из которых шесть новокрещен из мордвы, четверо дворцовых крестьян, два заводских крестьянина и один вольнонаемный заводский служитель; из них трое последних, а также двое дворцовых крестьян винулись «в бытии в злодейской партии казаками», три новокрещена обвинялись в том же, но признались только в том, что были там «в повощиках», остальные же участвовали в убийствах и грабежах, не уходя «в партию». В гор. Троицке оказалось в этот момент таких колодников 41 человек, из них — 20 дворцовых крестьян, 12 бобылей, 2 дворника управительского двора, 2 новокрещена, 1 дворовый человек, 1 неопределенный и 2 помещичьих крестьянина, виновных только в том, что принимали награбленное имущество; из перечисленных колодников обвинялись в том, что они пошли в казаки, только двое: дворовый человек убитого дворцового управителя В. Петров, 23 лет, вившийся «в смертном убийстве и в похищении из троицкой воеводской канцелярии денежной казны», и дворцовый крестьянин г. Троицка Д. Добринков, 25 лет, обвинявшийся подпоручиком троицкой штатной команды Протопоповым в бытии в злодейской партии казаком, а также «в брани и бесчестии оного Протопопова». В г. Кадоме оказалось всего два пугачевца, но зато весьма активных: известные нам купец Трофим Евсевьев, 20 лет (принимал участие в умерщвлении 13 человек), и церковник Лев Игнатьев, 30 лет (убил 9 человек).

Несколько раньше, 6 ноября 1774 года, граф Панин подтверждал список приговоренных к разным наказаниям (от плетей до виселицы) участников восстания из Темниковского, Троицкого и Краснослободского уездов. В этом списке значится 38 человек, из них 11 новокрещен из мордвы, 10 помещичьих крестьян

(8—Темниковского уезда), 7 дворцовых крестьян, 7 однодворцев г. Троицка, 1 экономический крестьянин, 1 татарин и 1 попов сын¹⁰⁹.

Но если помещичьи крестьяне не более интенсивно участвовали в пугачевщине, чем другие земледельцы, то зато несомненно, что они тяжелее других заплатились за нее. Кроме правительственного террора, им пришлось испытать месть помещиков, а также их стремление возместить свои убытки. В ноябре 1774 года служитель капитана Машкова просил темниковскую канцелярию о присылке для приведения крестьян «в должное повиновение и для наказания по их винам за плечного мастера»; в декабре упомянутая канцелярия получила уведомление, что крестьянам генерала Загряжского «заплечным мастером нещадное наказание учинено».

В письме к Державину от 23 октября 1774 года М. Лодыженская пишет, что ее знакомая, помещица А. А. Карамышева, сердится на него по следующей причине: «Мужик, который у вас содержался после Пугачева, был у нее в деревне и повесил ее выборного; она всю вину кладет на вас, для чего он не повешен, и теперь живет в городе, боится ехать в деревню. Не можете ли его поймать и избавить (ее) от такого страху»¹¹⁰.

Однако, когда помещики несколько успокоились, чувства мести и страха должны были уступить экономическому расчету. Следствие и суд надолго, а то и навсегда отрывали крестьян от земледельческих работ, что было невыгодно и их хозяину. Поэтому, например, в следующем 1775 году мы встречаем харак-

¹⁰⁹ Тамб. Ист. Архив, № 1022 и № 274. Беляев, назв. статья, стр. 165—168, прим.

¹¹⁰ Тамб. Ист. Архив, № 3419; п. 1214 и 1326. Собр. соч. Державина, т. V, стр. 243 (№ 266).

терную челобитную помещицы Татариновой, которая просила шацкую воеводскую канцелярию освободить ее крестьян, «по неимению винности, без всякого наказания и о нечинении посылок за прочими крестьяны в д. Липяги, как оные пришли ей собою в должное послушание и повиновение».

Еще более характерно письмо камергера Талызина к губернатору Шетневу, где он просил прекратить дело о его крестьянах с. Такмова (Темниковского уезда), ссылаясь на манифест 17 марта 1775 года, которым «повелено таковые дела предать забвению и глубокому молчанию». Его крестьяне в челобитной своему господину признались, что во время пугачевщины 30 человек из них были посланы старостой «в лес для ловли дворянства» и тут встретили новокрещен д. Пшенова, дворцовых крестьян с. Шувар и помещичьих крестьян д. Полянок, всего 71 человек, которые везли жену дворцового управителя с деньгами и пожитками. Добычу по-братски разделили; на долю 30 талызинских крестьян пришлось каждому по 90 руб. денег, а также кое-что из платья и посуды, — за что с них было взято в пользу «всего мира» с. Такмова с каждого по 40 рублей. Когда затем к ним явилась правительственная команда, начальник которой посулил им за это кнут и виселицу, такмовские крестьяне собрали сход и «по совету от всего миру» написали темниковскому воеводе, что «по неволе злодейской посланы были наши крестьяне для одного виду, а не для ловли, а деньги якобы мы взяли в мир для объявления в канцелярии». Просьба Талызина была уважена: Шетнев предписал темниковской воеводской канцелярии отпустить арестованных крестьян с. Такмова ¹¹¹.

---

¹¹¹ Тамб. Ист. Архив, № 1665, реестр на 10 сентября; там же № 263.

Таким образом, хозяйственный расчет побуждал помещиков прекращать уголовное преследование своих крестьян. Зато с тем большим рвением они старались возместить за их счет свои убытки.

В с. Ключи, Пензенского уезда, кн. Куракиных, с ряда крестьян был взыскан в пользу владельцев штраф, размеры которого колебались в зависимости не столько от вины, сколько от зажиточности каждого. Так, один крестьянин был оштрафован на 30 рублей за то, что подошел к толпе и выпил поднесенный ему камердинером соседнего помещика стакан вина (вероятно, за здоровье нового царя); другой за ту же самую вину, как «достаточный мужик», заплатил гораздо больше: с него велено «взять в приход помещичий» 200 руб.; третий, тоже, повидимому, зажиточный крестьянин, приехав из Пензы впереди пугачевской партии, не выходил из своего двора, находясь под впечатлением виденного им зрелища, «как казнены были в Пензе крестьяне господина Салтыкова». С него, тем не менее, взыскали штрафа 150 рублей, так как «ему надлежало, прискакав домой, объявить, чтоб злодеев столь малое число взять». Всего в куракинских деревнях по р. Суре было взыскано штрафа в приход помещичий 950 рублей, не говоря уже о недоимке по оброку в 300 рублей, которую следовательно «со строгостью взыскал»; в их же деревнях на р. Хопре господский дом был приведен за счет крестьян в прежнее состояние, а за разграбление приказчика их заставили заплатить 600 рублей.

Вероятно, так поступали и другие помещики. Характерно, что правительственной ссудой, согласно указу 17 марта 1775 года, они не спешили пользоваться. Мы имеем ведомость, составленную 15 октября 1775 года о том, кому из пострадавших от пугачев-

цены выдана была ссуда: в ней значится всего 20 имен, по большей части крупных помещиков. Первыми получили П. С. Валуев — 11.920 рублей и Р. Р. Кошелев — 14.000 рублей (кстати сказать, у Кошелева все крестьяне, а у Валуева — часть состояли на оброке, и по инструкции они должны были бы поэтому получать ссуду в последнюю очередь); среди остальных встречаем имена кн. Е. Р. Дашковой, кн. Волконской, генерала П. Н. Нестерова, купцов Никоновых (владельцев Инсарского железного завода) и других. Это были богатейшие люди в империи, которым легко было уплатить ссуду с процентами. Гораздо труднее было сделать это мелкопоместным владельцам, которые, повидимому, отказались в большинстве от предлагавшейся им ссуды. По крайней мере, так можно заключить из некоторых ведомостей, где при показании имущества оставшихся сирот отмечалось, желают ли они, или их опекуны, взять ссуду из банка: в ведомости по Инсарскому уезду такие отметки имеются в трех случаях — все отрицательные; в Верхнеломовском уезде из шести ответов только один положительный. Не пожелавшие получить ссуду — по большей части мелкие владельцы: например, у вдовы позешенного князя Чюрмантеева осталось после мужа всего 4 души, а у сына «употребленного» вместе с женой майора Мерзлятьева — всего 2 души. Некоторые мотивировали свой отказ: так, вдова прапорщика Волженского (у ней в разных деревнях Керенского уезда 74 души) заявила, что денег из банка не желает, а желает «поправление сделать собою, и от тех же своих крестьян, без взятия из банку»; то же заявила вдова Дубасова ¹¹².

---

¹¹² *Сборн. Тиханова*, № 75. *Ворон. Музей*, кн. 126, листы 105—106, 203 об.—205, 26 об.—208, 208 об.—209, 212 об.—214, 215 об.—217.

Таким образом, «поправление» помещичьих хозяйств происходило за счет их крестьян. А ведь крестьянам надо было поправлять и свое хозяйство, сильно пострадавшее в пугачевщину...

Последнее пострадало, главным образом, не потому, что их грабили пугачевские партии. Это бывало, иногда даже на не малую сумму; например, в оброчном селе Лалтрык жены камер-юнкера Загряжского (в Шацком уезде, близ Саратова) «у крестьян пограблено лошадей, денег, платья и всякого скарбу» на 2.579 руб. 60 коп.; в с. Чернавке, Шацкого уезда, у крестьян поручика Арбенева взято денег 1.750 рублей. О том, как пострадали малороссийские слободы на границах Донского Войска, указывалось выше (гл. II). Но, с другой стороны, в ведомости Тамбовского уезда, где систематически отмечалось (чего нет в ведомостях других уездов), потерпели ли имущественный ущерб помещичьи крестьяне, для 8 поселений сказано: «крестьяне в то минувшее возмущение никакого разорения не имели», и только в одном селе Вязовке крестьяне подпоручика Егора Сатина пострадали: староста «по многом мучении лишился собственных своих денег ста рублей», другие крестьяне лишились лошадей, хлеба и птицы; но в той же Вязовке у капитана М. Сатина (у которого имущества было пограблено на 2.686 рублей) крестьяне никакого разорения не имели.

Таким образом, по общему правилу, пугачевские партии не трогали крестьянского имущества. Исключения были, и нередко, — в этом нет ничего удивительного, если принять во внимание стихийность движения, отсутствие руководящего и контролирующего центра, а также неизбежное в таких случаях участие деклассированных и уголовных элементов. Д. Л. Мордовцев в своей статье о пугачевском полковнике Ива-

нове рассказывает, как Иванов столкнулся у села Одоевщины с шайкой другого «полковника» — Саврасова, которая жгла поселки и грабила крестьян. Саврасов, оказавшийся беглым копиистом сызранской воеводской канцелярии, прислал сказать Иванову, на его запрос, что он — верноподданный его величества Петра III. Иванов признал этот ответ «не дельным», так как «верноподданные его величества не чинят обид никому, токмо изменникам-дворянам»; между обеими партиями произошла перестрелка, кончившаяся поражением Саврасова, который был взят в плен и повешен¹¹³.

Но Саврасовы были все-таки исключением. Более значительный ущерб, чем от таких грабителей, крестьяне потерпели от самых добросовестных «верноподданных» самозванца, которые, ездя многочисленными партиями, толочили хлеб, забирали подводы, понятых, караульных в самое горячее рабочее время, когда надо было, с одной стороны, убирать хлеб с полей, а с другой — сеять озимь. В керенской вотчине полковника Р. Р. Кошелева «злодейские шайки во время того возмущения, ездя и имея при себе не малое количество лошадей, тот хлеб к единственному опустошению на пашне весь потравили и вытолочили, по цене господского на 2.000 руб. да крестьянского на 3.000 руб.»; поэтому владельцу пришлось купить на пропитание крестьян в течение зимы хлеба на 2.500 р. К тому же озимое поле крестьяне его засевали «в самую глубокую осень», так что во многих местах от наступившей стужи и всходов не оказалось; следова-

---

¹¹³ *Ворон. Музей*, кн. 127, л. 263—264, 279—280, а также 63—89 (ведомость Тамбов. уезда). В рассказе Мордовцева о Саврасове нет никаких ссылок на документы; возможно, что кое-что в нем является плодом фантазии автора, но едва ли он целиком выдумал этот эпизод.

тельно, жаловался владелец, и в 1775 году урожаю не будет, придется опять кормить крестьян. Такое же «великое помешательство и упущение времени» в посеве ржи было и в вотчине жены камер-юнкера Валуева: часть паханой земли оказалась без посева, часть засеяна в самую глубокую осень; на то же жаловалась княгиня Волконская: крестьяне будут три года без хлеба. Неудивительно, что в перечне помещичьих убытков мы часто встречаем указание на то, что из господских житниц растащено и пограблено значительное количество ржи, овса, пшена и прочего: население предвидело голод и торопилось запастись хлебом.

К этому надо прибавить потери крестьянства в живом рабочем инвентаре: лошади для военных действий того времени, когда не было железных дорог, автомобилей, аэропланов, телеграфа и тому подобного, нужны были в огромном количестве; и когда не хватало лошадей из помещичьих конюшен, пугачевские партии брали их у крестьян. В вотчине Валуевой с конского завода пугачевцы взяли 3 жеребцов, 20 кобылиц и 16 меринов и закололи на еду 15 черкасских быков и волов; но этого оказалось мало: «да у крестьян оной же госпожи Валуевой отогнано теми же злодеями лошадей 24» и поедено коров и быков 13. В большом имении сержанта Киселева, Нижнеломовского уезда (466 душ м. п.), было уведено с господского конского завода 110 лошадей и взято 1.500 четвертей овса; у его крестьян уведено 78 лошадей (ценой в 1.170 руб.) и взято 2.400 четвертей овса (на 4.800 рублей) ¹¹⁴.

Помещикам помогало поправить свое хозяйство правительство, предлагавшее им ссуду. Крестьянам

---

¹¹⁴ Ворон. Музей, кн. 126, листы 151, 26, 7, 28, 222—224, 139, 73.

никто ссуды не предлагал; напротив, они заплатили в конце-концов и за все убытки своих господ, так так деньги в уплату взятой ссуды помещики получали от своих крестьян. А некоторые из них, не пожелавшие взять ссуды, так прямо и заявляли (см. выше), что они желают «поправление сделать собою, и от тех же своих крестьян». Словом, пугачевщина, как всякое неудавшееся восстание, тяжелее всего ударила по тем, кто неудачно пытался сбросить власть господствующих классов. В этом смысле можно сказать, что главной жертвой пугачевщины являлось то самое крестьянство, которое было и главным ее участником.

Необходимо только подчеркнуть при этом, что здесь сейчас говорится о крестьянстве как к л а с с е, независимо от формальной принадлежности к разным сословным группам. Трудовое земледельческое население, эксплуатируемое своими владельцами, помещиками и казенными ведомствами (дворцовые и экономические крестьяне), и притесняемое сильными соседями из тех же владельцев (однодворцы), — вот кто составил основную силу пугачевщины на правом берегу Волги.

С другой стороны, необходимо еще раз отметить и то, что те, кто пошел в пугачевские «партии», в «казаки», составляли лишь незначительную часть той массы, которая так или иначе солидаризовалась с восстанием. Что касается именно этой части восставших — «казаков императора Петра Федоровича», то в применении к ней данная характеристика нуждается в существенных оговорках.

К сожалению, мы не знаем имущественного положения тех помещичьих, дворцовых и экономических крестьян, однодворцев, татар, новокрещен, которые

были судимы и казнимы за «бытие в злодейской партии в казаках». Можно только отметить, что среди них сравнительно часто попадаются лица таких сословных групп, которые лишены хозяйственных связей с местом своего жительства: помещичьи дворовые люди, церковники, инвалиды и заводские крестьяне, не имевшие своего хлебопашества. Большинство их — молодые, иногда — очень молодые люди: известному нам купцу Трофиму Евсевьеву было 20 лет, однодворческому сыну Репину, предводительствовавшему партией, — столько же; а вологодский цех Иван Мизгирев, служивший рабочим на Рябкинском железном заводе и ушедший в казаки, имел всего 15 лет. А рядом с ними находим и престарелых людей: упоминавшегося выше вахмистра инсарской штатной команды Фельшмана, 70 лет, и отставного солдата с. Тростянки Шетилова, тоже 70 лет, который обвинялся «в забрании из дворов дворян к отвозу для вешания в злодейскую партию». Все перечисленные пять человек не были крепостными: это были лично свободные люди; но, очевидно, их экономическое положение было таково, что они добровольно пошли «в казаки», так как им нечего было терять. Немало было в пугачевских партиях и выпущенных из тюрем колодников, которые были в таком же положении.

В частности весьма заметно участие в пугачевских партиях представителей того класса, который в сословном обществе является явным признаком начинающегося разрушения: класса вольнонаемных рабочих, рекрутирующегося из всех сословий. Сельским батраком был кадомский купец Трофим Евсевьев; на железном заводе Краснослободского уезда состоял служителем цех далекой Вологды Иван Мизгирев. Можно привести еще целый ряд примеров;

о похождениях полковника Евстратова мы знаем из показаний двух участников его партии — крестьянина Воронова, много лет тому назад бежавшего от своего помещика и жившего с тех пор наемной работой на разных заводах, и Егорова, крестьянина Темниковского уезда, жившего в г. Троицке в работниках у местного канцеляриста. Краснослободская канцелярия требовала прислать ей служителя Виндреевского железного завода Ивана Григорьева, по оговору пойманного цеха г. Вологды Мизгирева «в приеме означенным Григорьевым в бытность на Виндреевском заводе той злодейской партии у атамана, Инсарского железного завода литейщика Савелия Мартынова, разбойнических пожитков». На заводе Григорьева не нашли, и по ревизским сказкам «такового в написании не оказалось». Последнее не удивительно, если предположить, что Григорьев был не прикрепленным к заводу или заводчику, а вольнонаемным рабочим.

К Виндреевскому заводу было приписано по 3-й ревизии 117 человек, из которых два мастеровых было убито пугачевцами (к сожалению, нет указаний, — за что); мы знаем, что на Виндреевском заводе бывали и вольнонаемные, но сколько — неизвестно. Бывшая на заводе пугачевская партия взяла с собой до 60 заводских крестьян в понятые, «а пятеро самоизвольно пошли к ним в казаки»; оставшиеся пришли «в великое возмущение» и, «обнадеясь на то, что будут от завода отрешены, и от работ отстали, и завод не действует». Только в декабре 1774 года в темниковскую канцелярию поступил рапорт солдата Никитина, что он на Виндреевский завод ездил и «того заводу мастеровых и работных людей в должное повиновение к тому заводу привел». И с Ангарского и Сивинского железных заводов двое крестьян заводчика, купца Миля-

кова, винились «в бытии ими в злодейской партии казаками». Но все эти заводские крестьяне по своему юридическому положению стояли ближе к помещичьим крестьянам, чем к пролетариату. Тут перед нами опять-таки протест против крепостного права, надежда на «отрешение от завода».

Зато вполне классовый характер имело волжское бурлачество, вербовавшееся из всех сословий, но образовавшее особую социальную группу со своей определенно выраженной физиономией. Это был тогдашний лумпен-пролетариат, или, употребляя термин более ранний, XVII века, — голытьба, «голутвенные люди», которые массами примыкали к предшественнику Пугачева — С. Разину¹¹⁵.

Когда пришли первые известия о переходе Пугачева на правый берег Волги, нижегородский губернатор Ступишин высказал большое беспокойство по поводу присутствия множества бурлаков, «кои на судах к Нижнему приходят», заявляя, что «для сего более всего Нижний должен быть подкреплён войсками». Когда Пугачев со своей толпой вышел на Волгу у Саратова, к восстанию присоединилось множество бурлаков как в самом Саратове, так и из ближайших пристаней выше и ниже Саратова. В село Малыковку (выше

---

¹¹⁵ Старый тип удалого голутвенного казака XVII века, промышленящего „добыванием зипунов“ вооруженной рукой, в это время сохранялся, главным образом, среди малороссиян, не знавших еще крепостного права. Мы имеем допросы двух малороссиян, обвинявшихся в желании пристать к Пугачеву. Один из них, Иван Шевченко, винился во многих воровствах и разбоях и в желании „прилепиться“ к самозванцу для истребования от него „повеления о построении в казачьих пустых юртах крепости“. Ту же мысль о создании особого казачьего войска по образцу Запорожского или Донского (каким оно было свыше 100 лет тому назад) мы видим в допросе другого малороссиянина, Дудкина, который с четырьмя товарищами поехал „в команду Пугачева, ибо-де он набирает вольное войско“. *Протокол Общ. Собр. Тамб. Арх. Ком.* 21 апреля 1889 г., приложение стр. 92 (№ 57) и *Тамб. Истор. Архив*, № 1656.

Саратова) 9 августа, как мы уже видели, приехала партия в 12 человек, которая присоединила к себе прежде всего колодников, выпущенных из-под ареста; затем началось распитие казенного вина: они велели всем жителям, «а особливо сшедшим с соляных судов работникам и приехавшим на базар, пить и поздравлять государя Петра Федоровича, кои пили и поздравляли». 10-го они уехали с присоединившимися к ним малыковскими крестьянами и сшедшими с соляных судов бурлаками. Ниже Саратова у Пугачева уже оказалась целая флотилия, которая принимала участие в бое под Царицыном: по донесению царицынского коменданта, ему удалось преградить дорогу и не дать спуститься к Пугачеву судам и лодкам, на которых «сволочи более тысячи было».

Были, наконец, в пугачевской партии и просто уголовные элементы. Таковым был уже известный нам попович Лев Игнатьев; дворцовый крестьянин Данила Степанов, по прозвищу «Гляделка», обвинялся не только в том, что вместе с товарищами изловил проезжавшего мимо его села помещика Столыпина для отвоза его в Краснослободск (где Столыпин был повешен), но также в трех татьбах: он украл у разных крестьян двух лошадей и 8 ульев пчел. В занятых пугачевцами городах выпускались из острогов колодники: вероятно, не мало из них пошло в казаки. Командир большой партии, приехавший в хоперскую вотчину кн. Куракиных, был, повидимому, из каторжников; по словам свидетелей, у него «обе ноздри были рваные». В Антиповской станице (на Волге, ниже Саратова) главная толпа, шедшая с самим Пугачевым, освободила 20 чел. каторжников, которые были там «для битья каменьев», и «отосланы к таковым же

каторжным на судно» (следовательно, они были не первые) ¹¹⁶.

Участие подобных деклассированных элементов неизбежно во всяком революционном движении, совершающемся в разлагающемся обществе. В эпоху пугачевщины сословный строй уже начал разлагаться, перерождаться под влиянием развития капитализма, который разрушал сословия и ставил на их место классы. Тут вполне уместно привести для сравнения слова Ф. Энгельса, написанные им по поводу работы Каутского, посвященной революционным движениям XV—XVI вв. в Германии: как главный ее недостаток, он отмечал «очень недостаточное исследование развития и роли стоявших совершенно вне феодальной иерархии деклассированных, находящихся почти на положении париев элементов, которые образуют самый низший, бесправный слой населения всякого средневекового города, стоящий вне земельной общины, феодальной зависимости, цеховых связей. Это трудно, но это главная основа, — ибо постепенно, вместе с разложением феодальных отношений, из нее развивается предпролетариат, который в 1789 г. в парижских предместьях произвел революцию» ¹¹⁷.

---

¹¹⁶ *Изв. Тамб. Арх. Ком.*, в. 34, стр. 82—83, 94—95; в. 36, стр. 44—46. *Тамб. Ист. Арх.* № 3418, п. 1233, и № 1022, л. 25—26. *Дубровин*, т. III, стр. 106. *Соч. Державина*, т. V, стр. 3. *Русск. Вестник*, 1869 г. ч. 3, стр. 396. *Мордовцев* „Пугачевский полковник Иванов“. *Собрание Тиханова*, № 75. После разбития Пугачева ниже Царицына, среди взятых в плен была выделена группа, „кто были начальники“. Из 12 поименованных в особом списке и бывших „в главной злодейской толпе“ почти все пришли с Пугачевым из-за Волги, по большей части — рабочие или каторжные; только двое оказались помещичьими крестьянами с правого берега Волги, причем один из них работал на кирпичном заводе в Саратове и тут присоединился к Пугачеву. „Пугачевщина“, т. II, стр. 204—211.

¹¹⁷ Ф. Энгельс. „Крестьянская война в Германии“. Госиздат, 1926, предисловие Д. Рязанова, стр. 8.

Но в том крае, который охватила в июле-сентябре 1774 года пугачевщина, эти элементы «предпролетариата» были слишком немногочисленны, чтобы, так сказать, задавать тон движению. Правда, в пугачевских «партиях» роль их была весьма заметна; но, как уже не раз подчеркивалось, «казаки императора Петра III», образывавшие «партии» (обычно малочисленные, в 5—10 ч.), составляли наиболее подвижную, но не главную силу восстания. Если оно приняло такой грозный для господствующих классов характер, то именно потому, что основная масса крестьянства, не бросавшая своего хозяйства, не уходившая «в казаки», очень выразительно проявила свое желание не быть помещичьими, а быть государевыми. Во главе этой массы стояли старые выборные крестьянского «мира», старосты, сотские и десятские, люди обычно солидные и в смысле возраста, и своего хозяйственного положения, которые заранее арестовывали приказчика, организовывали «встречу» казаков Петра Федоровича, наряжали для них понятых и подводчиков, стараясь все время действовать по закону, по традиции, чинно и солидно. Отсюда — та печать консерватизма, которая отличает это самое крупное революционное движение, какое было в России до начала XX столетия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Итогом настоящего очерка по истории пугачевщины на правом берегу Волги должно быть общее заключение о характере этого движения с социологической точки зрения. Мы познакомились с экономикой края во второй половине XVIII века, с лозунгами и образом действия восставших, наконец — с социальным (сословным и классовым) положением тех, кто принимал участие в восстании, а также тех, кто явился его жертвой. Остается сделать вывод.

Необходимо только предварительно оговориться, что этот вывод будет относиться не ко всему сложному комплексу явлений, известному в истории под именем пугачевщины, а лишь к части его, определенно ограниченной во времени и месте: мы разбирали то стихийное движение, которое с половины июля 1774 года захватило обширную область на правом берегу Волги и протекало вне непосредственного воздействия первоначального ядра и штаба революции — самого Пугачева и его ближайших сообщников, яицких казаков. Но оно было кульминационным пунктом

пугачевщины: в нем приняли участие наибольшие массы населения и с наиболее радикальным лозунгом «истребления злодеев-дворян». Поэтому, если желательно установить господствующую тенденцию пугачевщины, то следует обратиться к ее заключительной фазе, бывшей ее апогеем.

По ней, действительно, и составлялось до сих пор в науке и общественном мнении общее представление о пугачевщине. По Пушкину, это был типичный «русский бунт, бессмысленный и беспощадный». Для Герцена это было «национальное и коммунистическое» революционное движение русского народа. Для бунтарей-бакунистов 70-х годов это был идеальный прообраз анархического восстания, которое они мечтали снова зажечь своей агитацией для осуществления коллективизма, общинного начала, заложенного в духе русского народа.

В наше время, развеявшее последние остатки как дворянской сословной идеологии, так и народнической романтики, историческая наука начинает рассматривать пугачевщину с трезвой точки зрения раскрытия тех реальных интересов, которые могли вызвать это движение. И с этой точки зрения оно оказывается вовсе не «бессмысленным», а имеющим огромный объективный смысл — свержение крепостного права. Последнее же требовалось не для торжества «общинного начала», заложенного будто бы в духе русского народа, а для развития производительных сил в рамках буржуазного общественного строя.

Это — бесспорно; но, конечно, такая характеристика слишком обща и недостаточна. Буржуазными называют и коммунальную революцию средних веков, и французскую революцию конца XVIII века. Пользование социологическими понятиями в исторической

науке требует непременно́го дополне́ния их определе́- ниями, основанными на совершенно конкретном изу- чении условий данного места и времени. Сказать, что пугачевщина была буржуазным революционным движением, — значит сделать лишь первый шаг в ее определении.

Дальнейшие шаги в наиболее разработанном виде были сделаны в марксистской литературе в последнее время Г. Меерсоном. На основе анализа «эконо- мических тенденций» в России в третьей четверти XVIII века, он приходит к заключению, что пугачев- щина была «колониальной крестьянской революцией», организованной крестьянским торговым капиталом. Проводя резкую грань между «колонией» и «метро- полией» в тогдашней России (по реке Оке), он счи- тает, что «метропольному крестьянскому торговому капиталу чужда была революционная экономическая программа пугачевщины», так как здесь, в нечерно- земной части европейской России, торговля крестьян- крепостных находилась под покровительством их помещиков, материально заинтересованных в ее успе- хе. Отсюда вывод: «Революционной крестьянской ар- мии были заказаны пути за черту колоний: в случае вступления Пугачева на территорию метрополии, кре- стьянский торговый капитал, связанный с господству- ющим классом социально-экономическим симбиозом, с оружием в руках защищал бы крепостную скорлупу, в которой созревал»¹¹⁸.

Оставаясь в пределах материала настоящего очер- ка и не вдаваясь в оценку характеристики экономиче-

---

¹¹⁸ „Вестник Коммунистической Академии“, в. 13, 1925 г., ст. Г. Меерсона „Ранняя буржуазная революция в России (пугачевщина)“, стр. 105—106.

ского строя России того времени и деления ее на две части, резко отграниченные друг от друга, как «метрополия» и «колония», можно все-таки сказать, что такая характеристика социальной сущности пугачевщины в предшествующем изложении не находит себе подтверждения. Мы видим, что в Нижегородской губернии, где крестьянский торговый капитал имел очень большое развитие (может быть, наибольшее во всей России), — и притом именно «в крепостной скорлупе», — восстание встретило неменьшее сочувствие, чем в Воронежской и Казанской (см. в начале главы II). Современники — государственные деятели и частные наблюдатели — единогласно высказывали мнение, что Пугачева массы населения под Москвой ждали с величайшим нетерпением: граф Панин писал императрице в октябре 1774 года, что «готовность возмущенной черни к открытию себя тем же злодейским дерзновением распространялась не только по всем тем местам, в которых я и войска, мне вверенные, обращались, но простиралась она и за Москву»; немец, автор упоминавшихся (см. главу II) «Заметок», тоже считал счастьем, что Пугачев свернул на юг, а не пошел на Москву, где его ждало до 80.000 чел. сторонников из «распутной сволочи» (*liederlichen Gesindel*).

Несомненно, что торговцы-капиталисты из помещичьих крестьян не склонны были к восстанию; но, с другой стороны, едва ли они захотели и сумели бы организовать защиту своих господ вооруженной рукой, как думает Г. Меерсон. По крайней мере, мы знаем, что хотя крупнейший землевладелец Арзамасского уезда Салтыков, крестьяне которого имели большие капиталы, нажитые торговлей, и собрал для отпора пугачевским партиям «преданных прежде» своих крестьян несколько сот человек и повел их к

Нижнему, но одно известие о приближении мятежников обратило их в бегство. Остальные же дворяне Арзамасского уезда просто бежали, не сделав попытки организовать сопротивление ¹¹⁹.

Таким образом, имущая верхушка крепостного крестьянства не могла быть надежным оплотом своих господ против восстания. Основная же масса населения «метрополии» готова была примкнуть к восставшим при первой возможности.

Что предположения Панина и немца, автора «Заметок», о подготовленности почвы для восстания в самом центре государства, близ Москвы, были основательны, видно из рассказа Болотова. Он пишет в своих мемуарах, что в Москве все дворяне «удостоверены были, что вся подлость и чернь, а особливо все холопство и наши слуги когда не въявь, так втайне сердцами своими были злодею сему преданы, и в сердцах своих вообще все бунтовали и готовы были при малейшей возгоревшейся искре произвести огонь и поломя». Первого августа 1774 года сам Болотов находился в принадлежавшей царице Киасовской волости, Коломенского уезда, в 60 верстах от Москвы; в этот день пришла повестка, чтобы с каждых 100 душ были наряжены 2 человека вооруженных и отправлены в Коломну, куда, по слухам, приближается Пугачев. Жена и теща мемуариста охали, что самозванец перевешает их, как низовых дворян, и на людей нельзя положиться, так как они пристанут к мятежникам; Болотов мог утешать их только тем соображением, что

---

¹¹⁹ Сборник Рус. Истор. О-ва, т. 6, стр. 171.— „Bemerkungen über Esthland, Liefland, Russland“, 1792, S. 230—234, 250—251, примечание. См. выше, в главе I, о покровительстве Салтыкова своим крестьянам — торговцам.

у себя дома (в Каширском уезде) они были бы в еще большей опасности: «Там наши люди первые могли бы быть нашими злодеями и врагами, а здешним — мы сторона дело. Ничем мы им еще не нагрубили».

Но оказалось, что и киасовские крестьяне были настроены очень ненадежно. 4 августа, когда наряженные «улань» отправлялись в Коломну, Болотов вздумал напутствовать их «нотацией» и, обратясь к самому ражему и бойкому из них, сказал: «Вот этакому как бы не драться, один десятерых может убрать». «Да, — сказал он мне на сие, злодейски усмехаясь, — стал бы я бить свою братью. А разве вас, бояр, так готов буду десятерых посадить на копье сие». Болотов опешил от такого ответа и, «проглотив сию горькую пилюлю», должен был замять свою «нотацию», подумав про себя: «вот каковы защитники и оборонители в сердцах своих» ¹²⁰.

Итак, основная масса крепостного крестьянства («все холопство») была готова на восстание и севернее р. Оки. Крестьяне-капиталисты, действительно, преуспевали под покровительством своих помещиков и поэтому восставать были не склонны; но другое дело — вооруженной рукой сражаться за господ: этого, как видно из приведенного примера крестьян Салтыкова, они делать не могли, или не хотели. И действительно, положение крепостного, отсутствие всяких юридических гарантий своего имущественного положения, часто давало чувствовать себя даже самым крупным торговцам-крестьянам; вспомним, как взволновались крепостные Салтыкова, когда он собрался продать их (см. конец гл. I). О рядовых крестьянах-земледельцах и говорить нечего. Когда Пугачев перешел Волгу,

---

¹²⁰ „Записки Болотова“, т. 3, стр. 377, 436—437, 440—441.

пишет упомянутый автор немец, восстали все крестьяне, даже у тех господ, которые обращались с ними «с величайшей кротостью», так как они надеялись на передел помещичьей земли и на полное освобождение от повинностей и барщины.¹²¹

С другой стороны, как отмечалось в I главе настоящего очерка, в изученном нами крае торговый капитал как купеческий, так и крестьянский был сравнительно слаб. Здешние города были большими селами, а торговля находилась по преимуществу в руках не местных, а приезжих торговцев из Нижегородской губернии и из-за Оки. А самое главное: если здесь и жили кое-где сравнительно богатые торговцы, купцы и крестьяне, то они выступают перед нами не в качестве участников, а тем более организаторов повстанческих партий, но в качестве жертв пугачевщины (см. выше, в конце III главы).

Восстание на правом берегу Волги, стихийно разлившееся на много сотен верст вдоль и поперек, вовсе не было организовано «крестьянским торговым капиталом». В действительности пугачевщина была буржуазным движением не потому, что ее организовали будто бы торговцы-капиталисты, а потому, что, разрушая крепостной строй и, таким образом, расчищая дорогу капитализму, она раскрыла вместе с тем в рядовом крестьянстве, в среде мелких зависимых хозяйчиков, тяготение к превращению в настоящих независимых хозяев, эксплуатирующих наемный труд.

---

¹²¹ Следует еще раз подчеркнуть, что наиболее ненавистным видом барщины была фабричная работа, наиболее развитая в нечерноземной полосе. Как дружно откликнулись на призыв к восстанию крестьяне и „фабришные работники“ ряда селений Нижегородской губернии, видно из документа во II томе сборника Центрархива — „Пугачевщина“, II, № 138.

Очень выразительное доказательство-этому мы находим в записках другого современника пугачевщины — Д. Б. Мертвого.

Автор этих записок, сын помещика Алатырского уезда, пережил пугачевщину в возрасте 16 лет. Отец его был убит повстанцами, сам он с двумя маленькими братьями — взят ими в плен. И вот схватившие их люди сговаривались: старшего убить, а двух малолетних «отдать бездетным мужикам в приемыши». Д. Б. Мертвого удалось бежать, сговорившись с одним приставшим к партии из соседнего селения крестьянином, который взял с него слово, что он пойдет к нему в работники, за что будет усыновлен.

Тут перед нами стремление, разумеется, не к «уничтожению всякой эксплуатации», не к социализму, а к тому, чтобы заполучить себе работников (хотя бы и под именем приемышей) для эксплуатации. Такова была мечта крестьян в тот момент, когда им показалось, что «прошла пора» для дворян и наступило их время. Когда Мертвого обещал одному крестьянину, который отнесся к нему довольно милостиво, что он будет хлопотать впоследствии, чтобы тот не был наказан за участие в мятеже, — он получил грозный ответ: «Врешь, этому не бывать; прошла уже ваша пора» ¹²².

---

¹²² „Записки Мертвого“, стр. 3—24. Еще раз оговариваюсь, во избежание недоразумений, что данная в тексте характеристика имеет в виду только восстание на правом берегу Волги; что касается пугачевщины в начальном ее фазисе, на Яике и затем на Урале, то тут господствовали другие элементы, — хотя тоже не те, о которых говорит Г. Меерсон. О движении яицких казаков, башкир и приписных к заводам крестьян можно с полным основанием повторить слова Г. В. Плеханова, что оно „смотрело не вперед, — куда смотрело во второй половине XVIII века третье сословие во Франции, — а назад, в темную глубь прошедших времен“ („История русск. обществ. мысли“, т. III, стр. 96).

Неправы были бунтари-бакунисты, считавшие пугачевщину делом рук «разбойников», идеальных анархистов-коллективистов. Но также неправильно и стремление видеть в ней дело рук толстосумов-торговцев из крестьян. В действительности пугачевщина была гораздо прозаичнее и буржуазнее, чем предполагали революционеры-романтики 50 лет тому назад, и была более плебейским и аграрным движением, чем некоторые склонны думать теперь. Это было движение буржуазное по своей объективной цели (если можно так выразиться), но глубоко демократичное по социальному составу. Оно всколыхнуло широкие народные, преимущественно земледельческие массы, которые приняли в пугачевщине самое горячее участие; и их желания и интересы дают господствующий тон движению 1774 года на правом берегу Волги.

Губернии, провинции и уезды	1 Помещицы крестьяне	2 Однодворцы	3 Дворцовые крестьяне	4 Экономические крестьяне	5 Черносошные и ясашные крестьяне
I. Воронежская губ. уезды:					
1. Хоперский	18	808	—	—	—
2. Борисоглебский	445	6894	—	118	—
3. Тамбовский	12711	27097	32238	14057	180
4. Верхнеломовский	14374	6477	—	1487	—
5. Нижнеломовский	10277	16419	—	830	—
6. Инсарский	3657	1762	190	85	2108
7. Шацкий	106127	4710	—	9970	—
8. Наровчатский	10	808	4633	—	—
9. Троицкий	526	668	6659	50	—
10. Краснослободский	252	405	8855	242	—
11. Керенский	26498	2648	—	4497	10198
12. Темниковский	13314	495	1068	27	5696
Итого по 12 уездам Воронежск. губ.	188209	69191	53643	31363	18182
в %%	48,7%	17,9%	13,9%	8,1%	4,7%
II. Пензенский уезд Казанской губернии	119994	—	2524	4915	3725
в %%	71,5%	—	1,5%	2,9%	2,2%
III. Саратовская губерния (в границах 1782 г.)	95195	2548	11466	14845	21520
в %%	48,9%	1,3%	6%	7,6%	11%

Для Воронежской губернии цифры взяты из „Описания Воро-
1848 г.; для Пензенского уезда — из дневника путешествия акад.
Саратовского наместничества“, 1782 г. („Росс. Публ. Библ.“, рукоп.

В душах мужского пола.

6	7	8	9	10		11	12	Всего полож. в подуш. окл.
Новокрещены из мордвы и татар	Мурзы и татары	Пахотные солдаты	Мастеровые и при- писные к заводам	казенные	частные	Колонисты	Прочие	
—	—	—	—	2489	2079	—	—	5394
—	—	—	—	847	418	—	29	8751
—	—	—	—	732		—	—	87015
—	—	—	—	21		—	—	22359
—	—	—	—	27	9	—	2861	34423
4771	532	—	—	15		—	—	13120
—	580	—	—	448		—	3300	125135
—	—	—	—	—		—	—	5451
—	—	—	—	—		—	8	7911
—	—	—	9	—		—	78	9841
—	1116	—	—	177		—	—	45134
—	4966	—	485	19		—	58	26128
4771	7194	—	494	7281		—	6334	386662
1,2%	1,9%	—	0,1%	1,9%		—	1,5%	100%
22869	10389	2086	—	792	—	—	439	167733
13,6%	6,2%	1,5%	—	0,5%	—	—	0,3%	100%
21520	9903	6390	—	16133		14736	1972	194708
11%	5,1%	3,2%	—	8,3%		7,6%	1%	100%

нежской губернии“, 1777 г., напечатанного в Вор. Губ. Ведомостях Фалька; для Саратовской губернии — из рукописного „Описания отдел, F IV, № 68).

У е з д ы	Без душ		с 1—20 д.		с 21—50 д.		с 51—100 д.	
	всех потерпевших	из них убито	всех потерпевших	из них убито	всех потерпевших	из них убито	всех потерпевших	из них убито
1. Борисоглебский . .	—	—	2	1	—	—	—	—
2. Тамбовский	1	1	6	—	5	—	3	—
3. Верхнеломовский .	6	1	35	3	20	5	16	3
4. Нижнеломовский .	13	1	36	10	8	3	6	2
5. Инсарский	—	—	7	6	3	1	6	1
6. Шацкий	—	—	12	2	8	—	18	2
7. Керенский	—	—	29	1	15	2	13	3
8. Темниковский	1	—	6	1	9	—	14	2
Итого по 8 уездам:								
всех потерпевших . .	21		133		68		76	
из них убито		3		24		11		13

Примечание: в число убитых не включены жены и дети вла-

(Таблица составлена на основании поименных ведомостей по-
Гос. Музее, кн. 127).

владельцев в Воронежской губернии,
 тых в пугачевщину.

с 101—300 д.		с 301—500 д.		с 501—1000 д.		Свыше 1000 душ		Всего	
всех потерпевших	из них убито	всех потерпевших	из них убито	всех потерпевших	из них убито	всех потерпевших	из них убито	всех потерпевших	из них убито
3	1	—	—	1	—	—	—	6	2
2	—	—	—	—	—	—	—	17	1
10	—	2	—	—	—	—	—	89	12
4	—	2	—	—	—	—	—	69	16
5	—	2	1	1	—	—	—	24	9
10	—	6	—	2	—	1	—	57	4
16	—	3	—	—	—	2	—	78	6
18	1	3	—	1	—	—	—	52	4
68	2	18	1	5	—	3	—	392	54

дельцев, а также их приказчики (ср. выше, стр. 65).

страдавших владельцев; эти ведомости хранятся ныне в Воронеж.

Ведомость колодников, содержащихся в шацкой провинциальной канцелярии в декабре 1774 года.

Ниже приводится (в извлечениях) одна из ведомостей, ежемесячно посылавшихся провинциальными и уездными канцеляриями в губернскую и хранящихся ныне в Тамбовском Историческом Архиве (дело № 3675). В декабре 1774 года большинство арестантов в г. Шацке содержалось по делу об участии в пугачевском восстании. Однако я привожу также сведения о некоторых других колодниках (главным образом из числа задержанных раньше 1774 года), так как они важны в том отношении, что лаконически, но очень выразительно рисуют ту почву, на которой выросла пугачевщина: тут дворовые девки, умертвившие свою барыню, и крестьянин, арестованный за неявку господина в юстиц-коллегию, и самозванец-купец, об'являющий себя „директором“, и экономический крестьянин, убивающий соседа, когда его ловят односельчане, чтобы сдать в рекруты, и т. д.

№	С которого году, месяца и числа содержится		Сколько им отроду лет
1	1769 году июня 16	Шацкого уезду села Новой Островки, Самодуровка тож, прапорщика Льва Измайлова староста Семен Кадушкин . . .	31
2	„	крестьянин Григорей Кадушкин	20
3		женка Татьяна Иванова .	46
4		девки: Фекла Афонасьева .	23
5		Авдотья Гордеева .	22
Об'явлены при доношении от одного помещика их во умерщвлении ими жены его Измайлова Натальи Ивановой дочери, в			

№	С которого году, меся- ца и числа содержится		Сколько им отроду лет
6	769 году декабря 1	<p>чем они и признались, а ноября 11 дня 1773 году по полученному из государственной юстиц-коллегии указу последовавшему по представлению бывшего здесь прокурора Жилина производимое об них дело на рассмотрение отослано в воронежскую губернскую канцелярию ¹:</p> <p>Шацкого уезду села Троицкого, Гуровщина тож, маёра Петра Зайцева крестьянин Емельян Ананьин . . . . .</p> <p>Содержится в силу присланного из государственной юстиц-коллегии указу за неявку помещика его и за непредставление дворовых его людей Кириллу Федорова, Степана Андреева, которых велено выслать в оную коллегию ко следствию:</p> <p>Елатомский купец Михайла Кирпишников . . . . .</p> <p>Оный содержится в силе повеления его сиятельства господина генерал прокурора и ко-</p>	30
7	770 году июля 17		27

¹ В конце ведомости показана одна несовершеннолетняя того же владельца девка Марья Деянова, 12 лет отроду — „объявлена от реченного Измайлова во умерщвлении жены его Измайлова Натальи Ивановой дочери, токмо она в том не призналась, а содержится за неполучением на отосланное в воронежскую губернскую канцелярию к рассмотрению об ней и о протчих его Измайлова людех подлинное дело резолюции“. Приговор по этому делу был объявлен лишь в декабре 1775 года: смертная казнь была заменена им ссылкой „в работу“ в Оренбург и Сибирь (Тамб. Истор. Архив, № 1661).

№	С которого году, меся- ца и числа содержится		Сколько им отроду лет
9	772 году мая 2	<p>валера князь Александр Алек- сеевича Вяземского в назывании им Кирпишниковым себя ложно директором, о котором пред- ставлено к его сиятельству го- сподину генерал прокурору 770 году мая 18 дня а к его высоко- превосходительству г-ну гене- рал порутчику ковалеру и воро- нежской губернии губернатору Николаю Лаврентьевичу Шеш- неву 773 году декабря 17 дня по точию ни откуда резолюции не получено:²</p> <p>Села Архангельского, Чер- навка тож, однодворец Степан Ермолин . . . . . прислан при промемории ис тамбовской правинциальной канцелярии по неимению у него письменного виду, а от выбор- ного того села доношением объявлено, что он зарезал жи- вущем в том селе капитана Илью Ермолина, напротив чего онный Ермолин допросом пока- зал, что он то учинил при нападении его, обороняясь себя, и о том производится следствие, о котором по следствию на рассмотрение краткий экстракт отослан в воронежскую губерн-</p>	50

² На дело этого Хлестакова XVIII века посмотрели серьезно: в ведомости за март следующего 1775 года (Тамб. Ист. Архив, № 1022) сказано, что Кирпичников, по предложению Вяземского, „отправлен в Москву в Тайную экспедицию.“

№	С которого году, меся- ца и числа содержится		Сколько им отроду лет
10	ноября 12	<p>скую канцелярию точию еще указу не получено.</p> <p>Афонасей Савельев . . . . . прислан в силу государственной военной коллегии указу из саратовской каменданской канцелярии во отпирательстве капитана Андрея Никитина от крестьянства а в назывании себя беглым рекрутом отданным шацкой правинции кадомского уезду деревни Акбердеевой от помещика Ивана Бахметева ко утверждению со обоих сторон очевидным свидетельством, почему оной деревни Акбердеевой ис стороны капитана Никитина родственники его сысканы и спрашиваны и учиненной о том из дела экстракт со мнением на рассмотрение отослан в гдрьственную военную коллегию точию на то еще указу не получено.</p>	38
13	773 году ноября 22	<p>Шацкого уезду ведомства гдрьственной коллегии экономии села Сядемки крестьянин Кирила Яковлев . . . . . оной объявлен того ж села от старосты Павла Иванова в за колонии при поимке его Яковлева в рекруты оног ж села крестьянина Павла Тихонова который допросом в том признался коего по указу воро-</p>	30

№	С которого году, меся- ца и числа содержится		Сколько им отроду лет
19	774 году мая 7 и 15	<p>нежской губернской канцелярии велено с наказанием кнутом и вырезанием ноз(д)рей и с постановлением знаков сослать в Азов точию не сослан за неимением оказии.</p> <p>Кадомскому уезду села Каврес калужского ассесора Ефима Васильева сына Разнатовского крестьяне</p>	
20	„	Никита Ефимов	50
21	„	Пракофей Михайлов	60
22	„	Наум Федотов	65
	„	Аврам Алексеев	60
		<p>онные содержатся в возмущении и непослушание господина их означенного коллежского ассесора Разнатовского, и по секрету о которых по отосланному к его высокопревосходительству гдну генерал-порутчику ковалеру и воронежской губернии губернатору Николаю Лаврентьевичу Шетневу экстракту предложением велено оным крестьянам за показанное преступление учинить наказание кнутом вырезав нозри и поставя на лицах указные знаки сослать в вечную работу в Таганрог (точию не отосланы за неимением оказии).</p>	
23	Июня 22	Шацкого уезду села Агарева помещика князь Егора Кудашева крестьянин Захар Егоров	30

№	С которого году, меся- ца и числа содержится		Сколько им отроду лет
24	Июня 22	города Касимова купец Василей Курбатов	40
25	„	села Ракова помещика Дениса Кудашева крестьянин Исай Федотов	20
26	„	Села Мокрого помещика князь Алексея Иванова сына Гагарина Павел Сысоев . . . . . объявлены при доношении Шацкого уезду села Коверина вдовы помещицы Пелагеи Ермоловой от дворового члвка Потапа Семенова в приезде им в то село для разбою оной госпожи его, ис которых Захар Егоров Исай Федотов Павел Сысоев винулись в разных разбоях, а купец Курбатов толко, что он ехал для разбою судна и помещика Тюменева и пойман, о чем производится следствие и сыскиваются оговорныя.	20
35	1774 году сентябрь 19	Инзарской штатной команды вахмистр Федор Никитин сын прозванием Фелшман . . . прислан при предложении от его высокопревосходительства гдна генерал порутчика ковалера и воронежской губернии губернатора Николая Лаврентьевича Шетнева в догонянии по бывшему злодею Пугачева возмущению инзарского воеводы и о разглашении о бывшем импе-	70

№	С которого году, меся- ца и числа содержится		Сколько им отроду лет
37	29	раторе Петре Третьем и в протчем к следствию о чем и производится следствие ³ . Шацкого уезду села Чер- навки моеора Николая Колы- чева староста Аникей Парфе- нов	45
38	„	соцкой Афонасей Тимофеев . . присланы ис тамбовской пра- винциальной канцеляри в со- общении з злодейскою партиєю и в предательстве ко умерщвле- нии прикащика з женою о чем производится следствие и сыс- киваются оговорныя.	55
39	Октября 4	Шацкого уезду вотчины его высокопревосходительства Льва Александровича Нарышкина села Конобеева крестьянин Петр Семенов . . . . . объявлен при доношени одного же села Конобеева от земского Ивана Дмитриева в даче им гдна его крестьянам подложных отпускных билетов, которой в том и признался и на разсмотр- ение краткой экстракт ото- слан в воронежскую губерн- скую канцелярию, точию еще указу не получено.	35
40	10	Шацкого уезду села Хоро- шавки однодворческий сын Сте-	

³ В 1775 году Фельшман был освобожден без наказания и ото-
слан „в Инсарскую воеводскую канцелярию попрежнему“. (Дело
1775 г., реестр на 23 октября 1775 г.)

№	С которого году, меся- ца и числа содержится		Сколько им отроду лет
		пан Репин сыскан по доноше- нию села Красивки вотчины подполковника князь Ивана Щетинина старосты Михея Еремеева в предательстве ⁴ зло- дейской партии и в граблении общекрестьянских домов, в чем он учинил закирательство и о том производится следствие.	20
41	12	Села Спасского ведомства Коллеги Економи крестьянин Емельян Маслов . . . . . сыскан по доношению елатом- ского купца Петра Умнова в поймке его Умнова, едущего и в намерении к отводу в зло- дейскую партию и в ограблении денег, которой в поймке его Умнова винулся, а в намерении к отводу в злодейскую партию и во ограблении денег учинил закирательство, о чем произ- водится следствие.	50
42	13	Шацкого уезду села Рамзы отставной карнет Василей Де- ментьев сын Васильев . . . . . прислан при промемори ис там- бовской провинциальной канце- лярии в быти в злодейской	45

⁴ В октябрьской ведомости было написано сначала тоже „пре-
дательстве“, а потом исправлено „предводительстве“; в ноябрьской
ведомости написано „предводительстве“. Репин отделался легко: в
ноябре 1775 г. он был освобожден без наказания с „внушением“. Он
он впредь того не чинил.“ (Дело № 1661, реестр на 16 ноября).

№	С которого году, меся- ца и числа содержится		Сколько им отроду ет
		партий о коем производитца следствие.	
43	17	Козловского уезду села Стежек однодворец Данила Мельников объявлен при доно- шении Шацкого уезду села Ма- лого Ломовису ассесора Андрея Татарина от служителя Гав- рилы Ларионова в неимении письменного виду, которой ви- нился в краже двух лошадей и сыскиваются оговорные.	20
44	20	Шацкого уезду дровни Караю коллежского секретаря Петра Моисеева староста Савелей Никитин	30
45	„	крестьянин Александр Нем- цов . . . . . объявлены при доношении от оного секретаря Моисеева в догонянии его для отдачи в злодейскую партию к повеше- нию и в подговоре к тому быв- ших при нем Моисееве дворо- вых людей в чем они и вини- лись о чем учиненной экстракт какому они за то наказанию подлежат на рассмотрение ото- слан к его высокопревосходи- тельству гдну генерал порут- чику, ковалеру и воронежской губернии губернатору Николаю	40

⁸ В марте 1775 г. Васильев был „по невинности его из-под ка-
раула освобожден“ (дело № 1022).

№	С кóторого году, меся- ца и числа содержится		Сколько им отроду лет
46	20	Лаврентьевичу Шетневу точию на то повеления не получено. Шацкого уезду села Козь- модемьянского Карай Пущин тож однодворец Филипп Кон- драков	25
47	"	Села Никольского Тростян- ки тож оставной солдат Сте- пан Шетилов . . . . . присланы при промемори ис тамбовской правинциальной канцелярии в быти им в зло- дейской известного гдрьствен- ного злодея Пугачева парти а солдат Шетилов в забрани из дворов дворян к отводу для вешания в злодейскую партию о чем производится следствие.	70
48	23	Шацкого уезду села Усть Парцы моеора Александр Пет- рова сына Ханыкова крестьянин Архип Иванов . . . . . объявлен при доношении оного Ханыкова от служителя Никиты Фомина по показательству об- явленного ж от него кресть- янина Ермила Никитина в об- щей со оным Никитиным прозбе на прикащика Фому Никифо- рова приезжающей во оное село известного гдрьственного злодея Пугачева разбойниче- ской партии чрез что оной при- кащик и повешен в чем он и ви- нился и сыскиваются оговорныя.	50

№	С которого году, месяца и числа содержится		Сколько им отроду лет
49	Ноября 3	<p>Шацкого уезду села Никольского Тростянка тож, помещика Михайлы Пестова крестьянин Алексей Максимов . . . . .</p> <p>прислан ис тамбовской провинциальной канцелярии в быти им по желанию его в злодейской известного гдрьственного злодея Пугачева парти и во умерщвлении разных помещиков и в грабеже пожитков о котором на рассмотрение краткой экстракт к его высокопревосходительству и гдну генерал порутчику ковалеру и воронежской губернии губернатору Шетневу точию еще указу не получено.</p>	25
50	Ноября 4	<p>Ведомства лейбгвардии конного полку села Починок крестьянин Василей Данилов . . .</p> <p>прислан при промемори из находящейся во оном селе Починках при полковом конном заводе команды в связани и предательству ко умерщвлению в злодейские руки рейтара и в почитании злодея Пугачева за подлинного гдря в чем он и винулся почему учиненной экстракт какому он за то наказанию подлежит отослан на рассмотрение его высокопревосходительству гдну генерал порутчику Николаю Лаврентье-</p>	58

№	С которого году, меся- ца и числа содержится		Сколько им отроду лет
51	10	<p>вичу Шетневу то́чию на то резолюции не получено.</p> <p>Касимовского уезду села Царева поп Петр Ларионов . . прислан при доношении из кадомской воеводской канцелярии с подлинным об нем делом в разбое им Кадомского уезду дровни Богдановой ис татар новокрещена Алексее Ширинского з женою по которому чинится рассмотрение⁶.</p>	46
52	18	Шацкого уезду села Чернавки моеора Николая Колычева крестьянин Максим Михайлов	40
53	„	<p>того же села пономарь Федор Попов . . . . .</p> <p>присланы при репорта от порутчика Федота Мотякина в грабительстве ими под именем злодея Пугачева казаков господских домов о чем производится следствие.</p>	29
55	Декабря 22	Шацкого уезду села Чернавки моеора Николая Колычева крестьяне: Федор Перфильев	60

⁶ Из мартовской ведомости 1775 года (дело № 1022) выясняется, что поп Ларионов обвинялся не только в разбое, но и в убийстве Ширинского с женою. Однако, так как он „с мертвыми телами пойман и приведен не был“, канцелярия нашла возможным освободить его, отдав „на поруки грацким жителям“, и запросила воронежскую губернскую канцелярию: „повелено ль будет доследовать?“ Ответ неизвестен.

№	С которого году, меся- ца и числа содержится		Сколько им отроду лет
56	Декабря	Пракофей Яковлев	55
57	22	Иван Парфенов	50
58	„	Василей Алексеев	30
59	„	Тит Григорев	30
60	„	Иван Дорофеев	40
<p>сысканы по оговору гдна их старосты. Аникея Парфенова соцкого Афонасия Тимофеева в сообщени з злодейскою партиєю и в предательстве ко умерщвлению приказчика с женою о чем производится следствие и сыскиваются оговорные.</p> <p>Итого вновь вступивших 6 человек.</p>			

В ведомости шацким колодникам за март 1775 года указаны (кроме ряда обычных уголовных, обвиненных в убийстве и грабеже) еще три арестанта, прикосновенные к пугачевщине, а именно:

1	1775 г. генваря 7	<p>Шацкого уезду Залесского стану села Караю Пущина помещика Агапа Куркина крестьянин Тихон Иванов сын Копылов . . . . .</p> <p>прислан при промемори ис тамбовской правинциальной канцеляри в быти им Копыловым самоизвольно в злодейской парти, о котором из дела учиненной экстракт со мнением представлен к его в-ву гдну ген. пор. ков. и вор. губ. гу-</p>	25
---	-------------------------	--	----

бернатору Н. Л. Шетневу на рассмотрение точно на то резолюции еще не получено.

2 февраля
5

Шацкого уезду деревни Каменной моеора Андрея Кошелева крестьянин Степан Чепеленков сыскан по оговору села Чернавки пономаря Федора Попова крестьянина Максима Михайлова в грабительстве с ними обще под именем известного злодея Пугачева казаков гспдских домов в чем он и винулся и сыскиваются оговорные.

26

3 10

Пензенского уезду села Засешного помещика Ивана Ермолова дворовый человек Костентин Дмитриев . . . . .

40

прислан при промемори из тамбовской правинциальной канцелярии в быти им в злодейской парти в грабительстве Шацкого уезду села Перевозу надворного советника Ивана Мосалова дому и протчих, о чем производится следствие.

Выписка о кадомском купце Евсевьеве.

В Кадомской воеводской канцелярии выписано: «Прошлого 1774 году декабря 8 числа в присланной в кадомскую воеводскую канцелярию из верхнеломовской воеводской канцелярии промемории объявлено: того же де 1774 года октября 11 дня прислан при указе из тамбовской провинциальной канцелярии в ту верхоломовскую воеводскую канцелярию верхоломовского уезду села Охлебинина экономический крестьянин Трофим Евсевьев, который в оной верхоломовской канцелярии распрашиван.

А распросом показал: подлинно де Трофимом его зовут, Евсевьев сын, прозвания не имеет, отроду ему двадцать лет, родина его в городе Кадоме, купец, и в подушном окладе написан; и назад тому седьмой год, из того города без всякого письменного виду, сошед, пришел верхоломовского уезду в село Охлебинино ко вдове, дворянской жене Прасковье Ивановой дочери Веденяпиной, у которой и жительство имел.

И того 1774 года, а в котором месяце и числе, того не упомнит, приехали известной воровской пугачевской толпы разбойники человек с двадцать и больше, объявили, что де они государя Петра Федоровича, и государь де жалует всех, что де подушных и рекрут не будет десять лет; и поехали в дом помещика Семена Прохорова сына Охлебинина в небытность его в доме, и побыв в том доме малое время, и ис того села поехали, а он, Трофим Евсевьев, своею волею¹; и приехали обще с атаманом Яковым Ивановым с товарищи его, верхоломовского уезду в село Веденяпино ко

---

¹ Подразумевается добавление: „поехал с ними...“

двору помещика Борноволокова; и оный атаман Иванов с товарищи пошли в дом одного Борноволокова, а он, Трофим, оставя на улице для караулу у телег, и тот дом разбили; а при том разбое были того села все жители, а кто имянно, того не знает². А из того села приехали того же уезду в деревню Рузанову помещика Ивана Абрамова сына Богданова, в небытность его, дом разбили и пожитков взяли многое число³.

Из той деревни приехали в село Рузаново в дом помещицы вдовы Пелагеи Ивановой дочери Висленевой, и дом ее разбили; и по разбитии того дому дворового ее человека, а как именем и отчеством — не знает, столяра, оной атаман оной же помещицы крестьянам велел повесить, которого и повесили на воротах; а кто вешал по именам не знает.

Из того села приехали того же уезду в деревню Ульяновку в дом помещика Акима Васильева сына Иванчина и тот дом разбили, а его Иванчина оной атаман Иванов тесаком изрубил до смерти и по изрублении тако ж и жену его велел крестьянам его повесить, которые и повесили на воротах, а кто имянно вешал, не знает⁴.

Из той деревни приехали того же уезду в село Зубово и по приезде в том селе три дома помещичьи раз-

---

² Капитан П. Борноволоков проживал постоянно в Мос ^те имел в селе Веденяпине крестьян 73 души; по его заявлению, у не в доме было разграблено на 500 рублей. (Воронежск. Гос. Музе кн. 127, л. 163—164).

³ И. А. Богданов имел в с. Рузанове и других селах 410 душ; он был одним из богатейших помещиков края: убытки его и его сына от наезда пугачевцев были определены в 40.000 рублей. Сам он был в отлучке (Ворон. Гос. Музей, кн. 127, л. 187—188).

⁴ Поручик Аким Иванчин совсем не имел крестьян; за женой его и дочерью числилось всего 32 души. Сумма разграбленного (гл. обр., посуда и одежда) определена в 871 руб. 70 коп.; после убитых супругов осталось двое детей в возрасте двух и трех лет. (Вор. Гос. Музей, кн. 127, л. 203—206).

били, и по разбитии в том селе дворянина Петра Веденяпина с сыном его повесил оной атаман со крестьяны его, а как их зовут не знает.

Из того села приехали в город Наровчат в доме однодворцев: Афонасью Коровину, Степану, а прозванием не знает, Ефиму Бачкову, а пограбленные пожитки привезли в дома их, а куда девали те воровские пожитки ему не объявили, и из тех пожитков он, Трофим, не брал; и в том городе имелись дней с восемь.

И из того города приехали в город Нижний Ламов, не чиня разбоев; а на другой день поехали в город Верхний Ламов и наехали под тем городом близ реки Шуструя на другую воровскую толпу называемого полковником Михайлу Евстратова с толпою; и согласясь атаман и с полковником приехали в тот город, и близ города в околице того города многое число обыватели с попами, кои имелись в ризах и с образами и со кресты, с хлебом и солью встречали; и в том городе, как воеводский, так и воеводского товарища, секретарский, подьяческие и протчих чинов людей дома многое число разбили, а в городской крепости приказал обывателям вешать людей, которые и повесили трех человек, а кого имянно и кто вешал по имянам их не знает.

И по разбитии того города приехали в деревню Макаровку в дом помещицы вдовы Анны Филипповой дочери Разгильдеевой, в небытность ее в доме, и тот дом разбили и в том доме отставного солдата, а как его зовут не знает, оной полковник и атаман приказали той деревни крестьянам одного солдата повесить, коего и повесили, а кто имянно вешали, того не знает.

Из той деревни приехали в деревню Немировку и в той деревне незнаемо чей дом⁵ разбили и по приказу оных называющихся будто полковника и атамана одного человека повесили.

Приехали в деревню Федоровку в дом помещика Ивана Мещеринова и тот дом разбили, а его Мещеринова приказали оной полковник и атаман крестьянам его повесить, коего и повесили, а кто имянно вешали, того не знает.

Из той деревни приехали в село Стяшково к помещице вдове Аксиные Ивановой дочери Мещериновой и дом ее и тот дом разбили и по разбитии того дома поехали в деревню Тегаевку в дом помещика Ивана Вышеславцева в небытность его в доме том, дом разбили, а жену его те разбойники приказали крестьяном его повесить, кого и повесили крестьяне, а кто вешал, того не знает.

Из той деревни приехали в деревню Папышевку в дом помещика Петра Баскакова и в том доме имелись малое время, разбоя не чинили; да в той же деревне Анны Егоровой дочери, прозванием не знает, дом разбили, а ее по приказу вышеописанных разбойников крестьяне ее повесили, а кто имянно вешали, того не знает.

Из той деревни поехали в деревню Аксеновку и, нагнав на дороге вышеписанный помещик Баскаков с дворовыми своими людьми и со крестьяны, приехали все обще в дом помещика Александра Раевского и в небытность его в доме дом разбили и тем разбоем взяли пожитков многое число; и при том разбое были вышеписанного села Охлебинина дворовые люди Васи-

---

⁵ Это был дом дворянина П. Богданова, владельца 14 душ; убыток его был определен всего в 99 рублей 50 коп. (Вор. Гос. Музей, кн. 127, л. 197—198).

лий Зотов с сыном Петром и оный Зотов из разбойных пожитков наклав на собственную лошадь в телегу, а что имянно не знает, поехал в дом помещика⁶, а сын его Петр остался в той толпе; в то время в доме одного помещика Волженского вышеписанный помещик Баскаков во всю ночь играл в скрыпицу⁷.

Из того села оные полковник и атаман ездили по близости в деревню Какуйку в дом помещика Максима Хомякова и дом его разбили, а его Хомякова велели крестьянам его повесить, коего при них и повесили, а кто вешал, за небытием в доме его Хомякова не знает.

Из той деревни Какуйки приехали обратно в показанное село Маркино, а из того села Маркина приехали в город Наровчат и оставили все воровские пожитки в домах у вышеписанных однодворцев.

---

⁶ Повидимому, тут пропущено: „Волженского в село Маркино“ так как дальше упоминается этот помещик и это село.

⁷ Это место сообщает массу любопытных сведений, хотя в слишком сжатой, к сожалению, форме. Прежде всего загадочна роль помещика Петра Баскакова, дома которого пугачевцы не тронули, догнавшего их затем на дороге, во главе своих дворовых и крестьян, и игравшего, наконец, целую ночь на скрипке в доме ограбленного его спутниками помещика (майор Ф. Волженский, владелец 119 душ, бывший в то время в отлучке, определил свой убыток в 2.223 рубля). Ведь не даром этот факт запомнил Евсевьев, и его счел нужным отметить обвинительный акт. Возможно, что Баскаков принял сторону восставших; искренно или притворно,—неизвестно. В ведомости разорений по Верхнеломовскому уезду значится капитан Петр Баскаков, живший в д. Сорокино (может быть, другое название д. Папышевой: у одной деревни часто бывало несколько имен); крестьян за ним нет, но у его жены есть доставшиеся ей в приданое 45 душ. В доме его было пограблено на незначительную сумму 99 р. 10 коп. Об участии его в толпе пугачевцев ведомость ничего не говорит. Другая интересная бытовая подробность: с Евсевьевым, оказывается, ушли 2 дворовых человека, отец и сын Зотовы, из которых первый едет с собственной подводой, на которую заботливо складывает добытые пожитки. У поручика А. Раевского (у него 90 душ; сам он был в отлучке) было разграблено на 2.247 р. (Вор. Гос. Музей, кн. 127, листы 176—177, 177—178).

Атаман Яков Иванов отвозил пожитки Наровчатского уезду в село Кочелаево в дом отца свсего Ивана, а чей сын не знает, и те пожитки отдавал мачехе своей, а как зовут не знает, а он Трофим ездил с ним в то село с товарищи, всего пять человек, и возвращаясь в показанный город Наровчат, и в том городе имелись три дни⁸; и еще к той из разных жительство собралось многое число людей и поехали в город Керенск для разбития того города Керенска; точию ту толпу под тем городом разбили и побили многое число разбойников и отбили пушек медных семь и по разбитии разбежались порознь; и пришед в город Наровчат с называемыми полковником и атаманом со многими людьми, а из того города Наровчата приехали в нижеломовский уезд в село Пешое, и собралось их многое число с пушками, с ружьи и с копьи и со всяким дреколием, человек более тысячи; поехали в город Нижний Ламов и, не доехав того города верст с пять, и из того города противу той толпы выехала гусарская команда и ту воровскую толпу разбили. И по разбитии ушли в бегство, и по побеге приехав на реку Баланду в Хохлацкую слободу, и в то время приехала казачья команда Лащинина для поиска разбойников, донские казаки, и ту толпу разбили; и от того разбития бежали и явились ко оному Лащинину, а оной Лащинин отослал с таковыми ж колодники в Новохоперскую крепость⁹, а из той крепости присланы в

---

⁸ Это место бросает свет на происхождение Я. Иванова: с. Кочелаево было населено дворцовыми крестьянами.

⁹ Донские полковники Лоцилин (а не Лащинин) и Вуколов и походный атаман Луковкин 12 сентября разбили под слободой Баландой пугачевскую толпу около 2000 чел., взяв в плен 97 чел. Выписка ничего не говорит о похождениях „толпы“, где был Евсеев, после поражения под Н. Ломовым 30 августа и до 12 сентября. Подводя итог действия отряда („партии“) атамана Якова Иванова, можно констатировать, что почти половина помещиков;

тамбовскую провинциальную канцелярию, а из тамбовской провинциальной канцелярии присланы в верхнеламовскую воеводскую канцелярию при указе, а из оной канцелярии прислан он, Трофим, при вышеписанной промемории в кадомскую воеводскую канцелярию ко учинению с ним по законам».

Приговор Кадомской воеводской канцелярии 3 марта 1775 г. гласил следующее: так как Евсевьев «повинился в самоохотном вступлении в толпу известного государственного злодея и бунтовщика Емельки Пугачева, и в учинении им с протчими той толпы злодеями смертных убийствах дворян и всякого звания людей четырнадцать человек, и в разбитии в городе Верхнем Ламове питейного дома и казенных соляных амбаров и партикулярных домов как в городе, так и в уезде Нижеламовском и Верхнеламовском, и в грабеже из тех домов пожитков», — хотя он и «подлежит натуральной смертной казни, но по силе указа 1754 года ноября 14 дня учинить ему, Евсевьеву, жестокое публичное кнутом наказание и, вырезав ноздри, поставить на лице повеленные означенным же 1754 года ноября 14 дня указом знаки, сослать в ссылку в Азов в тяжкую работу вечно». Приговор был послан на утверждение в воронежскую губернскую канцелярию.

убитых в Верхнеламовском уезде, были его жертвами. Действительно, по ведомости разорения этого уезда (*Вор. Гос. Муз., кн. 127*) всего было убито 12 помещиков, — из них 3 с женами, 1 с сыном, 1 с дочерью и 1 вдова; убиты же людьми Як. Иванова оказались (не считая жены помещика Вышеславцева, одного дворового, одного отставного солдата и 4 неизвестных) дворянин Веденяпин с сыном, поручик Иванчин с женой, фурьер Мещеринов, вдова Матвеева и вахмистр Хомяков; из них самым крупным владельцем был последний, за которым числилось 53 души, доставшиеся от его матери, да за его женой 20 душ.

а до получения ответа постановлено: «содержать его, Евсевьева, под крепким караулом скованного».

Участь Евсевьева была несколько смятчена благодаря тому, что пока его дело дошло до рассмотрения воронежской губернской канцелярии, подоспел манифест 17 марта 1775 г., ставивший целью предать пугачевщину «забвению и глубокому молчанию». Согласно этому манифесту было предписано Евсевьева «отослать без наказания¹⁰ для определения в Оренбург в работу в оренбургскую губернскую канцелярию».

(Тамбовский Исторический Архив, № 271).

Приложение Д.

Челобитная троцкого канцеляриста Григорьева.

° (Подана 8 августа 1774 года.)

«Челобитье: дворцовых Троицко-Острожских волостей управительских дел канцелярист Семен Иванов сын Григорьев, а о чем мое явленное челобитье, тому следуют пункты:

1

Сего августа 3 числа, приехав в город Троицк неведомые люди четыре человека, называя себя разбойнической злодея Пугачева партии казаками, и с ними множественное число сел Кашаева, Такмова, Кочелаева, деревень Курнины, Зайнщиковы, Мордовской Вечкенины, Поранины и прочих разных жительство крестьян и новокрещен, и во-первых объявляя те неведомые люди троцким жителям, что освобождается де народ от платежа всяких казенных податей на 10 лет да не

¹⁰ Т.-е. без *телесного* наказания — кнута (который часто фактически означал смерть) и без вырезания ноздрей.

будет с них рекрут семь лет, что беспутный и безрас-
судный народ, приняв за истину, и все единогласно
закричали, что служить тому рады; на что те неведо-
мые люди сказали: но когда де вы служить тому же-
лаете, то надлежит во-первых повесить воеводу, то-
варища, управителя и подьячих, почему и будете иметь
свое правосудие, — чему и пуще тот необузданный на-
род обрадуясь (который был для встречи тех неве-
домых людей до приезда их дни за два того города
и из разных уездов жители многолюдством собран-
ный).

2

И тот собранный народ, побрав копья и другое раз-
ное дреколье, и обще с теми неведомыми людьми и
приехавшими с ними из сел Кочелаева, Такмоза, и про-
чих жительство и пошли к городу; и повеся воеводу,
товарища и управляющего секретарскую должность с
приписью подьячего и побежав на управительский
двор, где управители во-первых немилостиво били, а
потом, сомкнув штыками, умертвили; и пошед те не-
ведомые люди с приехавшими из разных жительство и
того города жителями в воеводский дом, и разграбя
во оном пажить паки возвратясь для такого ж пажити
разграбления в управительский дом.

3

И по разграблении в тех двух домах пажити, те
неведомые люди и предписанных разных селений с
жителями пришед ко мне в домишко и во оном во-
первых вшед в хоромы и переколов во оных окончи-
ны, у чулану и у амбаров переколов же двери и сбив
замки, из коих грабили и тащили разную пажить; что
я ныне, будучи в страхе, припамятовать мог, а сколь-

ко и какой названием пажити разграблено да и что и какой же порознь цены стоит, о том значит ниже сего, а именно: два синих суконных сюртука, два ж камзола¹... Всего по цене, и с деньгами, в разграблении на 1.656 рублей на 17 копеек.

Те ж грабители по разграблении предписанной моей пажити пошли в состоящие в городе Троицке подьяческие лутчие дома, в коих по разграблении ж пажити и расколоти в них дверей и окон, пришед в воеводскую канцелярию и выдавали своим называемым казакам и той канцелярии штатной команды солдатам и прочим жалованье.

4

А затем, пришед де к управительским делам и раскупоря бочку, приказали мешки носить вон и, развязав оные, метали² в собравшийся тогда, как и выше упомянуто, многолюдный народ; коим я с надежды и тихим образом, чтоб они на то казенное разграбление не прельщались³; но они, того не послушав, и друг друга в том подъеме денег теснили, а потом и на меня тем неведомым людям о запрещении того подъема денег жалобы приносили, за что я был во-первых сомкнут с дву сторон штыками, а спереди держащим над шеею палашом, во-вторых приведен был для повешенья под те рели, где были воевода, товарищ и с приписью подьячий повешены. Но и тем еще того города и уезда жители не удовольствуясь, спустя тех неведомых разбойнической партии людей, вознамери-

---

¹ Далее на 4 убористых страницах идет перечисление потерь челобитчика натурой и деньгами.

² Пропущено: „деньги“. В то время в обороте были преимущественно медные деньги, которые хранились и перевозились в бочках.

³ Пропущено: „говорили“.

лись меня повесить сами, от коих я едва мог и скрыться. Кто же при оном грабительстве города Троицка и разных уездов жители начинщиками и указательми были и мною в то время опознаны, и какие ими злодейские поступки ⁴ и в отлучке моей что еще в домишке моем разграблено, — о том я впредь где надлежит должен объяснить со обстоятельством».

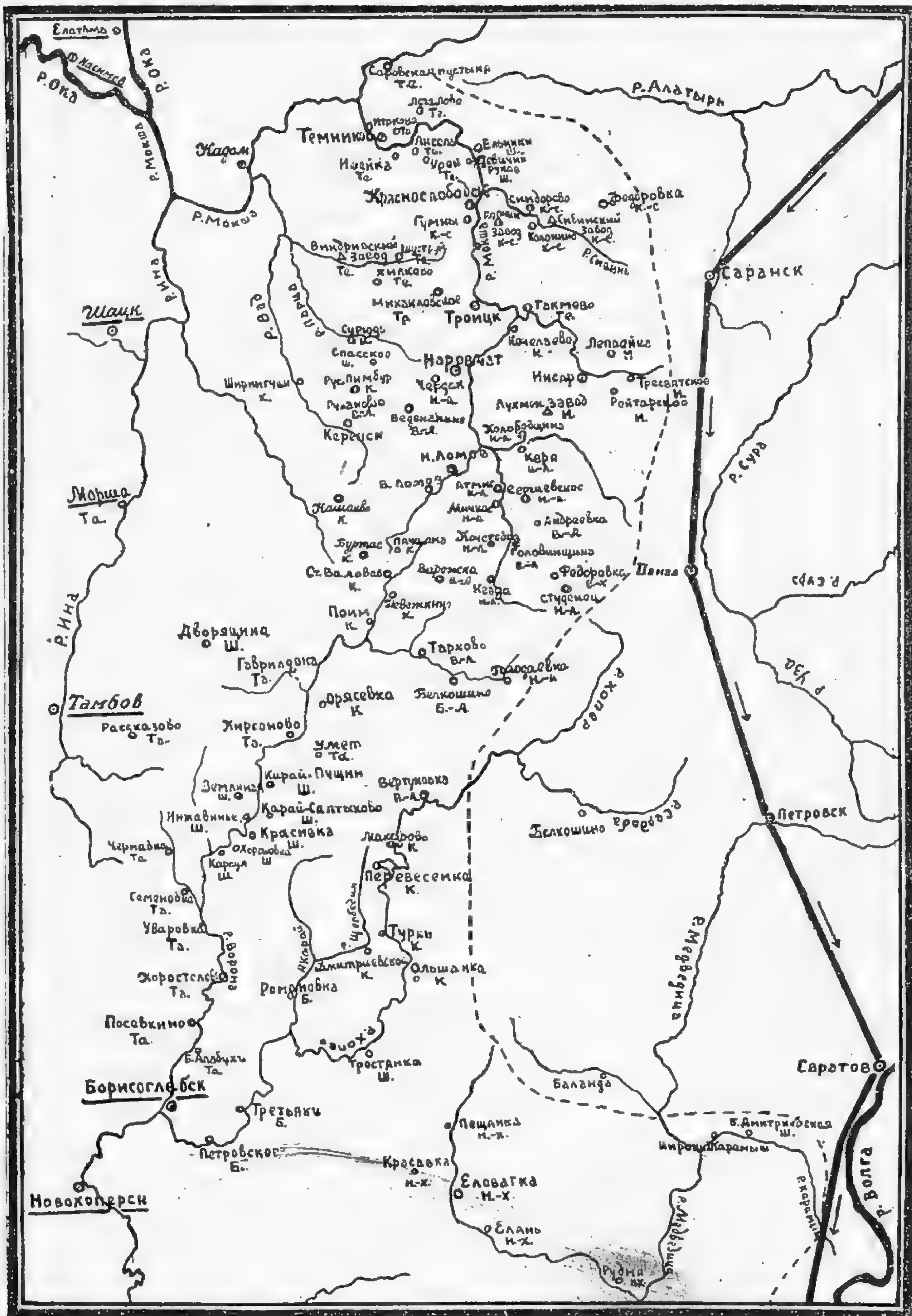
Эта челобитная находится в Тамбовском Историческом Архиве под № 253; на нее, как и на выписку из дела Трофима Евсевьева, первый обратил внимание зам. зав. Тамбов. Губархивом С. И. Соколов, снявший с них копии, выставленные ныне в музее по истории революц. движений при Тамбов. Губархиве.

---

⁴ Пропущено: „совершены“.

Карта распространения пугачевщины в пределах Воронежской губ.

ПОЯСНЕНИЯ К КАРТЕ

Все города и селения, названия которых не подчеркнуты, были захвачены пугачевщиной.

Те города, названия которых подчеркнуты (Шацк, Тамбов и др.), не были затронуты восстанием.

Буквы: Б. означают принадлежность селения Борисоглебскому уезду.

И.	„	„	„	Инсарскому	„
К.	„	„	„	Керенскому	„
К.-С.	„	„	„	Краснослободск.	„
В.-Л.	„	„	„	Верхнеломовскому	„
Н.-Л.	„	„	„	Нижнеломовскому	„
Н.	„	„	„	Наровчатскому	„
Та	„	„	„	Тамбовскому	„
Те	„	„	„	Темниковскому	„
Н.-Х.	„	„	„	Новохоперскому	„
Ш.	„	„	„	Шацкому	„
Тр.	„	„	„	Троицкому	„

Из карты видно, что уезды были часто чересполосны (особенно Шацкий уезд, куда входили селения Девиный рукав и Ельники, близ Краснослободска, и Широкий Карамыш и Больш. Дмитриевское, близ Саратова).

-----—восточная граница Воронежской губернии в 1774 году.

— путь „главной толпы“ самого Пугачёва в июле—августе 1774 года.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Предисловие	5
Глава I. Колонизация и экономический быт края в XVIII столетии.	
1. Колонизация. — Численность и состав населения. Ино- верцы и новокрещены. Однودворцы; имущественное расслое- ние среди них и отношение к помещикам. Помещичья коло- низация; волнения помещичьих крестьян до пугачевщины . .	13
2. Экономический быт.—Размеры помещичьих владений. Барщина и оброк; их распространение и размеры. Помещичье и крестьянское хозяйство; земледелие и скотоводство. Торговля. Промышленность. Особенности северных уездов. Военно-адми- нистративные условия края. Вывод	33
Глава II. Распространение и характер пугачевщины в июле— сентябре 1774 г.	
Отзвуки пугачевщины в крае до июля 1774 г. Восстание в Арзамасском и в дворцовых уездах. Занятие городов Инсара, Троицка, Наровчата, Краснослободска и железных заводов. Оборона Керенска. Действия партий Дубцова, Евстратова, Якова Иванова, Каменского и братьев Ивановых. Поражение пугачевцев и отступление на юг. Состав участников восстания: «казаки», понятые, подводчики и т. д. Лозунги и образ действий восставших. Причина пора- жений пугачевских партий	62
Глава III. Участники и жертвы пугачевщины.	
А. Вводные замечания	109
Б. Размеры пострадавших владений. Имущественное положение убитых и оставшихся в живых помещиков (по разным уездам). Материальные убытки их. Дворяне-пугачевцы. Роль духовен- ства и церковников. Роль купечества; однودворцев; дворцо-	

вых и экономических крестьян; новокрещен и татар; помещичьих крестьян. Состав «колодников» уездных тюрем после восстания. Кары за восстание. Материальные жертвы крестьянства. Вывод: состав пугачевцев и разложение сословного общества 115

● **Заключение:**

Старые и новые точки зрения на пугачевщину. В каком смысле она может быть названа «буржуазной» революцией 171

Приложения.

А. Состав населения края по данным 3-й ревизии 180

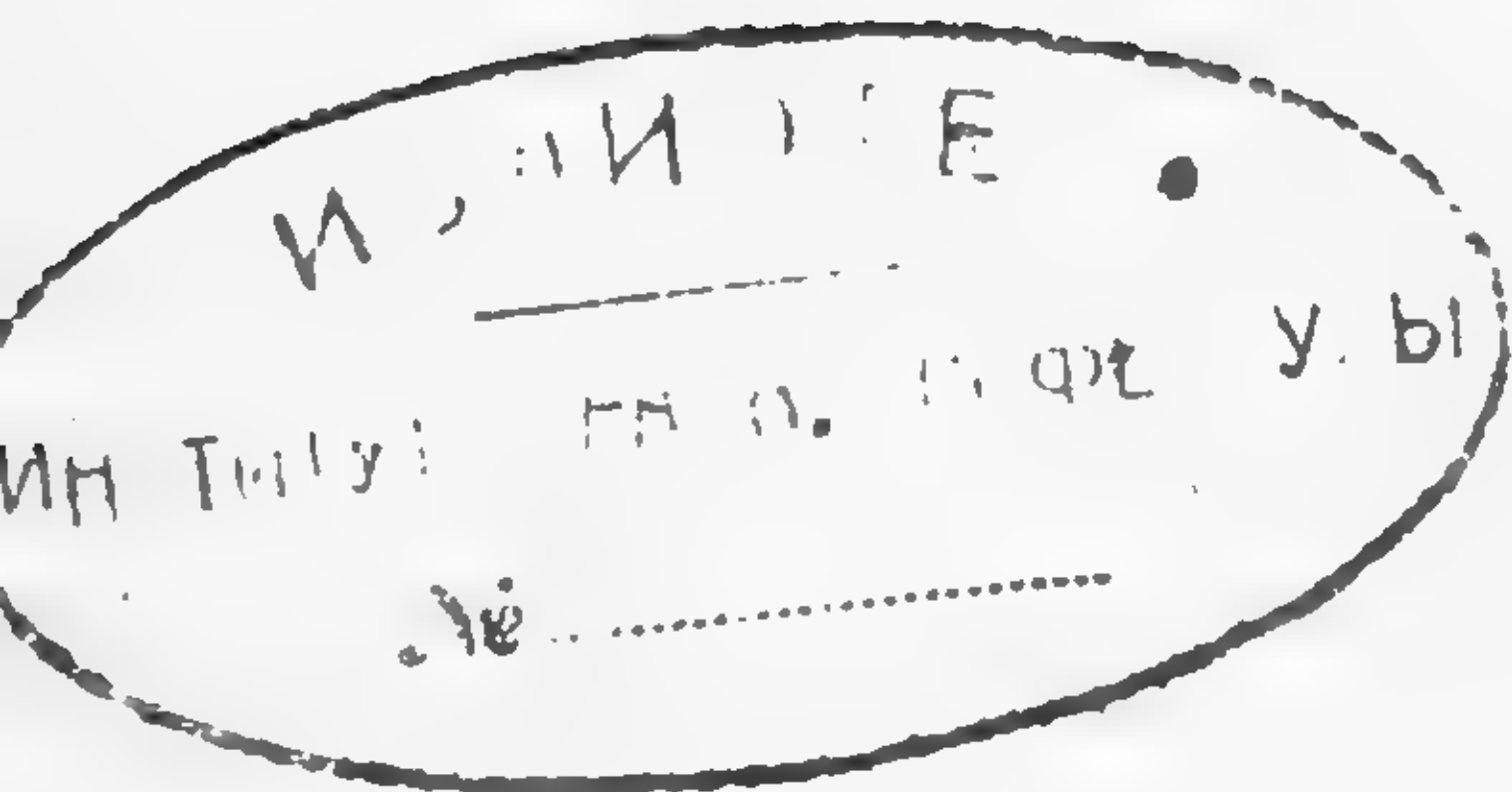
Б. Численность и имущественное положение владельцев Воронежской губ., убитых и разоренных в пугачевщину . . 182

В. Ведомость колодников, содержащихся в Шацкой канцелярии в декабре 1774 года 184

Г. Выписка о кадомском купце Евсееве 198

Д. Челобитная троцкого канцеляриста Григорьева от 8 августа 1774 г. 205

Карта распространения пугачевщины в пределах Воронежской губ. 209

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:

- 1) Правлению Издательства Политкаторжан—Москва, ГСП—10, Лопухинский пер., 5; тел. 3-64-73.
- 2) Магазины Издательства Политкаторжан „МАЯК“—Москва-центр, Петровка, 7; тел. 4-18-12 и 3-63-20.

